

Annotation

Как всегда — о любви, предательстве, человеческой подлости. И не только...

- [Туринская Татьяна](#)
-

Туринская Татьяна

Побочный эффект

Отделение для ручной клади оказалось забито под завязку. Ничего не меняется — она всегда поспевает лишь к шапочному разбору.

— Простите, вам не мешает моя сумка?

Дама вежливо улыбнулась:

— Нет-нет, располагайтесь.

Ирина зачихнула сумку под сиденье. Устроилась поудобнее в кресле. Облегченно вздохнула: слава Богу, успела!

Едва прикрыла глаза — тут же вернулась боль. Душа превратилась в маленькую колючую горошину, и поселилась в горле, перекрывая доступ кислороду. Невероятным усилием Ирина вернула ее на место: в сердце, там как раз пусто. Там должно жить то, во что превратилась ее душа. Там самое подходящее место для боли.

Расцарапанное душой горло засадило. Ничего. Это Ира переживет. Лишь бы не задохнуться раньше времени. Ей бы увидеть их, а там...

Улыбнулась, как ни в чем не бывало: незачем соседке видеть ее страдания. Это только ее боль, и ничья больше. Она заслужила ее. Да и что еще у нее осталось, кроме этой боли?

— Чуть не опоздала. Всегда я так! К каким бы ухищрениям ни прибегала — все равно опаздываю. Не быть мне английской королевой!

Рассмеялась тихо, но звонко. Смех у нее был необычный, будто хрустальный, и невероятно заразительный. Она знала эту свою особенность, и умело использовала ее при необходимости. Однако сейчас в ее планы не входило одурманить или умиловить кого-нибудь своим смехом. Сейчас он был таким же естественным, как несколько лет назад. Только в веселую хрустальность нынче вполне органично вплелась грусть. И боль. Как же без боли?

Лайнер натужно загудел, завибрировал всеми фибрами своей железной душонки, и медленно, тяжело, будто старая двухсоткилограммовая баба,

неохотно покатился вперед, отсчитывая бетонные плиты по едва уловимым стыкам. Казалось, от движения он просыпается, наливается силой, на глазах превращаясь из толстой неуклюжей старухи в доброго молодца. Скорость нарастала. Деревья, с любопытством выглядывающие из-за бетонной стены аэродрома, из отдельных представителей лесного царства превратились в сплошную зеленую поляну. Сила инерции вдавила пассажиров в кресла и машина, наконец, оторвалась от земли.

Ира зажмурилась. И вновь усилием воли заставила себя открыть глаза и улыбнуться.

— Боитесь? — спросила у соседки.

Та отрицательно мотнула головой, приветливо улыбнувшись при этом. Ее лицо было таким открытым и обаятельным, понимающим. Помимо воли захотелось рассказать незнакомке все. Нельзя уходить непонятой. Пусть правду будет знать совершенно посторонний человек — у Иры останется иллюзия, что она сделала все, что могла. Она использовала последнюю возможность все исправить. Вдруг, делаясь своей бедой с незнакомым человеком, она поймет что-то важное, что раньше скрывалось от ее глаз. И тогда... Тогда не надо будет уходить? Или нет — ничего нельзя изменить. Время не течет вспять. Не течет...

— А я боюсь, — призналась она. — Всю жизнь боюсь. И это притом, что мне очень часто приходится летать. Боюсь смертельно!

Страх сжал горло — с некоторых пор оно стало ее самым уязвимым местом. Ирина сглотнула громко, пытаясь расправиться с ним так же, как минутой раньше расправилась с колючей душой. Нет больше страха, нет. Теперь нечего бояться. Самое ужасное произошло. Ужаснее попросту не бывает. За сотни тысяч лет человечество не придумало пытки страшнее.

— Вернее, боялась, — поправилась она. — Сегодня впервые в жизни не страшно. Теперь я наоборот хочу, чтобы то, чего так долго боялась, произошло. Покончить бы враз со всем этим...

Поймав возмущенный взгляд соседки, поняла, что сболтнула глупость. Нет, не возмущенный. Скорее шокированный. И... Пожалуй, любопытный, да — об этом свидетельствовали приподнятые брови.

Ира чуть не рассмеялась. Летят в одном самолете. Не дай Бог что случится — живых не останется никого. А эту любопытство распирает! Поистине: каждый человек — загадка.

И все-таки нельзя так. Если Ирине нет смысла дальше мучиться, то почему остальные пассажиры должны разделить ее скорбную участь? Нет. У каждого своя финишная ленточка. И добираться до нее предстоит в гордом одиночестве. Конечно, хорошо бы — раз, и кончены ее земные

страдания. Но при чем тут остальные? Так нельзя.

— О, простите! Что я болтаю?! Не обращайтесь внимания: это я так, мысли вслух. Мне, наверное, лучше помолчать.

Брови любопытной соседки нехотя вернулись на исходное место: дама оставила ее предложение без ответа, не настаивая на продолжении разговора. Вернее, монолога: с самого момента Ириного появления в салоне та произнесла лишь одну ничего не значащую фразу.

Попутчица раскрыла толстую газету явно бульварного уклона, давая понять, что не намерена лезть в чужую душу.

Ирина поняла намек. Пожалуй, демонстративное равнодушие соседки несколько выбивалось за рамки вежливости, но вообще-то она абсолютно права. Кому понравится такая тема для разговора? Люди спокойно едут к морю, отдохнуть, покупаться, полежать под ласковым южным солнышком. У каждого свои планы на отпуск, и наверняка планы вполне радужные. А тут какая-то дурочка прибежала в последнее мгновение, плюхнулась в кресло, и давай делиться своими надеждами на авиакатастрофу.

Во что Ира превратилась? Переживания переживаниями, но не до такой же степени! Как мало она стала похожа на себя прежнюю. Наверное, она еще не совсем избавилась от страха полета. Глупость какая — она ведь теперь неуязвима! Ей теперь нечего бояться!

Однако страх все еще цепко держал за горло. Не так цепко, как раньше, когда она дорожила своей жизнью. И все-таки не оставлял в покое.

Прикрыв глаза и набрав в грудь побольше воздуха, Ира постаралась взять себя в руки. С шумом выдохнула, неуверенно улыбнулась самой себе. По примеру неразговорчивой соседки достала из сумки книгу, раскрыла на середине и попыталась углубиться в чтение.

Самолет гудел ровно и спокойно, без надрыва, словно бы уверяя пассажиров в своей надежности. За иллюминатором проплывала безграничная синь, лишь где-то далеко внизу купались в бездне редкие облачка, такие странные сверху, будто небо вдруг перевернулось и оказалось под ногами.

Ира в который раз читала одну и ту же фразу, никак не улавливая ее смысла. Странно. Ведь ей очень нравились произведения этого автора. Она без восторга относилась к детективам. Банальную любовную жвачку и уж тем более мистику и кровавые ужасики откровенно не выносила, считая их низкопробной литературой. А проза Тамары Никольской легла на душу бальзамом. Вроде все та же попса — в смысле, обычная современная проза, где всего намешано понемногу на фоне реалий сегодняшнего дня. Однако, несмотря на узнаваемость лиц и ситуаций, романы Никольской были

пропитаны тонкой женской психологией, даже немножко философией, и содержали в себе какую-то особенную энергетику. Благодаря этому, не относясь к разряду серьезной литературы, абсолютно не казались второсортными и недостойными внимания.

Но сейчас даже самая интересная книга, независимо от авторства, не смогла бы отвлечь Ирину от страшных мыслей. И Никольская была беспощадно захлопнута.

— Вы уж простите мне мою бестактность. Сама не знаю, что со мной происходит, — Ирина вновь обратилась к соседке. — Сама себе поражаюсь. Всю жизнь относилась к сдержанным людям, никогда ни с кем не делилась ни мыслями, ни чувствами. Даже с ближайшей подругой старалась держать дистанцию. Подруга... О-ооо, моя подруга... Почему я такая мягкая, почему не умею сказать 'нет'?..

С Ларисой Ира Комилова, можно сказать, выросла. С ней и жизнь прожила. Все потому, что так и не научилась говорить 'нет'.

В новый дом обе семьи въехали, когда девочкам только-только исполнилось по четыре года. У них даже дни рождения были совсем рядышком: у Иры четырнадцатого октября, у Ларочки — двадцать девятого. Месяц один, а знаки зодиака разные. Может, из-за этого и такая разница в характерах?

По злой иронии судьбы оказалось, что в новом доме из их ровесников девочками были только Ира с Ларисой. Остальные — мальчишки. Чуть постарше, чуть помладше, одноклассники — мальчишек было много. С одной стороны — красота, море потенциальных женихов. С другой — выбора не было. Подсунула судьба Ларису — дружи с Ларисой. Не хочешь с Ларисой? Тогда сиди в песочнице одна, лепи куличи, и сама же ими любуйся.

Но одной было скучно. А с мальчишками не получалось. Тем бы камнями побросаться. Или песку в глаза насыпать. Игрушки забрать, поломать, и выбросить. Не складывалось у Ирочки с мальчишками.

Пока девочки были маленькими, мамы никуда из родного двора не выпускали: гулять можно было только под окнами и только вместе. Ссорились девчонки частенько, но только на короткое время: не к кому было пристать, не было других подружек. Как ссорились, так и мирились.

Позже пошли в одну школу, и опять же сработал извечный закон подлости: попали в один класс. Там бы, в школе, и поискать Иришке новых подруг. Но ревнивая Ларочка всегда была настороже: не дай Бог Ира на перемене шла с другой девочкой в столовую — устраивала такую

истерике, что слышно было в соседнем классе. Доходило до смешного: Ира в одиночестве не могла сходить даже в туалет — следом обязательно плелась Лариска.

О ее нездоровой ревности очень скоро узнали все одноклассники и даже учителя. Устраивать скандалы с истерическим визгом, непременным царапаньем и даже вырыванием волос из головы соперницы Лариса не только умела, но и любила. Из-за этого ее пристрастия одноклассники старались обходить ее десятой дорогой. А заодно с ревнивицей и Ирочка оказалась в полной изоляции.

Так и случилось, что, прожив в Москве всю жизнь, Ирине не удалось обзавестись нормальными подругами. Приятельницы — да, были, но настоящей подруги, с которой можно было бы поделиться наболевшим, не оказалось. А рассказывать что-либо Ларисе было ох как чревато...

Боль снова вернулась в горло. А страх никуда и не уходил. Как только они, такие необъятные, умещались в узком горле?

Дышать стало труднее. Ира пыталась проглотить их, но тщетно: страх сидел на своем законном месте — ему и положено быть в горле во время полета. А боль... Ирина сама виновата — зачем травить израненную душу? Зачем снова ворошить прошлое? Все равно ничего не изменишь. Ее финишная ленточка — вон она, совсем-совсем близко. Так близко, что колышет от Ириного затрудненного страхом и болью дыхания. Слишком поздно...

Пытаясь справиться с волнением и тревогой, она зажмурилась. До упора вдавила пальцы в подлокотники кресла. Мимоходом заметила: хорошо, что ногти подпилила совсем коротко, иначе обязательно поломала бы.

Почему, ну почему мама не научила ее говорить 'нет'?! Сколько жизненных проблем ей удалось бы избежать! Прежде всего — главной проблемы. По имени Лариса.

Ларочка Трегубович росла чересчур избалованной девочкой. Больше баловать родителям было некого: других детей Бог не дал. Даже Лариса, по их словам, родилась у них скорее 'вопреки', нежели 'благодаря'. Несколько беременностей закончились у Ларочкиной мамы неудачно: первый раз она родила тоже девочку, но малышка не прожила и трех часов. Потом были подряд три выкидыша, и лишь спустя долгие годы судьба, наконец,

улыбнулась чете Трегубович: на белый свет появился крошечный недоношенный младенец, который невероятными усилиями врачей удалось вернуть к жизни.

Почти до пяти лет Софья Исааковна в буквальном смысле не позволяла пылинке упасть на ребенка. Гуляла Ларочка исключительно на маминых руках: ходить самостоятельно ей разрешалось только дома, и только на расстеленном поверх ковра ватном одеяле, оберегающем ребенка от ушибов при неизбежных падениях. Дабы оградить дитя от зловредных микробов, дважды в день одеяло подвергалось температурной обработке: любящая мамаша ползала по нему на коленях с утюгом, обеззараживая детский полигон.

На игровой площадке во дворе Ларочка только с высоты маминого роста могла наблюдать за процессом появления из-под ловких Ирочкиных рук песочных пасочек, куличиков и неказистых замков. Самой прикасаться к песку было запрещено строго-настрого: в нем же миллиарды микробов!

Лишь на пятом году Софья Исааковна стала иногда милостиво позволять дочери пройтись по дороге собственными ножками. Но только по асфальту и только цепко держа при этом за руку маму, готовую в любую минуту поддержать падающую дочь.

Очень медленно, по чайной ложке в год, Ларочке давалась некоторая свобода действий, однако обо всех своих движениях или перемещениях она непременно обязана была докладывать маме. Для ребенка это было в порядке вещей, и она делала это автоматически: собирались чуть повзрослевшие подружки перейти из беседки на скамейку, Ларочка тут же извещала всю округу визгливым криком: 'Мам, я буду вон на той лавочке!' Для нее было удивительно: как же Ирочка может передвигаться по двору, не докладывая матери о каждом своем шаге?

Зависимость от родителей, несамостоятельность не могли не отразиться на характере. Лариса выросла замкнутой, болезненно реагирующей на любые замечания в свой адрес, и патологически ревнивой и мнительной.

При этих весьма сомнительных достоинствах Ларочка обладала более чем скромной внешностью: маленькая, худенькая сверх меры, какая-то скукоженная. На длинном узком лице выдавались широкие скулы, а любопытный нос хищно торчал вперед, вынюхивая чужие секреты. Единственное, на что не поскупилась природа, так это волосы: Ларочкину головку венчала копна восхитительно-кудрявых бледно-рыжих волос. Однако цвет ее не устраивал, с ним Лариса начала баловаться лет в пятнадцать, испробовав все оттенки фиолетовой, красной и коричневой

палитры. Побывала и брюнеткой, и даже чуть-чуть блондинкой — но как черный, так и светло-русый цвета подчеркивали уродливый нос, выдававшийся вперед кривоватой сливой. В конце концов она остановилась на огненно-рыжем оттенке.

Впрочем, даже великолепная рыжая шевелюра не красила Ларочку — волосы были слишком длинные и слишком пышны для ее маленького хрупкого тельца, отчего голова казалась непропорционально большой. Сколько раз Ира советовала ей сменить объемную прическу на стрижку, да результат был один — Лариса дико обижалась на подругу, горячо убежденная в том, что та готовит ей откровенную подлость. Разве можно состричь такую красоту? То, что эта красота вкупе с остальными 'прелестями' еще больше уродует фигуру, Лара наотрез отказывалась воспринимать — глупости, красивые волосы не могут испортить внешности. И точка.

Школу Лариса закончила с золотой медалью, и без проблем поступила в университет на факультет журналистики: спасибо папиному троюродному брату, иначе на ее золотую медаль без публикаций там бы даже не взглянули.

Ира училась хуже, но отнюдь не по причине слабо развитых мозгов — исключительно из-за отсутствия интереса. Учиться ей было скучно до зевоты. В двойках она не погрязла только благодаря великолепной от рождения памяти.

У Ларочки же, напротив, память время от времени сбоила. Да что там — никудашняя у нее память. А потому уроки она заучивала наизусть, не особенно вникая в смысл вызубренного материала.

После окончания школы подружки пошли в разные стороны: мечтающая о карьере журналиста-международника Лара подалась на журфак. Ирина же, ничего особенного не желая, не проявив к семнадцати годам определенных склонностей, направила стопы в более приземленный аграрно-экономический институт изучать особенности поведения дебетов-кредитов и сальдо-бульдových конфликтов в период составления балансового отчета.

Расставшись со школой, Ира надеялась оставить в прошлом и дружбу с Ларочкой. Раз и навсегда рвать отношения не планировала, да и сложновато было бы это сделать, учитывая проживание в одном доме. Но так хотелось свежих впечатлений, нормальных, без истерик, дружеских отношений. Однако и в институте ее чаяниям не суждено было исполниться: Ларочка, не сумев ни с кем подружиться в университете, по-прежнему таскалась за Ирой, будто приклеенная. Отдохнуть от

привязчивой подруги можно было только на лекциях.

Первый настоящий поклонник объявился на Ирином горизонте лишь в институте: до этого ревнивая Ларочка никому не позволяла приблизиться к подруге. Вероника Николаевна, Ирина мама, сначала удивлялась, а позже, разобравшись, почему у ее вполне симпатичной дочери нет ухажеров, стала возмущаться назойливостью Ларисы. Несколько раз даже пыталась ласково убедить ее, что нельзя так навязывать свое общество, что девочки в этом возрасте должны время от времени отдыхать друг от друга. Но ее обращения оставались гласом вопиющего в пустыне — Ларочка не имела намерений делиться с кем бы то ни было единственной подругой. Воспринимала Иру, как личную собственность: моё, никому не дам!

Первый поклонник как появился, так и сбежал. Не выдержал присутствия ревнивой подружки, ее косых враждебных взглядов и нудных рассказов, как легко и интересно живут в заграницах журналисты-международники.

После него были второй, третий и четвертый. Потом Ирочка считать перестала, а подруга все не унималась.

Но не только из-за сбежавших поклонников злилась Ира на Ларису. Назойливость подруги раздражала. Частенько хотелось отделаться от нее раз и навсегда. Тем не менее, как бы это ни было противно, а терпеть ее общество Ирина в общем-то привыкла.

Куда хуже то, что она чувствовала: когда-нибудь Лариска заставит ее плакать по-настоящему. Не давала покоя мысль, что подруга может предать в любую минуту. Сейчас она улыбается и преданно заглядывает тебе в рот, а завтра, не моргнув глазом, сотворит такую подлость, что потом сама же будет сокрушаться: как же она могла сделать подобное. Не иначе, мол, бес попутал, и будет вымаливать прощения, не отрывая от Ириных глаз взгляда побитой собаки.

Такое уже было. И не один раз. Но все дурные Ларискины выходки побила одна, самая подлая, самая мерзкая. Сколько лет прошло, а до сих пор Ирине было тяжело вспоминать десятый класс. Негодование и гнев душили изнутри, призывая к мести или хотя бы к адекватному наказанию.

В детстве она была обыкновенным ребенком, без особых талантов. Неземной красотой среди ровесниц тоже не выделялась. Однако переходный возраст принес с собой не только головную боль для родителей, но и нескончаемую радость для самой Иры — плавно, незаметно для себя и окружающих, она превратилась в настоящую красавицу. В то же время красота ее была вполне земной. По крайней мере,

нимб над ее головой не засветился. Обычная симпатичная девушка. Быть может, чуть симпатичнее других. А может и нет.

Из массы сверстниц ее прежде всего выделял рост. Она и раньше не была маленькой: с первого класса возглавляла на физкультуре строй девочек. Если в начальной школе это было предметом некоторой гордости — она уже большая! — то к старшим классам стало приносить небывалые моральные страдания: она каланча, уродина. Теперь же Ира перестала быть просто высокой и худой нескладушкой. Худоба приобрела плавность очертаний. Лицо, резковатое и неяркое в недавнем прошлом, тоже претерпело некоторую метаморфозу. Черты вроде те же, тот же овал, те же глаза, губы. А все вместе — другое. Будто и не Ирочка Комилова в зеркале отражается, а миленькая японочка со старого календаря, который много лет висел у них сначала дома, потом на даче, а выбросить его все не поднималась рука — так необыкновенно хороша была юная барышня с зонтиком на бамбуковых спицах, так приятно было смотреть на ее чистое лицо. Теперь Ира, вглядываясь в свое отражение по утрам, отмечала нежность кожи с бархатистостью персика и молочностью оттенка, притом что никогда не считала себя белокожей. Но смуглость ее была теперь словно прикрыта полупрозрачной органзой, которая, не делая кожу более светлой, все же смягчала интенсивность природного оттенка. Извечную мальчишечью стрижку сменило длинное каре.

В общем, чего уж там — отраженьем своим Ирина была ныне вполне довольна. Даже очень довольна.

Однако не всех радовали такие перемены в ее внешности. Единственная подруга при взгляде на похорошевшую вдруг Иру испытывала просто-таки физическую боль. Самой Ларисе переходный возраст не принес никакой радости. Напротив, от него ей достались сплошные огорчения в виде щедро разбросанных по лицу противных красных пятен, с которыми ей никак не удавалось справиться. Глотала слезы обиды: почему такая несправедливость? Одним — все, другим — шиш в кармане? Невыносимо было наблюдать, как мальчишки заглядываются на ее подругу, а от самой Ларочки воротят носы в сторону.

Однажды, сидя на скамейке в физкультурном зале и глядя, как одноклассники прыгают через 'козла' — самой ей особо напрягаться на физкультуре не велела мама — Ларочка поймала восхищенный взгляд Лёшки Звягинцева, устремленный на Иру. Та и правда была необыкновенно хороша в коротких синих шортиках, обтянувших ладненькую попку, и белой простенькой футболке, заманчиво натянувшейся на груди. Сам Лёшка, хиляк и доходяга, гораздо более болезненный, чем Ларочка,

выглядел в свои шестнадцать пятиклашкой, а, поди ж ты — и этот туда же. А на Ларису — ноль внимания! И так она была возмущена, так обижена несправедливостью природы, что выдала, не особенно задумываясь над последствиями, а может, наоборот, очень хорошо их себе представляя:

— Красивая Ирка, правда?

Лёшка восхищенно протянул:

— Дааа!

— Так жалко... Какая все-таки подлая штука жизнь! С виду такая красавица, а на самом деле так не повезло человеку — всю жизнь прожить одной. Каково это — с детства знать, что обречена на одиночество? Бедная, бедная Ирка...

От предчувствия сенсации у Лешки загорелись глаза — как это, красавица Ирка Комилова обречена на одиночество? С какой такой радости? Быть того не может!

— Почему?!!

— А ты сам бы женился на такой? Красота-то, она, конечно, глаз радует. Но просыпаться каждое утро в мокрой вонючей постели — извините, на кой черт такая красота? Кто это выдержит?!

— Не понял, — Лёшкины глаза полезли на лоб от удивления. Понять-то понял, да поверить в такое было трудно: красавица-Ирка и вдруг такое?! — Что, ссытся, что ли?

— Фу, — жеманно поморщилась Ларочка. — Не ссытся, а страдает энурезом. Можно подумать, ты не знал!

Будто спохватившись, всплеснула руками:

— Ты не знал? Ой! Что я натворила! Забудь, ты ничего не знаешь, понял? Не смей никому говорить, это ее убьет!

И так искренне хваталась за голову, с таким волнением заглядывала в Лёшкины глаза, так горячо умоляла не раскрывать секрет лучшей подруги...

Стоит ли говорить, что очень скоро об этом знала вся школа. Объяснять, что энурезом Ира страдала разве что в очень раннем детстве, как и все нормальные дети, было совершенно бессмысленно: чем больше оправдываешься — тем охотнее люди верят в ложь. Над Ирой смеялись, унижали на каждом шагу, обзывали 'обоссаной простыней' и 'уссатой-полосатой'.

Как пережила это унижение — Ирина и сама не знала. Зато Ларочка была довольна — теперь никто не заглядывался на ее подругу. Больше того, Ира ныне стала презренной, с ней перестали даже здороваться. А Ларочке вроде как начали сочувствовать: надо же, привязалась эта ссыкуха к

человеку, никак от нее теперь не избавишься, эхх, бедняга...

Источник ложной информации был раскрыт молниеносно — Звягинцев раскололся мгновенно, ведь поначалу в его бредовую информацию никто не поверил. Но уж коли эта информация исходила от лучшей подруги — значит, правда.

Ира перестала общаться с Лариской, игнорировала ее несколько месяцев. Но та была настойчива. Вернее, не настойчива, а невыносимо прилипчива. Не отходила от Ирины на переменах, шла вместе с ней домой. И упорно твердила, просительно заглядывая в глаза:

— Прости меня, прости! Я не знаю, как это получилось! Я, наверное, была не в себе. Ты была такая красивая, и Лёшка так восхищенно смотрел на тебя. А я ведь сидела рядом, в таких же шортиках, но он на меня вообще не обращал внимания! И что-то на меня накатило, я даже не помню, что я говорила. Слушай, — она хватала подругу за рукав, будто только что все поняла: — А может, Лёшка все придумал, а я ничего и не говорила? Ну не помню я такого, хоть убей, не помню! Не могла я такое про тебя сказать, не могла!

Ира не верила ни единому ее слову. Прекрасно знала — именно Лариска и придумала всю эту мерзость. Никто, кроме нее, не смог бы додуматься до такого. Ира давно догадывалась, что подруга преподнесет ей еще не один 'приятный' сюрприз.

Знала. И прощать не хотела. Но так настойчива была Лариска, так преданно, по собачьи, заглядывала в Ирочкины глаза, так вымаливала прощение... А главное — не было ни единой возможности прогнать ее от себя. Та плевать хотела на любые запреты, на то, что с ней не желали говорить, что ее презирали за подлость. Она тупо шла рядом. Она тупо стояла рядом на переменке. Она тупо сидела рядом за партой.

Ирина не простила ее, нет. Но постепенно, слово за слово, начала говорить с предательницей. Сначала вынуждена была отвечать на ее оправдания. Потом обвиняла, кричала на подлую обманщицу, срывая злость и обиду. Сперва сквозь зубы, потом стала оттаивать потихоньку. Обида не притуплялась, боль предательства не проходила, но Ира никогда не была злопамятной. Или просто не могла похвастать сильной волей. Не получалось у нее сказать Лариске твердое 'нет'. Не сумела послать мерзавку подальше. Вынужденно простила, не сумев настоять на полном прекращении отношений.

Но и забыть не забыла. Попробуй забудь такое, когда с утра до ночи только и мечтаешь о смерти — лишь бы избавиться от несправедливых насмешек и оскорблений.

— Если бы я ее не простила... Если бы мне только хватило упрямства... Если бы я умела говорить 'нет'! Если бы, если бы, если бы... Тогда все могло бы быть совсем иначе...

Ирина замолчала и устремила взгляд в синее безграничье неба, словно хотела найти там подтверждение своих слов: она же права, да? ведь могло бы все получиться иначе? могла же она избежать всего этого?

Соседка отвернулась вполоборота и деликатно молчала, не желая торопить собеседницу. От Иры не укрылась ее деликатность. Наверное, именно потому и захотелось раскрыть душу незнакомке, что та не проявляла нездорового любопытства. И в то же время, Ира чувствовала, ее рассказ женщину не просто не напрягает — он ей действительно интересен. Та слушала умело, будто только этим и занималась всю жизнь — подставляла жилетку для чужих слез.

Так ли это на самом деле, или Ирина придумала себе все это в оправдание, чтобы не стыдно было перед собой за то, что так рассиропилась, расквасилась перед посторонним человеком? Какая, в принципе, разница? Начав говорить, она не могла остановиться на полуслове. Нужно было выплеснуть из себя боль — та разрослась так, что в огромном пустом сердце уже не хватало места для нее. Нельзя оставлять ее в себе, иначе...

Что 'иначе' — Ира не додумала. Проговорила торопливо, словно боялась, что соседка вдруг пересядет, или еще куда-нибудь денется, лишив ее возможности излить из себя еще немножечко боли. Еще глоток, еще щепотку...

— Вы простите, что я так разоткровенничалась. Знаете, я так долго носила это в себе, что мне просто необходимо выплеснуть все это. Недаром говорят: случайные попутчики больше всего подходят на роль исповедника. И правда. Близким ни за что не станешь раскрывать всю себя — могут ведь и напомнить. Особенно если посчастливится занять такую вот подругу. А вам почему-то легко рассказывать... У вас такое лицо открытое. Мне упорно кажется, будто мы с вами сто лет знакомы. Знаю, что вижу вас впервые, а никак не могу отделаться от ощущения, что очень хорошо с вами знакома. Странно, да? Я вам не надоела со своими воспоминаниями? Может, вы бы хотели почитать? Газеткой вот запаслись...

Попутчица взглянула с удивлением на газету, давно уже свернутую трубочкой. Махнула ею, выражая пренебрежение. Улыбнулась:

— Ерунда, газета не прокиснет. Мир не перевернется, если я прочитаю ее через недельку-другую, на обратном пути. А может, и вообще не прочитаю. Думаю, это не смертельно. Гораздо полезнее дать человеку выговориться. Вы правы: очень тяжело носить груз воспоминаний в себе. И даже вредно. Именно поэтому медики и советуют выплескивать накопившиеся эмоции. И делают это практически все, только каждый по-разному. Кто-то с утра до вечера нудит о своих проблемах каждому встречному. Другие — лучшему другу или подруге. Третьи — маме. Четвертые — как вы, способны открыться только случайному человеку, будучи уверены в том, что больше никогда не встретятся со своей 'отдушиной'. Пятые раскрывают душу только в кабинете психолога, расплачиваясь за конфиденциальность деньгами. Есть и шестые. Эти, будучи не в состоянии красиво изложить свои переживания в устном виде, а может, не найдя подходящую жилетку, изливают переживания на бумагу.

— А вы? К какому типу вы относите себя?

Собеседница улыбнулась. И такая славная была у нее улыбка, такая уютная, что Ирине захотелось прижаться к ее груди, как к материнской, и почувствовать себя в полной безопасности. Когда-то давным-давно она прижималась так к маме.

— Не знаю. Наверное, ко всем шести, а может, для меня еще тип не придуман? Да и так ли это важно?

— А и правда, какая разница, — улыбнулась Ирина. — Главное, что с вами очень приятно общаться. Вы умеете замечательно уютно молчать. Просто идеальная слушательница!

Соседка усмехнулась:

— Да уж, слушательница я действительно неплохая. Наверное. Так что там было дальше?

Дальше была любовь.

Сергей Русаков возник в ее жизни на четвертом курсе института. Ворвался туда стремительно, с фейерверком. Громко и навсегда.

Ира опаздывала в бюро по трудоустройству — она всегда куда-нибудь опаздывает. Близилась каникулы, а отдыхать, как известно, лучше с пользой для дела. Или хотя бы для бюджета.

Она почти бежала. Бежать по-настоящему в людском потоке не получалось — приходилось без конца лавировать, сбиваясь с темпа. Но уж если попадался более-менее свободный участок — Ира шагала стремительно, широко. Скорее по-мужски, нежели по-женски, для вящей

скорости давая резкую отмашку руками.

Однако спешила не только она — группа из трех молодых людей решила обогнать ее во что бы то ни стало. Видимо, парни опаздывали еще сильнее. Пошли на обгон все втроем одновременно, но тротуар был не столь широк, и один из них не имел возможности для маневра: справа друзья, слева — девушка, не по-детски размахивающая кулаками в такт шагам. В момент, когда почти уже поравнялся с нею, но еще не был ею замечен, получил ощутимый удар тютелька в тютельку в... скажем, самое чувствительное мужское место. Несчастный охнул и осел, как подкошенный.

Почувствовав, как рука неожиданно врезалась во что-то мягкое, Ира притормозила и оглянулась. Когда поняла, во что именно воткнулась со всей силы, побелела от стыда и ужаса: парень скорчился от боли, а рядом, предосудительно глядя на нее, стояли двое его друзей. Вдобавок ко всему прохожие, заинтересовавшись заминкой в движении, начали собираться в любопытствующую кучку.

В общем, ситуация крайне неприятная, если не сказать больше. Однако вряд ли она имела бы хоть какие-то последствия кроме воспоминаний, если бы пострадавший, пересилив боль, не выдал сдавленным голосом:

— Теперь, как порядочная девушка, вы обязаны на мне жениться.

Прохожие захихикали и побежали дальше кто куда. Парни тоже отправились по своим делам. Но уже вдвоем — Русаков наотрез отказался прощаться с Ириной. Дескать, ты теперь моя должница.

С тех пор они практически не расставались. Встречались долго, целый год, прежде чем Сергей решился заявить вторично:

— Женись на мне!

Ира рассмеялась:

— Глупый, девушки выходят замуж!

— Это девушки. А ты у нас — солдат. Ничего себе — девушка: вот так сходу, слету, заехать постороннему мужику прямо в душу кулаком? Так что жениться ты просто обязана. Но сугубо из неземной любви так и быть: любезно позволяю тебе выйти за меня замуж.

Замужеству не смогла помешать даже Лариска. Правда, она старалась. Очень старалась, изо всех своих подлых силенок. Сначала, как и с остальными Ирочкиными поклонниками, бродила тенью за влюбленными. Старательно навевала скуку излюбленными рассказами о сказочном бытии журналистов-международников. Никак не могла решить, что же ей покупать в заграницах в первую очередь — квартиру или машину? Или, может, норковое манто? Ей ведь надо будет в чем-то ходить на светские

рауты.

Занудство не помогло, и она стала периодически позорить Иру бесхитростно и совершенно нелепо, будто неумная второклашка. Стоило подруге отлучиться ненадолго или же по обыкновению опоздать, Ларочка непременно использовала возможность для провокации:

— Ирка уже показывала тебе коллекцию фантиков? Она их с детства собирает, ни одного еще не выбросила. У нее потрясающая коллекция! Только ты не говори ей, что в курсе дела — она стесняется. Просто как бы невзначай приноси ей фантики. И не вздумай при ней выбросить — она этого не переживет!

Возможно, она и раньше проделывала такие штуки? Отчего-то ведь испарялись все Ирины ухажеры. Не от таких ли 'невинных' шуточек?

Однако Русакова фантики не испугали. Спросил у вернувшейся Иры, не скрывая веселья:

— А почему ты мне до сих пор не показала свою коллекцию фантиков? Замечательная идея! Солнце мое, если ты любишь фантики — я тебя ими забросаю!

Лариска была посрамлена, но не сражена, и в следующий раз придумала новую историю:

— Сереж, а Ирина тебя предупредила о том, что тебе придется раз в квартал проверяться у венеролога? Ты смотри, такими вещами не шутят.

На что тот, успевший к тому времени разобраться в подлой Ларискиной натуре, ответил:

— Конечно, дорогая! Мы уже были у доктора две недели назад. Он утверждает, что это передается не только половым путем, так что тебе тоже стоит к нему наведаться. Я уже сообщил твои координаты куда следует. Жди гостей.

О выходке с венерологом Ира узнала много позже, когда уже не было смысла злиться. Тем не менее, Трегубович получила свою порцию обиды. Другое дело, что ей Ирина обида — как щекотка перышком. Не столько щекотно, сколько приятно: колкость достигла цели, а Ирка простит — куда она денется?

В общем, как ни старалась Ларочка, а расстроить свадьбу ей не удалось. И зажили молодые, как все. Сказка не сказка, но уж точно не триллер. Поначалу и конфликты случались — воевали за лидерство. Потом надоело. Поняли, что лидеров в семье двое. Муж — потому что всему голова. И жена — потому что женщина всегда права.

Жить стали у Ириной мамы. Отец умер, не успев познакомиться с зятем. Зато Вероника Николаевна приняла Сергея на ура. Без мужика дом

быстро в упадок приходит. А у Русакова руки, что называется, на месте. И тебе проводку в случае чего посмотрит, и краны поменяет, и вообще с ним спокойнее.

С обязанностями главы семейства Русаков управлялся играючи. Да ему, ответственному и надежному по натуре, это и не составляло никакого труда. Что такое глава семьи? Ничего особенного. Всего-то обеспечить домочадцам нормальную жизнь в нормальных условиях — вот тебе и все обязанности. Так настоящему мужику это разве нагрузка?

Институт Ира заканчивала уже будучи замужней. Нахлебницей на широких плечах Русакова не осталась — устроилась в стройконтору рядовым бухгалтером. Не слишком перспективно, еще менее престижно, не сказать что особо сытно — зато неподалеку от дома.

Спешить с детьми не собирались. Думали сначала более-менее на ноги встать, по стране родной поездить — благо большая, есть что посмотреть. Однако человек предполагает, а располагает Тот, кто судьбу за веревочки дергает. Маришка родилась всего через два года после свадьбы. Ире пришлось оставить работу.хлопот с дочуркой было немало, и на первом этапе молодая мама даже не думала о возвращении в контору.

Однако дети имеют обыкновение расти — подросла и Маришка. Маленькие ноженьки уже уверенно семенили по земле, маленькие рученьки не менее уверенно вытягивали из-под шкафа горшок. Тогда и заскучала Ирина, запросилась на работу.

Время для этого выдалось не самое удачное. Налаженная было жизнь целой страны оказалась вдруг разрушена вдребезги. Раньше слово 'безработица' можно было услышать разве что в телерепортажах о загнивающем капитализме: это там плохо, это там без конца случаются какие-то неприятности, растет инфляция, а следом за нею безработица — или наоборот, сначала безработица, а потом уж инфляция? В эти тонкости тогда практически никто не вдавался. Не все даже понимали, что это за инфляция такая, и чем она страшна.

Слово 'безработица' было понятно всем. Однако мало кто ее боялся. Даже когда все поняли, что прошлые времена закончились, а новые только грядут, и какими они будут — никому не ведомо, все равно не боялись. Легкомысленно посмеивались: нам безработица не грозит. У нас такого, как на Западе, быть не может.

В самом деле. Такого, как на Западе, у нас быть не может. У нас может быть значительно хуже.

И во всю мощь грянула Перестройка.

Что уж в это понятие вкладывал Горбачев — то ему одному ведомо. А

что из этого вышло — все почувствовали на собственных шкурах. На предприятиях полным ходом шли сокращения кадров, производства останавливались пачками, отправляя работников в бессрочные неоплачиваемые отпуска. Жить было не на что: зарплаты оставались в закромах родных заводов-фабрик. Их директора разъезжали на крутых иномарках, и растерянно пожимали плечами: нету денег, ребята! черт его знает, куда делись! вы работали-работали, а денег нету.

Рабочий люд кинулся в торговлю: хоть как-то выжить, хоть как-то прокормиться. Огромная страна в мгновение ока превратилась в базар. Ни в восточный, ни в западный — в русский.

Каким-то чудом Ире удалось остаться в профессии. Стройконтора не прекратила существования, и даже сумела обойтись без поголовного сокращения штатов — отделались лишь отправкой на заслуженный отдых работающих пенсионеров, позволив молодым продержаться наплаву. Правда, тем тоже пришлось несладко — зарплаты мизерные, прожить на них во времена гиперинфляции казалось просто нереально.

Тем не менее, это все-таки была работа. Постоянная. Благодаря чему Ирине удалось не растерять профессиональные навыки. Даже больше: в то смутное время экономические и таможенные правила менялись едва ли не ежемесячно. Как грибы после дождя появлялись на свет налоговые инспекции, милиции и полиции, благодаря чему у бухгалтеров дополнительно появилось море работы: кроме давно привычных форм отчетности добавились новые. Эти новые то внедрялись, то отменялись, то заменялись еще более новыми. Квалификация росла, работы прибавлялось день ото дня, зарплата же оставалась копеечной. Многие не выдерживали суровой действительности и уходили в никуда, отправлялись в свободное плавание по так называемой рыночной экономике.

Случались подобные настроения и у Иры. Временами хотелось бросить все и спрятаться за широкой, такой удобной спиной мужа. То, что раньше воспринималось недостатком, ныне оказалось огромным плюсом: Русаков, в отличие от супруги, не был отягощен высшим образованием. Трудился в автосервисе, ковырялся в железе, отчего руки его пропахли машинным маслом и различными техническими смазками, пальцы потемнели.

Иногда она стеснялась его грубых рабочих рук, но только тогда, когда предстоял серьезный выход 'в люди'. К счастью, большие выходы случались крайне редко, а потому до поры до времени этот комплекс у Иры почти не проявлялся. Она просто любила мужа, независимо от наличия у него диплома о высшем образовании, от того, вычищены ли его ногти, и

пахнет ли от него бензином или туалетной водой 'Эгоист'. Она любила Сергея, а не того, кем он представлялся окружающим. А теперь оказалось, что именно благодаря его рабочей профессии они и могут оставаться наплаву: несмотря на смутные времена, машины продолжали ломаться, а значит, кому-то нужно было их чинить. И если многие предприятия не платили сотрудникам месяцами, то автосервис приносил 'живые' деньги каждый день. Именно поэтому Ирине и не пришлось идти проторенной дорожкой в 'челноки'. Она по-прежнему могла позволить себе ковыряться в полюбившемся мире цифр.

День за днем, год за годом пролетала жизнь. Серые будни.

Ах, какое это было счастливое время! Как любила Ира эти серые будни! Когда один день как две капли похож на другой. Было в этой одинаковости что-то такое огромное, надежное, бесконечно светлое.

Разве может надоест просыпаться от поцелуя любимого? Готовить завтрак ему и самой замечательной на свете малышке, любимой матери — одинокой и беззащитной в старости. Правда, утренние хлопоты Вероника Николаевна старалась брать на себя — в отличие от молодежи, ей-то спешить было некуда. Но и Ира не гнушалась приготовлением завтрака. Потом все расходились: кто на работу, кто в садик, а позже и в школу, кто по магазинам. Все были заняты своим делом, каждый приносил пользу другим членам семьи.

А вечером, уставшие, возвращались к родному очагу, где ждал вкусный ужин, приготовленный мамой, тещей, бабушкой. После ужина Ирина успевала позаниматься с Маришкой уроками, потом непременно игрались втроем с папой — бабушка благодушно наблюдала из старого продавленного кресла за их возней на зеленом ковре. А когда папа с дочкой смотрели 'Спокойной ночи, малыши', мама, пользуясь моментом, мыла посуду — не оставляя же и это на хрупкие бабушкины плечи.

Вроде все так же банально, как у других. Но имя у этой банальности — счастье. Тихое семейное счастье. Уютное, обволакивающее. Укрывающее от невзгод жестокого мира непробиваемым коконом. На работе неприятности? А дома тебя ждут. Цены взбунтовались, неизвестно, чем за коммунальные услуги платить? А дома тепло, и вкусно пахнет сдобой. Погода мерзкая? Промерзшие пальцы не шевелятся в сапогах? А дома Маришка учит с бабушкой нехитрый стишок к маминому приходу.

Кто сказал, что счастье должно быть громким? Кто сказал, что оно должно быть разнообразным? Нет, громкое и разнообразное — это не счастье, это хаос. Настоящее счастье должно быть тихим, серым, будним.

Обыкновенным. Может быть скучным для посторонних. Но тому, кто внутри — ничего другого не нужно.

Единственное, что несколько омрачало воспоминания о тех безвозвратно канувших в лету временах — это довольно частое вторжение в их жизнь Ларисы.

Та уже давно закончила журфак, однако вместо взлелеянной заграницы попала в заштатную газетенку. Не сбылись мечты, подвели сумбурные перемены государственного масштаба.

Ах, как переживала Ларочка, ах, как сокрушалась, что вместо освещения международных событий ей приходится брать интервью у работников управления коммунального хозяйства. Потом — о ужас! — к обязанностям журналиста на Ларочку повесили еще и корректорскую работу. А ведь всем известно, какая это скука смертная — вычитывать чужие тексты и выискивать в них орфографические и стилистические ошибки, всевозможные нестыковки, проверять факты, уточнять фамилии и отчества героев интервью.

И почему-то все чаще Ларису забрасывали именно корректорской рутинной, отдавая творческие задания другим сотрудникам. Почему так несправедливо?! Ведь те, другие, в университете перебивались с двойки на тройку! Это в лучшем случае. Потому что едва ли не половина коллег вовсе не имела журналистского диплома. А у нее, у Ларочки, диплом красный, заработанный трудом и усидчивостью. Она же много лет штудировала учебники, столько материалов заучивала наизусть, не завалила ни одной сессии, ни разу не пришла на зачет неподготовленной. Ах, какой несправедливый, жестокий, бесчувственный мир!!!

В личной жизни у Лариски тоже был полных швах. Парочку случайных ухажеров забраковала мама, посчитав их недостойными внимания ненаглядной дочери. А других претендентов на ее руку и сердце как-то все не находилось.

Вот и жила Ларочка интересами Ириной семьи. С ними проводила субботы и праздники. Возможно, именно поэтому Ира и любила безумно серые свои будни? В них были только Сергей, Маришка, и мама. Надоевшей до оскомины Лариски в них не было.

Дни и ночи, недели и месяцы. Серые будни тянулись нескончаемой вереницей. Казалось, мир вокруг замер и нигде ничего не происходит, так же, как в их семье.

Но мир двигался вперед, все менялось с несусветной скоростью. Ира

даже не заметила, когда жизнь успела наладиться. Каким невероятным образом из почти заснувшего летаргическим сном предприятия их контора вдруг превратилась в процветающую? И сама она уже не рядовой бухгалтер с копеечной зарплатой, и даже не главный, а заместитель генерального директора строительного треста. Сказалась благодарность руководства за то, что не бросила их, как остальные, в разгар общегосударственного развала. За то, что налету хватала новшества в законодательстве. Что была не только хорошим бухгалтером, но в трудные время не погнушалась и секретарскими обязанностями.

Ее, ответственную и безотказную, всегда заваливали чужой работой. И сама не заметила, как вдобавок к бухгалтерству и секретарству стала выполнять еще и функции экономического советника. Судя по всему, вполне успешно.

Это раньше их контора, в основном, занималась косметическим ремонтом фасадов старых зданий. Теперь же они строили элитное жилье, которое почему-то стало пользоваться бешеным спросом, несмотря на запредельные цены.

И сами они уже давно, оказывается, живут не с мамой в их старой трехкомнатной малометражке, а в одной из новостроек, построенных их же трестом, в так называемом 'доме повышенной комфортности'. И на работу Ира ездит нынче не на метро, а на служебном Мерседесе — правда, не на шестисотом, поскромнее. В подземном гараже стоит собственная Вольво, на которой ездит на работу Сергей.

Он, правда, как был, так и остался все тем же слесарем-механиком по ремонту легковых автомобилей. Зато квалификация его за прошедшие годы существенно выросла, и зарабатывал хоть и меньше супруги, что совершенно не смущало Ирину, но тоже вполне приличные деньги. Ведь его благосостояние напрямую зависело от благосостояния народа. А народ нынче стал выбираться из нищеты, очень многие сумели воспользоваться обретенной свободой не абы с какой выгодой для себя. И ходовым товаром теперь были не только дорогие квартиры, но и машины.

Русаков давно уже не занимался ремонтом выдавших виды Москвичей да Жигулей. Теперь он 'лечил' иномарки. Запросто превращал битую машину в конфетку — что уж говорить о мелком ремонте?

Они никогда не выясняли, кто больше зарабатывает. Какая разница? Главное, что они не голодают. Ребенок имеет все необходимое. Индивидуальные занятия с педагогами? — пожалуйста. Частный лицей? — без вопросов. Бальные танцы, теннис? — было бы желание. Из-за чего ломать копья? Только из-за того, что они могут себе позволить все

необходимое, и даже чуточку больше? Глупо.

Однако жизнь никогда не бывает гладкой. Хоть что-нибудь да мешает абсолютному счастью.

Так и у Иры. Профессия мужа не смущала ее только дома. Вернее, дома она об этом попросту забывала. На работе же старалась не афишировать. Вернее, не просто не афишировала, а скрывала от всех. Негоже ей, заместителю генерального директора крупного столичного предприятия, в мужьях иметь простого работягу. Пока она была рядовым бухгалтером — почему бы и нет? Но с тех пор она сильно выросла в должности. К счастью, те, с кем она раньше плотно общалась на работе, в тяжелые времена уволились в поисках лучшей жизни, а из нынешнего окружения никто не знал, что ее муж самый обыкновенный автомеханик.

Периодически в тресте случались корпоративные вечеринки, на которые, к вящему удовольствию некоторых, не приглашались официальные половины сотрудников. Иру это тоже очень радовало. Казалось — приведи она на такое мероприятие Сергея, и все скривятся презрительно: фи, а муж-то нашей замдиректорши совсем не Аллен Делон! В нем, таком уютном и домашнем, не было ни капли лоска. Как его ни одевай, в какой туалетной воде ни отмачивай — за версту видно: работяга. Как приговор. Как клеймо. Работяга. Не может успешная женщина иметь такого банального мужа.

А Ира имела. И другого не хотела.

Чего она боялась? Сама бы сформулировать не сумела. Наверное, всего в совокупности. Того, что подчиненные разочарованно фыркнут. Того, что Сергей почувствует себя оскорбленным, увидев их насмешливые лица. Боялась стать зависимой от людской молвы.

Лучше пусть его никто не знает, никто не видит. Сергей — это ее личное. А личное она не намерена выставлять напоказ. Личное нужно оставлять дома. А на работе она не жена, не мать. На работе она — заместитель генерального директора. И точка.

И еще одно событие прошло незамеченным, будто само собой разумеющимся.

Ира и сама не знала, вернее, не понимала, как могла поддаться на Ларочкины уговоры, как могла порекомендовать на должность секретаря надоевшую до икоты подружку? Ну почему же, почему мама не научила ее говорить 'нет'?! Зачем, каким образом она сама себе подложила такую свинью?!!

Глупо, обидно, неразумно, но теперь Лариска стала ее личным секретарем. Та долго прозябала в своей газетенке, пока нерентабельное издание не расформировали, перепрофилировав в женский глянцево́й журнал. Для обладательницы престижного красного диплома московского журфака места в штате не нашлось. Вне штата, впрочем, тоже. Не нужен был хозяевам журнала красный Ларискин диплом. Им хотелось больше подписчиков, а значит — гламурных снимков, интересных интервью со звездами, сенсационных репортажей и эксклюзивных материалов. А Трегубович, как оказалось, умела только зубрить.

Ира воспринимала подругу, как старый чемодан. Ободранный, с поломанной ручкой, тяжелый, ненужный... Но — свой. Который жалко бросить на дороге.

Возможно, сравнение некорректно. Но она не могла воспринимать Лариску никак иначе. Обуза — она и есть обуза. Всю жизнь Трегубович была ее якорем. Гирей, привязанной к ноге, чтобы Ира невзначай не убежала слишком далеко, или от избытка эмоций не улетела в космос. Стоит признать — со своей ролью Ларочка справлялась идеально. Лучшего якоря не придумаешь.

Можно было сколько угодно скрипеть зубами. Можно было устраивать истерики. Можно было терпеть молча. Так или иначе — Лариска была рядом. Всегда. И будет всегда. Это Ирина ноша. Не избавилась вовремя — теперь носи и не жалуйся.

Она и не жаловалась. Жаловалась сама Лариска. Не на подругу, нет — на судьбу. Ира даже не могла сказать, что та ноет без повода. Поводы у Трегубович случались непрерывной чередой, друг за дружкой. То одно не так, то другое не сложилось, то третье не срослось.

С детства стремилась к журналистике. Столько труда приложила к тому, чтобы получить вожденную профессию. И что? Оказалась на улице. Хоть и с престижнейшим дипломом, но без работы.

Поиски новой работы ни к чему не приводили. Это раньше было хорошо: висит на дверях предприятия объявление о вакансиях, приходишь в отдел кадров, оформляешься и спокойно работаешь. С приходом же перестройки кругом и всюду стали проводиться собеседования. Сначала начальство на тебя посмотрит, в душу твою заглянет, а потом уже решение примет: хочет оно иметь тебя среди своих подчиненных, или не хочет.

Ларису не хотели. Ее не желали в роли журналистки. Не желали в роли корректора — невзирая на нехилый опыт по этой части. В учителях ей тоже места не было: неподходящее образование. Хотя нескольким ее одноклассникам журналистский диплом вовсе не помешал устроиться в

школу. Не видели Ларочку в роли менеджера продаж, секретаря адвоката, продавца ювелирных изделий, косметики и парфюмерии. Не взяли в переводчики — оказалось, ее английский, который Трегубович зубрила с четвертого класса, могли понять только в России, и только россияне. Да и то немногие.

Оставалось идти в кондукторы или кассиры. Однако сидеть на кассе в банальном гастрономе она сама не хотела. Про кондукторство даже слышать не желала. Драйть подъезды или в домработницы к крутым бизнесменам пусть нанимаются лимитчицы. Лариса не для того училась. Коль уж не сложилось с заграницами, она построит карьеру на телевидении. Или на худой конец на радио.

Однако к радио с телевидением ее и близко не подпустили. Даже на собеседование ни разу не удалось прорваться. Мир ее ненавидит! Ни за что. Просто так: ненавидит, и все.

Ира пыталась как-то подбодрить ее. Иногда получалось, но чаще Лариска просто впадала в истерику: то плакать начинала, то орать. Ира намекала: ищи ответы в себе. Просто так мир не станет ненавидеть человека. Значит, есть причина.

Но копаться в себе Трегубович не привыкла. Куда проще обвинить в несправедливости весь мир чохом.

Ире бы и ладно — не ее проблемы. Но Лариску было по-настоящему жалко: без малого сороковник бабе, а ничего нет. Ни работы путевой, ни личной жизни. Одна, если не считать матери. Отец Ларочкин умер еще раньше Ириного. Осталась мама. Но Софья Исааковна о дочери заботиться уже не могла, слишком стара: Лариску-то родила поздно, когда самой уж под сорок было. Старушке лекарства нужны — а у Лариски пособие крошечное. Без материнской пенсии даже на питание не хватило бы. Какие уж лекарства?

Как было не пожалеть ее? По Ириному ходатайству специально под Ларочку создали в штатном расписании единицу: персональный секретарь заместителя генерального директора. Сама, собственными руками, вырыла себе яму.

— Как вы думаете, сколько мне лет? — прервала Ира повествование.

— Вы замечательно выглядите для своего возраста, — ловко вывернулась собеседница.

Ирина рассмеялась:

— А вы молодец! Вас нелегко провести. Все правильно: мне уже

сорок, и даже с маленьким хвостиком. Но на вид дают гораздо меньше.

— Да, на вид вам сложно дать больше тридцати. Но глаза выдают истинный возраст. Внимательный наблюдатель сразу поймет, что вы опытная женщина, мудрая...

— Мудрая... Какая я мудрая? Дура я полнейшая, разве что опытная. Теперь опытная... Только мне от этого опыта никакого проку. А почему, вы думаете, я так замечательно выгляжу? Гены? Нет, генами тут и не пахнет.

Ирина взрослела, вместе с нею взрослели и Сергей с Маришкой. Вероника же Николаевна потихоньку катилась к осени жизни.

Русаков был старше жены на четыре года — вполне нормальная разница между супругами. Ни раньше, ни теперь, в зрелости, он не выглядел значительно старше или моложе Ирины. Напротив — вместе они смотрелись вполне органичной парой. И не только смотрелись, но и были таковой на самом деле. Жили, что называется, душа в душу. Много лет — как один день. Бывало, и ссорились изредка, но никогда из-за денег или ревности. Так, бывало иногда, Русаков придет немножко выпившим. Ирине, как любой нормальной жене, это не понравится, ну и поехали-понеслось. Но вообще-то Сергей не злоупотреблял этим делом, лишь иногда позволял себе расслабиться. Ира, собственно, не столько за пьянки его пилила, сколько ради профилактики старалась. Опасалась прозевать ту грань, из-за которой мужика бывает очень сложно вернуть к нормальной жизни. Впрочем, особо не усердствовала, как ей казалось. Палку перегнуть — тоже нехорошо. Во всем мера нужна.

А в остальном в семье царили тишь да гладь.

С ранней молодости привыкшая к естественной своей миловидности, Ирина не заикливалась на внешности. Главное, полагала она, не снаружи. Главное — оно внутри. Косметологов визитами не обременяла, довольствовалась банальными готовыми кремами. Иногда и о них забывала. Кожа от природы была эластичная и гладенькая, как у младенца. Отражением в зеркале была довольна. А что? Вполне еще ничего. Все при всем.

Когда вдруг Ларочка, еще в бытность свою журналисткой, стала заботливо отмечать:

— Ай-ай-ай, подруженька, что-то выглядишь ты сегодня нехорошо. Наверное, не выпалась, да?

С пристрастием Ира вглядывалась в зеркало: где не так, что не так? Да нет же, вроде все так. Нормально выглядит, как всегда. И ночь проспала,

как убитая. И чувствует себя вполне на уровне, привычно-энергичной. Лариске просто показалось.

А при следующей встрече Трегубович вновь замечала изменения в ее внешности, и, естественно, не в лучшую сторону:

— Ай-ай-ай! Вот она, доля наша бабья. Вот они, переживания, вот они, беременности-роды-кормления, ночи бессонные. Ты посмотри на меня — ни одной морщинки! Потому что одна живу, без мужиков. На кой хрен они сдались?! Одни сплошные неприятности от них да носки вонючие. Тебе же всего тридцать восемь, а выглядишь... Ох, прости, что я так. Но уж лучше я тебе об этом скажу, чем кто-нибудь посторонний. Я-то тебе мягко скажу, наедине. А знаешь, какие бестактные-беспардонные личности попадаются? То-то! Слава Богу, мне хватило ума замуж не ходить. А то тоже в старуху бы уже превратилась.

Сеансы своеобразной 'психотерапии' проводились регулярно, практически при каждой встрече. Постепенно Ирина уверилась, что выглядит ужасно. И фигура-то у нее 'поплыла', и очертания лица размылись, под глазами — ажурный узор 'гусиных лапок', и уголки губ что-то вниз начали поглядывать...

Капля камень точит. Не прошли Ларискины старания незамеченными. Вывели подругу из состояния удовлетворенного равновесия. Ирина начала стесняться себя, опасаясь лишней раз выйти 'в люди'. Если Лариска увидела — значит, и остальные обратят внимание, как она пострашнела, постарела...

Сама не заметила, как впала в депрессию. Зеркало ныне вызывало в ней стойкую неприязнь, совмещенную с паническим ужасом старения. Уверения Сергея в том, что выглядит она вполне молодо и вообще здорово, не помогали. Ира была уверена: он просто старается ее успокоить, а на самом деле она страшна, аки атомная бомба.

Через полтора года бесконечных депрессий Ирина решила обратиться в клинику косметологических исследований. Семья уже давно перестала испытывать финансовые затруднения, а потому она с чистой совестью позволила себе потратить некоторую сумму на омоложение.

Не сказать, что доктор настойчиво отговаривал ее от операции — в таком случае он банально остался бы без клиентов, а стало быть, и без зарплаты. Однако обмолвился: дескать, для своих лет вы выглядите вполне неплохо, и фигура очень даже ничего для сорокалетней-то дамы, и сеточка 'гусиных лапок' — абсолютная норма не только для этого возраста, а для куда более молодых дам. Но его слова показались Ире лишь неуместным дежурным комплиментом: еще бы, за такие-то деньги, которые ей придется

заплатить за операцию, она могла претендовать не только на дифирамбы, а, пожалуй, на настоящую себе оду.

А на самом деле услышанное наверняка нужно делить если не на четыре, то хотя бы на два: недаром ведь доктор без конца на возраст ее намекает. Типа: а чего ж ты хотела, клуша старая, в сорок-то лет? А сам то тут пальчиком подтянет: вот, смотрите, какой разрез глаз я вам устрою. То там лишнюю кожу приберет: линию подбородка подчеркнем, овал очертим почетче... На компьютере изменения показал — оттуда на Иру вообще двадцатилетняя девочка глядела.

Напрасно Русаков пытался удержать супругу от безумного поступка. Напрасно сыпал комплиментами. Его причитания Ира приняла за вполне понятный мужской страх перед неведомым. А вдруг она после омоложения такая красивая станет, что ему ревновать придется к каждому столбу?

Когда пришла подписывать бумаги на операцию, доктор сказал:

— Должен предупредить вас, голубушка, от возможных негативных последствий. У этой операции есть побочный эффект: выйдя из нашей клиники, барышни частенько впадают в молодость и совершают легкомысленные поступки, напрочь забывая об истинном возрасте. Я понимаю и уважаю ваше стремление выглядеть вечно молодой, но не стоит отрекаться от прожитых лет. Не наделайте глупостей, не испортите себе жизнь. Красота красотой, но и жизненный опыт дорогого стоит.

Тогда Ира восприняла его слова, как попытку набить себе цену. Мол, наши операции на самом деле стоят значительно дороже тех немалых денег, которые мы за них берем. Разве можно измерить деньгами молодость и красоту?

... Операция не была безболезненной. Вернее, ее последствия. Несколько дней Ирина не могла видеть свое новое лицо. А когда сняли повязки, она ужаснулась — пьянчужка-синюшница из ближайшего подземного перехода выглядит привлекательнее.

Лицо превратилось в сплошной синяк. Легкая отечность под глазами, вместо того, чтобы исчезнуть, увеличилась в разы, превратившись в настоящие мешки. Веки приобрели фантастические размеры и сияли всеми оттенками лилово-фиолетовой гаммы. Тело после липосакции тоже болело и зудело.

Болело все. Врагу не пожелаешь такой красоты.

Отпуск она провела в клинике. Зато на работу вышла резко помолодевшей и похорошевшей, сбросившей лишние килограммы. На работе только ахнули. Сотрудники даже предположить не могли, что без

вмешательства косметических хирургов тут не обошлось. Благодаря смуглой от природы коже история о том, какое замечательное, жаркое и щадящее одновременно солнце в Турции, как великолепно они всей семьей отдохнули в Анталии, была проглочена сослуживцами в один момент. Еще не успевшие использовать отпуск сотрудники тут же ринулись за путевками на модный курорт.

Из клиники Ира вернулась вроде другим человеком. И не в том дело, что помолодела, постройнела. А в том, что сама себя полюбила. Стала воспринимать иначе. Перестала стесняться собственного отражения.

Заключительным аккордом к внешней перемене стала новая стрижка. Совсем коротенькая, почти 'ежик'. Ира выглядела теперь дерзким мальчишкой. Чтобы чуть-чуть сгладить 'ершистость', оттенила привычный черный цвет более светлым мелированием, из-за чего волосы ее приобрели некоторую рыжеватость.

Теперь она была довольна своей внешностью. Пожалуй, в двадцать она выглядела попроще. Нынче в ней появилась изюминка. Спасибо Лариске, надоумила.

— Представляете, какая дура?! — вновь прервала рассказ Ирина. — Поверить так называемой подруге, тысячу раз предававшей меня? Отправить саму себя на операционный стол, под нож?! И я еще была ей благодарна — поверить не могу. Зачем, ради чего?! Чтобы выглядеть моложе? Зачем? Зачем??? Вытерпеть такие чудовищные боли, и только ради того, чтобы выглядеть девочкой с глазами старухи?!!

Собеседница поморщилась:

— Не стоит утрировать. Я назвала ваши глаза мудрыми, но не старушечьими.

Ира устало откинула голову на спинку кресла:

— Ах, бросьте! Я не утрирую. Я сама все знаю. Недаром говорят, что глаза — зеркало души. Так и есть. Я могу выглядеть сколь угодно молодо, но куда денешь прожитые годы? Даже если они были самыми замечательными в моей жизни, они все равно оставляют в глазах отпечаток усталости. Даже нет, не так. Мне, собственно, и уставать-то было не отчего. Просто с возрастом из глаз исчезает наивность юности, любопытство молодости, жажда приключений. Наверное, именно от этого взгляд тускнеет и приобретает тот самый пресловутый отпечаток мудрости. Хотя мудростью там, уверяю вас, не пахнет. По крайней мере, конкретно в моем случае, в моем взгляде.

Трегубович вынуждена была признать, что после операции Ира стала выглядеть даже лучше, чем в юности. Некоторое время она воспевала неземную красоту подруги, не забывая, впрочем, каждый раз напоминать сумму, в которую той вылилось омоложение:

— Уверяю тебя: чтобы так выглядеть, не жалко и миллиона! А уж то, что ты заплатила — вообще дешевка! Такой результат дорогого стоит. Ты ж у нас теперь красавица!

Вроде и комплименты говорила, но выходило это у нее так, словно до операции Ира была сущей уродиной, к которой можно было испытывать разве что жалость, но никак не любовь или хотя бы симпатию. И уж конечно, мол, стоило пожертвовать некоторой суммой, дабы перестать пугать окружающих своим уродством.

Как только у нее это получалось? Даже после операции Ира нет-нет, да и чувствовала себя Золушкой, обманом прорвавшейся на чужой праздник.

А после пары-тройки месяцев восхвалений в Ларочкиных речах появилась новая интонация:

— Ой, подруга, наглядеться на тебя не могу! Такая молоденькая, такая хорошенькая стала! Честное слово: была б я мужиком — влюбилась бы в тебя без памяти. Смотрю на тебя, и аж дух захватывает. Ух, хороша! А как Серега относится к твоему нынешнему виду?

Как-как? Вроде Ира изменилась до неузнаваемости. Такая же, только чуток свежее.

— Да никак не относится. А как он должен к этому относиться? Это все та же я, которую он сто лет знает. Что во мне изменилось, кроме внешности? Да и та изменилась не столь уж кардинально. Все то же, только морщинки исчезли.

— Ну не скажи! — возмутилась Лариса. — Как это не сильно изменилась?! Как это не кардинально? Это он тебе сказал? Много он понимает в женщинах! Привык в железках ковыряться — вот и пусть себе ковыряется, а не рассуждает о женской красоте!

Распалившись, Лариска начинала неприятно размахивать руками, будто одних только слов ей не хватало для выражения чувств. Хорошо, что при этом она не смотрелась в зеркало: у нее и в спокойном состоянии лицо вечно было в неприятных красноватых пятнах — сосудики проступали сквозь тонкую бледную кожу, сплетаясь мелкими драчливыми паучками. В моменты же повышенной эмоциональности пятна эти становились яркими до неприличия, и тогда Лариска выглядела попросту нездоровой, будто

скарлатину подхватила.

Однако Ира никогда не говорила ей об этом. Жалко было Лариску. И без того судьбой обиженная. Вроде все стихии природы ополчились против нее непонятно за какие прегрешения.

А Трегубович распалась от своих речей все больше. Все резче размахивала руками, все ярче разгорались паучки на лице:

— Да он вообще когда на тебя последний раз смотрел-то? Небось, смотрит на тебя, а видит свои излюбленные железяки. И вообще я тебе вот что скажу, подруга. Он к тебе просто привык. Ты в нем из всех теплых чувств вызываешь разве что ощущение чего-то привычного, обыденного. Может, и любил он тебя когда-то давным-давно, да всем известно, куда мужская любовь девается.

— Лар, ну ты что мелешь? С какой стати он должен меня разлюбить? Любит он меня, и всегда будет любить. Он у меня однолюб. А что слов красивых не говорит — так мужики все такие. Это мы, женщины, народ эмоциональный. Это нам умолчать о своих чувствах тяжело. Да и то со временем в словах надобность потихоньку отпадает. Думаешь, я ему о любви твержу с утра до вечера? Ничего подобного. Было когда-то давно, частенько говорила. А сейчас особой надобности нет. Мы и без слов все знаем. Зачем слова, если в каждом взгляде, в каждом жесте чувствуешь любовь? Да что там взгляды с жестами? Я в его дыхании любовь слышу. А ты говоришь: 'разлюбил, привык'. Да, привык! И я привыкла. Но мы друг к другу привыкли так, что поодиночке жить уже не сможем. Функционировать не будем, как если один организм разрубить на две части: в одной сердце останется, в другой легкие. Вот тебе и привычка.

Ларочка понимающе закивала головой:

— Вот и я говорю: привычка. Она частенько любовь заменяет. Вам еще кажется, что вы друг друга любите, а на самом деле по инерции вместе живете.

С этих пор тема супружеской любви и привычки заняла одно из главенствующих положений в разговорах подруг. Трегубович села на нового конька. Если раньше она несколько лет капала Ирине на мозги, вбивая мысль о том, как ужасно та выглядит, то теперь красной нитью проходила тема изжитости семейных отношений между Ирой и Русаковым. То Ларочка делилась подозрениями, что наверняка у Сергея появилась любовница, то затевала песню: 'Он тебя не достоин'.

— Ирка! Смотрю я на тебя, и сердце кровью обливается: ты ж у нас и красивая, и умная, и удачливая. Да ты ж не барахло какое-нибудь —

заместитель руководителя огромного предприятия! А терпишь такое отношение к себе.

— Какое отношение?! Что ты мелешь?

— Ну как какое, — скривилась Ларочка. — Вот только не надо делать вид, что ты ничего не понимаешь. Господи, да козлу же понятно, что Сергей тебя разлюбил давным-давно!

Сказала, и смотрит в глаза, реакции ждет. А у Иры от такого заявления все слова куда-то разлетелись. Что за бред? Из чего такие выводы?

— Ну как же, — кипятилась Трегубович. — Он же по привычке с тобой живет, неужели непонятно? А может, просто лень разводиться. Это ж какие хлопоты: суд, алименты, размен квартиры. Ты ему нынче так, наподобие мебели: должна быть рядом для удобства. А душа его явно не с тобой. Для души у него другая есть. Может, не так хороша, как ты, зато по-настоящему молодая и влюбленная. А не как ты: освеженная, равнодушная.

В сердце больно кольнуло. Неужели правда? Лариска что-то знает? Видела? А жена, как всегда, обо всем узнает последней? Шоры на глаза натянула, и живет себе, радуется своим серым будням.

— Обоснуй. С чего ты взяла, что у него есть другая?

— Ну как же! Ты ведь и сама не скрываешь, что все чувства давно превратились в привычку. Думаешь, он этого не понимает? Еще как понимает! Потому и нашел себе отдушину на стороне.

— Это факт, или твои догадки? Есть что-то поконкретнее болтологии?

— Сама подумай — какой мужик станет терпеть, что баба выше его по положению, да еще и денег в дом носит куда больше его самого? Ни один нормальный, уверяю тебя! Не хочешь же ты сказать, что Серега у тебя ненормальный.

Странная логика. Выходит, если он нормальный — то у него непременно есть другая баба. А если нету — значит, Ира живет с идиотом.

— Лар, ты бы мух отдельно от котлет держала, а? Что ты все в кучу? Социальная разница, привычка и измена — три абсолютно разных понятия. Пытаешься масло с водой смешать.

Трегубович побагровела, и паучки на ее лице исчезли, слившись по цвету с основным фоном.

— А я говорю: ваши отношения давно себя изжили! Ты просто этого еще не понимаешь. Только не вздумай расстраиваться — тебе волноваться нельзя, а то швы разойдутся. Да и вообще от плохих мыслей новые морщинки могут нарасти.

Это уже камешек в Ирин огород. Впрочем, Лариска ее огород уже в несколько этажей камнями выложила — можно шикарный коттедж

построить. Неумная завистливая баба! Не надо ее слушать. Разве она когда-нибудь скажет что-то хорошее?

Но попробуй не слушать, если ее словесный понос невозможно остановить. И уйти нельзя, и Лариску выгнать — они теперь вместе работают, та к Ире в кабинет не спросившись входит. Взяла секретаршу на свою голову!

— Знаешь, Лар, пошла бы ты поработала. Все больше пользы будет.

Та будто и не слышала ее слов:

— Плюнь ты на него! Не принимай близко к сердцу. Ты ведь его и сама уже давно разлюбила. Сама же говоришь: да, привыкла. Только ты под эту привычку теорию подводишь, будто так и должно быть. А на самом деле привычка — она и есть привычка. Не обманывай себя, признайся: ты его уже не любишь.

Не успела Ира ей возразить, как та уже перебила, махнув рукой на непрозвучавший ответ. Дескать, сама знаю.

— Это, кстати, вполне логично: на фиг он тебе нужен? Ты у нас кто? Царица! Умница, красавица, светская львица. А он? Ну кто он такой? Мужлан в замасленной робе, провонявший соляжкой. На кой хрен он тебе сдался? Зачем тебе терпеть рядом с собой это несостоявшееся ничтожество?

Это Русаков ничтожество?! Это Серега мужлан?!!

— Да ты... Как ты можешь?! Ты же с нами и в будни, и в праздники — разве что не ночуешь в нашем доме. Свинья ты, Лариска. Иди работай! И прекрати к нам таскаться!

Таскаться Лариска не перестала. Впрочем, Ира на это уже и не надеялась. Трегубович — ее крест, и избавится она от этой ноши только с последним вздохом.

На некоторое время та, правда, притихла. Однако долго Ларочка молчать не умела. А тема для бесед у нее теперь была одна: Русаков Ирине не пара. Ира его не любит, а всего лишь терпит. А мужики такое чувствуют моментально, и мстят втихаря. У него там, на автостанции, клиенток смазливых да безотказных валом. Он ведь сам про богатеньких самочек рассказывал, как они все по сторонам зыркают в поисках любовных приключений.

Это правда: Сергей говорил такое. Но Ира по лицу его видела, что все эти самочки вызывают в нем разве что презрение.

— Ты же сама знаешь — он их ненавидит, этих... — Может, Сергей и дал им самое точное определение, но самой повторять такое Ире не

хотелось. Выкрутилась: — Штучек!

— Штучек? Ну-ну. Ох, дура ты, Ирка! Смотри, он тебя еще наградит чем неприличным. Поди, о безопасности и не задумывается.

— Пошла вон!

— Сама подумай. Может, он тебя еще и любит. Хотя бы тоже из привычки. Но если вокруг море баб — какой мужик удержится? Тем более что чувствует, что ты к нему охладела.

— Да не охладела я к нему — сколько можно говорить? У нас прекрасные отношения. Я его люблю, он меня любит. И Маринку он любит — он вообще замечательный муж и отец. Ты же сама все видишь. Ты же у нас и в будни, и...

— В праздники, — закончила за нее Трегубович. — А, что тебе объяснять. Ты же отказываешься взглянуть правде в глаза. Любит он тебя, как же. Потому и говорю, что и будни, и праздники провожу в вашей семье. Кстати, спасибо, что так деликатно напоминаешь мне о моем одиночестве! Но уж лучше я буду одна, уверенная в том, что меня никто не обманывает и не предаст в любую минуту с лучшей подругой. А вот о твоей любви к супругу очень даже можно поспорить. Так, говоришь, любишь?

— Люблю.

— Тогда почему боишься взять его с собой на новогоднюю вечеринку? Ты хотя бы сказала Сереге, что наши корпоративчики давно перестали быть закрытыми?

Крыть было нечем. В самом деле, корпоративные вечеринки в тресте уж года два, если не три, как сделали открытыми. Но Ира по-прежнему ходила на них одна. Потому что там нужно быть в вечерних туалетах, а Русаков и смокинг — понятия несовместимые.

Нет, она не сказала Сергею.

— То-то, — подвела черту под вопросами Лариска. — А почему? Сказать или сама знаешь? Знаешь, конечно, только я все равно скажу, а то любишь ты прятаться от правды. Потому что ты его стесняешься. Разве нет? Ну как же! Ты, заместитель начальника, шишка на ровном месте, вся из себя такая молодая и красивая, выведешь в люди законного супруга: старого, малообразованного, с въевшейся грязью под ногтями. Все вокруг будут сверкать голливудскими улыбками и благоухать Парижем, а твой законный — вонять машинным маслом. Все вокруг будут умные разговоры разговаривать, а твой Сереженька ни в чем, кроме железок, не разбирается. Ну возрази мне, скажи, что я не права и вообще не справедлива к нему. Скажи, что тебе совсем не стыдно за него, что ты гордишься его успехами в сфере исправления дефектов в тормозной системе автомобиля!

Ирина молчала. Всё правда. Ей действительно неловко за мужа перед знакомыми, а тем более сослуживцами. Стыдно за его грубые руки, за вьевшуюся в кожу черноту технической грязи вокруг ногтей. Насчет того, что соляжкой провонял, можно поспорить. Однако, хоть и принимал Сергей каждый день после работы душ, как ни старался истребить 'рабочий' дух, а все одно, пусть едва заметный, но 'флер железа' впился в его тело, казалось, насмерть. Ира не скупилась на дорогой парфюм для супруга, однако смесь 'Парижа' с техническими ароматами давала отнюдь не лучшее сочетание, а потому Сергей нечасто пользовался туалетной водой. Зато дезодоранты и лосьоны после бритья употреблял с явным удовольствием, и Ирина обожала прижиматься к щеке мужа, когда, побрившись, он выходил по утрам из ванной. Такой свежий, благоухающий пусть не изысканным парфюмом, но настоящим мужским духом: чуть горьковатым, с легкой дымкой мяты, апельсина, и еще чего-то непонятного.

Не скрывала своей любви дома, а вне его — действительно стеснялась. Она — очень видное лицо в их тресте, у нее завидное положение и очень неплохая, скромно говоря, зарплата. И сама она такая молодая, такая интересная — особенно после омолаживающей процедуры. На нее даже юноши заглядываются, что уж говорить о более зрелых мужчинах. А Русаков рядом с ней... Сам по себе он мужчина видный: крепкий, здоровый, вполне симпатичный мужик.

Но ведь именно мужик! Она — утонченная дама, а он — мужик, простой мужик. Не украшает он собою Ирину, вот в чем дело. Не достаточно хороший фон для нее.

Но это ведь ее Русаков! Ее Серега. И он бы понял ее, если бы только Ира решилась сказать ему все как на духу. Он бы понял!

Он бы понял. Но Ира не сказала.

Она вновь замолчала.

Молчала и попутчица, не настаивая на продолжении исповеди, не торопя события. Исповедь хороша, когда человек сам стремится выплеснуть из себя эмоции, а под давлением извне — это уже совсем другая история, там бывает много придуманного. Или, по крайней мере, там будет не вся правда.

Самолет по-прежнему гудел ровно и надежно, не пугая пассажиров посторонними шумами и вибрациями. Облака встречались все реже, и теперь ничто уже не скрывало далеко внизу изумрудно-зеленый ковер леса, изредка исчерченный голубыми прожилками речушек. Солнце било в глаза

слишком ярким светом, и Ира раздраженно прикрыла иллюминатор голубой пластиковой шторой.

— Я уже тогда предала его, уже тогда изменила. Я должна была послать Лариску подальше со всей ее философией, должна была угадать ее мысли, а я, как последняя дура, попала на ее крючок. Она так упорно капала мне на мозги, что я порой стала ловить себя на том, что наши с Сергеем отношения не так хороши, как мне казалось когда-то.

Тем временем в тресте появился новый служащий. Нельзя сказать, что новички в тресте случались редко. Как и везде, одни люди уходили, их места занимали другие. Иногда в связи с расширением компании создавались новые рабочие места.

Так в тресте появился Вадим Черкасов, заняв вновь созданную должность менеджера-маркетолога.

Его появление в управлении стало в некотором роде сенсацией. Еще бы — такого красавчика в кино-то нечасто увидишь, не то, что воочию. Однако, несмотря на красоту, чувствовалась в Черкасове какая-то искусственность: ну не бывает в жизни таких красавцев! Это в дешевых любовных романах герои обладают пронзительной красотой. Реальная жизнь неземную красоту обычно старается приземлить, уравновесив каким-то, пусть малейшим, недостатком или физическим дефектом.

Однако в случае с Черкасовым Истинная Красота праздновала торжество победы над природой: Вадим был красив, как Аполлон, Нарцисс и юный Филя Киркоров — 'три в одном флаконе'. Впрочем, каждая сотрудница треста видела в нем что-то свое. Непостижимым образом он воплощал индивидуальные мечты об идеале любой женщины.

Все-то в нем было по-книжному, 'как положено': если уж рост — так под метр девяносто, если глаза — так непременно самые крупные и блестящие маслины, ресницы — невероятно длинные, пушистые, и кокетливо загнутые. Кожа — чистый атлас. Волосы — как в рекламе французского шампуня. Фигура — как у атлета. Проще говоря, нереальный красавец. Выдумка истосковавшейся по идеалу фантазии.

Красота его от Ириных глаз не ускользнула, но именно по причине 'чересчур' вызвала скорее негативные эмоции. Не должен живой человек выглядеть манекеном.

Ларочка Трегубович оказалась первой жертвой красоты Черкасова. Даже если бы она не повторяла его имя с придыханием, будто говорила о святыне, раз сто пятьдесят в день, Ира без труда поняла бы, что творится в

голове подруги.

О собственной внешности Лариска заботилась разве что перед нечастыми корпоративными вечеринками. В остальное время обходилась ярко-розовой помадой, которая абсолютно не подходила к ее рыжим волосам — вот тебе и весь макияж. Уход за волосами, единственной своей гордостью, сводила к покраске раз в три-четыре месяца, когда блекло-рыжие, почти серые корни отрастали на неприличную длину. Ее куда больше заботила внешность Ирины, нежели собственная. Чем тратить кучу времени на уход за собой в личное время, куда приятнее посвятить рабочее время обсуждению Ириной внешности.

Однако с приходом Черкасова все резко изменилось. Его появление в тресте вызвало в Лариске желание нравиться. Гриву шикарных распущенных волос новичок не оценил. Немудрено — с этой гривой она была похожа на нелепо-худую снежную бабу — голова точно так же росла из шеи. Тогда она стала экспериментировать: зачесывала волосы то направо, то налево. То назад, то пышной волной на лоб. То на прямой пробор, то на пробор 'елочка'. Предмет вожделения по-прежнему не фиксировал на ней взгляд.

Лариска меняла юбки на брюки, брюки на платья, платья на костюмы — с тем же успехом. Окраска волос в более насыщенный цвет желаемого результата опять же не принесла, так же, как и эксперименты с цветом губной помады и лака для ногтей.

Все ухищрения оставались напрасными. Тогда Лариса вспомнила давнишние слова Ирины о том, что слишком пушистые и объемные волосы делают ее тщедушную фигурку непропорциональной. Впервые в жизни послушалась совета подруги, но состригать свою гордость не решилась: заплела волосы в косу. Голова действительно приобрела нормальные размеры. Появилась довольно длинная тонкая шея. Зато мясистый нос стал казаться еще крупнее. Да и уши оказались совсем не маленькими, о чем Ларочка даже не подозревала. Волосы пришлось снова распустить.

Проходили недели. Летели месяцы. Черкасов по-прежнему не обращал на нее внимания. На остальных воздыхательниц, впрочем, тоже — за пять месяцев работы в новом коллективе, где совсем уж не было недостатка в женщинах, Вадим не запятнал себя хоть сколь-нибудь близкими отношениями ни с одной из них. При этом не выглядел высокомерным или слишком переборчивым: со всеми дамами общался ровно, одаривая каждую приветливой, однако совсем не многообещающей улыбкой. Со стороны даже казалось несколько странным, как такой красавец, к тому же неженатый, окруженный со всех сторон ко всему готовыми женщинами,

умудряется длительное время оставаться с девственно чистой репутацией.

Женщина может простить, если не приглянулась именно она. Обидно, досадно, но ладно: всяко в жизни бывает. Но если объект пристального внимания игнорирует всех женщин скопом — держись! Быть того не может, чтобы ни на кого из них глаз не положил. Или умело скрывает интерес, или...

Как ни приглядывались, ни намека на скрытую влюбленность не обнаружили. Ага, значит, 'или'. Так вот где собака порылась! То-то он так хорош — пожалуй, слишком уж красив для гетеросексуала.

С усердием и воодушевлением неудовлетворенные самки начали выискивать в Черкасове признаки нетрадиционной сексуальной ориентации. И опять прокол: ни характерных для секс-меньшинств ужимок, ни томных взглядов в сторону мужской половины коллектива засечь не удалось.

Тогда оскорбленные невниманием красавца дамочки решили: не мужик. А как иначе объяснить, что ни с одной из них не захотелось новичку вкусить любви и блаженства? Импотент, как пить дать — импотент!

Не нужно было уметь читать чужие мысли, чтобы заметить Ларискину влюбленность. Ирина едва успевала выставить секретаршу в приемную и приступить к работе, как та снова врывается в кабинет, и со свежими силами начинала петь оды Черкасову.

Ах, посмотри, какие у него красивые глаза! А какой рот, какой чувственный изгиб губ! Ах, можно представить, как сладки его поцелуи. А руки, какие у него ухоженные, холеные руки, и как, должно быть, умело они ласкают женское тело...

— Нет, Ир, серьезно. Только посмотри на него. Это ж сказка, а не мужик! Жаль, конечно, что слишком молод — хм, двадцать пять против моих сорока одного, но это же ерунда, да? Знаешь, я теперь поняла. Наверное, в жизни каждой женщины приходит время, когда ей хочется видеть рядом с собой не выдохшегося старпёра, а молодого, здорового парня. Я бы даже выразилась более грубо: хочется свежего мяса! А? Что скажешь? Как тебе моя теория?

Ирине ее теория совсем не понравилась:

— Лар, ну ведь глупости говоришь. Какое свежее мясо? Это мужики-пенсионеры себе девочек молоденьких под таким лозунгом соблазняют, но ты-то, ты? Посмотри на него: разве он на мужика похож? Так, смазливая кукла. Сувенир из Африки. Китайский болванчик: поставь на сервант и

любуйся неземной красотой. Слишком. В нем все слишком. Я бы даже сказала: тошнотворно красив. Да и молод тоже слишком. Даже если твоя теория насчет каждой женщины верна, значит, я еще не вступила в этот клуб — мне пока не хочется свежего мяса, меня вполне устраивает Русаков.

— Ага. Он тебя так устраивает, что ты прядешь его от знакомых. Тебе просто жутко стыдно за него перед всем миром, а в остальном — да, он тебя вполне устраивает.

Ирине оставалось только промолчать. Споры с Лариской до добра не доводят. Умеет она так повернуть твои же слова, что поневоле начинаешь сомневаться в том, в чем была уверена еще минуту назад. Да ну ее! Пусть думает что хочет. Ира не собирается никого ни в чем убеждать. Главное, что они с Сергеем знают — они друг у друга есть.

По мере того, как Ларискины эксперименты с внешностью не приносили даже минимальных результатов, ее настроение в отношении Вадима Черкасова заметно менялось. В недавно восхищенном взгляде появилась надменность: да кому он нужен, этот ваш Черкасов?! В речах все чаще сквозило презрение:

— Голубой! Точно — голубой. Где ты видела нормального мужика, способного отказаться от шары? Нет, ну ладно, Петропавловские ему не понравились. Тут я его очень даже понимаю — кому они на фиг нужны? Вымпелы переходные! За Светку Бутакову вообще молчу — эта и даром, и за деньги никому не понадобится. Но он ведь даже на меня не реагирует!

'Даже'. Ира едва сдерживала ехидную ухмылку. Ни дать, ни взять — королева красоты! Если о прелестях Бутаковой еще можно поспорить, то Верка Петрова и Динка Павлова, две подруги не разлей вода, получившие в силу неразлучности своей кличку Петропавловские — бабенки весьма аппетитные. По крайней мере — не Лариске ровня. И посмотреть есть на что, и подержаться — обе пышногрудые, задастые. Одна рыжая, другая знойная брюнетка. То ли в силу особой аппетитности, то ли по причине повышенной легкомысленности, но подружки пользовались устойчивым спросом у мужичков всех возрастов и категорий, и то, что Черкасова их прелести оставили равнодушным, одновременно и удивляло, и говорило в его пользу: на ширпотреб не падкий, этому эксклюзив подавай.

Лариска жутко завидовала сладкой парочке. Одной чуть за тридцать, другой ближе к сорока — но за плечами у обеих богатое прошлое. Верка разведена и бездетна, Динка имеет троих детей от пятерых, мягко говоря, неформальных мужей. Где ж справедливость: кому-то пятеро, а Лариске даже одного захудаленького мужичка не перепало. Пусть бы хоть

неформальный — уже неважно, уже не до официозу. Только же ж дайте! Так ведь нет. Все мужики в сторону Петропавловских смотрят. Вот Трегубович и отыгрывалась при каждом удобном и неудобном случае. Если нужно кого-то смешать с дерьмом — далеко искать не стоило: Верка с Динкой всегда под боком.

Черкасов постепенно превращался в Ларискиного личного врага.

— Импотент! Нет, Ир, точно говорю — импотент! Надо же — как природа над человеком посмеялась. С такой-то внешностью — и импотент. Представляешь? Ну ладно — я бы на его красоту не запала, конечно. Он, видимо, по моему взгляду все понял: ненавижу слащавых красавцев! Так что неудивительно, что мне он не оказывал знаков внимания. Но и нашим красным вымпелам от него не перепало: уж они-то на ходу из трусов выпрыгивали — и ни-че-го!

В следующий раз Трегубович забывала о предыдущих разглагольствованиях, и заводила другую песню:

— С ума сойти! Голубых развелось — как собак нерезаных. Обидно-то как. Из-за этих сволочей столько бабья от одиночества страдает. Мужиков ведь и так меньше, чем нас. А они еще друг с другом спят. Сволочи!!!

— Да прекрати ты сплетничать! С чего ты вообще взяла, что он голубой? С того, что он на твои прелести не польстился?!

— А что? Скажешь — нет?! Я ему и так улыбалась, и этак, и юбочку поддегивала покороче, и наклонялась аппетитненько: типа ручку уронила. Мертвый бы из могилы поднялся! А этот ни гу-гу. Точно тебе говорю — голубой. Фи, мерзость какая! Представляешь, эту замечательную попку не бабы ласкают, а... Фу! Даже говорить и то противно, представить так и вовсе жутко!

С каждым таким разговором Ира все больше убеждалась: баснописец Крылов был самым настоящим ясновидцем: за двести лет до рождения Трегубович написал о ней басню 'Лисица и виноград'. Точь в точь про Лариску! Хорош виноград, да зелен.

Наконец, тема Черкасова Лариске наскучила, и она вернулась к прежней: Русаков Ирине не пара. Снова и снова, с изяществом пилы она пела свою песенку. Дескать, быть того не может, чтобы у Русакова не было любовницы. И без того любой нормальный мужик через десяток лет семейной жизни на сторону смотрит, а тут еще неравный брак.

— Да какой неравный! — злилась Ира. — Что ты мелешь? У тебя не язык, а помело. Неравный — это когда старик на молодой девке женится. Или миллионер на нищенке.

— Не скажи. Ты у нас вон какая красавица. А он? Мало того — ты замдиректора огромного треста — да под тобой сотня мужиков ходит! А Русаков твой кто? Слесарь вонючий.

— Заткнешься ты когда-нибудь?! Уйди отсюда. Мне работать надо.

Трегубович послушно уходила в приемную, а Ира никак не могла взяться за работу. Мысли вновь и вновь возвращались к Ларискиным речам. А вдруг она права, и у Сергея действительно кто-то есть? Наверное, мало приятного иметь жену, выбившуюся в начальники. Ира дома старается не командовать, но нет-нет, да вырвется голос из-под контроля. Тогда ей и самой кажется — не разговаривает, а указания раздает.

Нет, не может быть. Серега в таких случаях не обижается — наоборот, шутить начинает над ее вышестоящим положением.

Но это на публику. А что у него в душе творится? Вдруг то же, что у Лариски на языке?

Нет. Быть не может, чтобы у него кто-то на стороне был. Ира бы почувствовала. Она не смогла бы пропустить такое.

А покоя в сердце уже давно не было. Какой покой, когда Лариска песни свои напевает с утра до вечера?! Как бы ее уволить? Сокращение штатов, что ли, изобразить? Она столько лет справлялась без секретарши, да и сейчас, по сути, сама все делает: Трегубович только языком трепать горазда. Да, уволить. Так будет спокойнее. Ира перестанет нервничать и цепляться к Сергею по пустякам. Лариска на нее плохо влияет. Уволить — и вся недолга!

Но как ее уволишь, если у той на шее больная мать?!!

Вскоре в тему неверности Русакова и изжитости их с Ирой брака незаметно и будто бы органично вплелась свежая струйка.

— Хм. Ир, тебе не кажется, что Черкасов зачастил в сторону дирекции? С чего бы это?

Честно сказать, Ира даже не заметила, когда и с чего все началось. Была уверена — Лариска возродила мечту охмурить Черкасова. Мол, вот он и бегаёт в сектор дирекции — на глаза секретарши лишний раз попасться. Не сразу, совсем не сразу поняла, на какую мельницу эта струйка льет воду.

Сначала это была даже не струйка, а так, отдельные капельки, как морось: кап на мозги, кап... Постепенно морось усиливалась: кап, кап, кап, кап, кап... И вот из отдельных капель возник тоненький пока, несильный еще ручеек, и не капал уже — журчал, пусть тихонько, но живенько так, свеженько, весело:

— Ой, подруга, ошиблись мы. Какой же он голубой? Там ни грамма

голубизны. Ни синего нет, ни фиолетового. И насчет импотенции, пожалуй, бабье наше погорячилось. Поспешило. Ох, что-то будет... Он на дню раз десять забегает, якобы факс отправить, а сам глаз от твоего кабинета не отводит. Я уж переживаю, как бы бабье не заметило, а то косточки тебе живо перемоют...

— Ага, — парировала Ира. — Он в кабинет мой влюбился. Дверь, блин, у меня самая симпатичная!

Но спорила она с Трегубович по привычке. А еще для того, чтоб пыл ее, до сплетен охочий, остудить.

Она и сама заметила участвовавшие визиты Черкасова. До конца еще не была уверена — может, по делу бегают? Может, просто показалось? Может, она в Лариску потихоньку превращается, выдавая желаемое за действительное?

Но ведь вовсе не желаемое, нет! Ей этот Черкасов и даром не нужен, и за деньги не нужен. Ни авансом, ни в рассрочку. Ни в профиль, ни анфас. Она терпеть таких не может: слащавых, самовлюбленных. Ну ладно — безупречно выбрит и выглажен, туфли издалека сияют. Это как раз только в плюс каждому мужчине. Как и изысканный парфюм. Эх, если б ее Русаков мог так пахнуть! Но нет, у Сереги другой аромат. Мужичкий. Рабочий.

А у Черкасова ногти маникюром сияют! Без лака, а блестят — так отполированы. И что это за мужик?! Волосинка к волосинке уложена — не каждый парикмахер такую прическу сделает: вроде и не прилизано ничего, даже где-то творческий беспорядок напоминает, и в то же время волосы лежат безукоризненно, вроде он только-только из дорогущего салона вышел. Не мужик — самый настоящий манекен. Ему бы не в маркетингологии — ему самое место на подиуме. Вот там бы он вполне органично смотрелся. Никакого 'слишком' — вроде так и надо.

Но он почему-то пошел в маркетингологии. И зачем-то пришел в их трест — вроде работы в городе мало! А теперь без конца в дирекцию таскается, будто ему там медом намазано.

Внешне все выглядит чинно-благородно: то бумага у него закончилась, то факс в кабинете 'закидывает', то вдруг данные какие-то понадобились. А кабинет-то у Ирины — не кабинет вовсе, один сплошной 'аквариум'! Шефу понравилось, что в Америке мало у кого кабинеты закрытые. Едва вернулся — тут же перестройку в главном офисе закатил: все должно быть на виду, каждую минуту он должен видеть, работает человек или ерундой мается. Вроде и повесил жалюзи на стеклянные стены, да закрывать их позволил только на время обеденного перерыва. Справедливости ради следует заметить, что и в своем кабинете крайне редко закрывает жалюзи. Однако

для Ирины это слабое утешение: за стеклянной перегородкой она чувствует себя выставленной напоказ в витрине модного бутика. Подходите, граждане, подходите! Не стесняйтесь, разглядывайте все в подробностях: как она сидит, как по телефону разговаривает, как бумажку упавшую поднимает, изящно наклонившись.

Радовало одно: приемная у Ирина своя. Пусть не такая большая, как у генерального, зато отдельная, а потому навязчивый взгляд шефа не мурыжил ее с утра до вечера. Правда, сама приемная от общего коридора тоже отделялась всего-навсего стеклянными перегородками, но, так как на всех стеклах висели жалюзи, в итоге выходило, что от посторонних глаз Ирина была слегка прикрыта вроде как легкой дымкой. Хотя, конечно, если внимательно посмотреть, без особого труда можно различить, чем занимается хозяйка кабинета в данную минуту. И все-таки оставалось некоторое ощущение прикрытости. Пусть условной — но все же не такой 'голой'.

Некоторые перемены в поведении Черкасова не сразу ее насторожили. Однако довольно скоро поняла, что назойливое его внимание адресуется не секретариату в целом, то есть Ларочке, а конкретно ей, Ирине.

Открытие это ее не порадовало. Напротив, вызвало раздражение: на кого ты, малолетка, пялишься? Единственное, что она испытывала по отношению к нему — неприязнь. То глухая, то яростная, она непременно захлестывала ее при одном взгляде на юного красавца.

Все в нем было слишком вызывающим: и стиль одежды, позаимствованный из последних журналов мод, и идеальная прическа, идеально же имитирующая непричесанность. И лощеная, вечно чему-то радующаяся физиономия, будто у него каждый день был день рождения.

Манера одеваться попросту выводила ее из себя. К чему поверх стильного дорогого костюма вешать под лацканы яркое кашне, вроде он не маркетолог на работе, а как минимум заслуженный артист, в силу юного возраста не успевший еще получить гордое звание народного, на приеме в его честь по случаю вручения престижной международной награды. Это Олег Меньшиков в таком прикиде смотрится вполне органично, а Черкасов в том же одеянии выглядит аки напыщенный павлин.

Мало того, что появлялся он в приемной по несколько раз в течение рабочего дня. Нередко Ирине приходилось сталкиваться с ним непосредственно по работе: именно с нею, заместителем директора по экономической политике, и следовало Черкасову решать вопросы продвижения продукта на рынок.

Однако нельзя сказать, что поводы для каждого его визита в Ирин кабинет были вымышленными. Ничуть. Маркетологом Вадим оказался на редкость толковым: в его голове роилось множество свежих идей, и каждую из них он излагал Ирине, как вышестоящему начальству.

Судя по всему, к встречам он готовился загодя. У Иры возникало стойкое ощущение, что каждый свой визит Черкасов репетировал не по одному часу перед зеркалом: настолько гладкой и связной была его речь. Причем, он всячески старался использовать не обиходные слова, а мудреные к ним синонимы, или же английские или французские аналоги, стремясь выложить перед начальницей весь свой интеллектуальный багаж на золотую тарелочку, как высший дар покорительнице сердца.

Вдобавок ко всему, подтверждал напыщенные свои речи графиками и схемами. Это были не просто графики, не просто схемы. Казалось, перед представлением вышестоящему начальству он вылизывал их языком — настолько гладенькими, чистенькими, вылощенными они были. Если была хоть малейшая возможность украсить схему каким-нибудь спецэффектом — Черкасов непременно ее использовал, применяя для этого все компьютерные возможности, всяческие тени, объемные изображения, и прочую эффектную чепуху. Единственное, до чего он пока не додумался, так это заламинировать огромную схему формата А1.

В то же время Ирина вынуждена была констатировать: при всех его 'чересчур' в Черкасове не было ни капли жеманства. Все, что он делал, было для него нормой, а вовсе не предназначалось для игры на публику. Это была его натура: слишком тщательно следить за собой, слишком тщательно готовить устные и письменные отчеты о проделанной работе, слишком тщательно облекать свои мысли в графические изображения. Все слишком тщательно, все слишком продуманно. Это могло не нравиться окружающим, могло их раздражать — но он был таким, и, судя по всему, таким себе нравился.

Во время производственных встреч Ира старалась прятать подальше негативные эмоции и общалась с маркетологом ровно, как с любым другим сотрудником. Однако с каждым разом давить в себе неуют и антипатию становилось труднее.

Стоило признать: Черкасову удалось ее зацепить. Не так, как ему, наверное, хотелось. Но неизгладимый след в душе оставил.

А в душе Ларочки Трегубович, внешне почти всегда спокойной и рассудительной, бушевал ураган страстей. Целыми днями она мило

улыбалась подруге, а теперь еще и непосредственной начальнице, шелестела легким ветерком море комплементов в вышестоящие уши, всячески старалась угодить: 'Ах, Ирочка, ты так замечательно выглядишь, ты такая умница — смотри, как у тебя все ладно получается. А красавица какая! Да ты ж моя дорогая подруженька, да я ж за тебя в огонь и в воду!' И во взгляд при этом старалась подпустить побольше сахару: дескать, я сама откровенность, сама лояльность — вернее меня не найдешь!

Все менялось, когда Ларочка закрывала за собою входную дверь квартиры, и оставалась в полном одиночестве. То есть не совсем полным: Софья Исааковна, перенесшая смолоду несколько неудачных беременностей, плюс многолетнее лечение гинекологических проблем, постарела очень рано и как-то даже вдруг, в одночасье. Уже в пятьдесят пять вовсю охала и кряхтела, с трудом преодолевая преграды в виде лестниц. Но тогда еще она вынуждена была карабкаться по жизни: если не она — кто о доченьке ненаглядной позаботится? Моисей Яковлевич ушел рано, оставив любимых девочек без помощи.

Ковыляла Софья Исааковна ровно до тех пор, пока Ларочка не окончила университет. Порадовалась красному дочкиному диплому, да на радостях и слегла окончательно. Разве что до туалета пока еще добиралась самостоятельно, но это давалось ей все с большим трудом, и Ларочка с ужасом ждала, что сил материнских на это скоро вовсе не останется, ведь возраст уже приличный — как ни крути, а без малого восемьдесят. И тогда... Страшно подумать, что будет тогда.

Когда-то мама была для Ларочки всем. Да что там — именно благодаря ей она до сих пор идентифицирует себя Ларочкой, и никак иначе. Даже Ирку, и ту приучила: она Ларочка, а не Лариса! 'Лара' еще так сяк — пойдет как сокращенный вариант. Но вообще-то она Ларочка. И благодарить за это должна маму. Это мама всей своей жизнью пояснила ей: ты у себя одна, ты у себя самая лучшая, и вообще лучшая. И только лучшего достойна. Спасибо маме — не пустила замуж за убожество. А то Ларочка чуть было не выскочила за первого встречного — пусть ничтожество, зато у нее будет штамп в паспорте, как у Ирки.

Но вообще-то жаль, что она не вышла замуж. Глядишь — вырастила бы из ничтожества человека. Ирка-то ничего, не побоялась за работягу выскочить. Хотя... За такого-то и Ларочка бы пошла. Не пошла б — побежала. Ну да ничего — еще не вечер. Придет на ее улицу долгожданный праздник. Ирка свое скоро отпляшет, а Ларочка до конца жизни плясать будет на ее костях.

Непонятно, когда жизнь успела такой крутой вираж сделать? Вроде

носили ее, носили на руках, а потом — бац, и...

Сколько себя помнила, всегда было так: родители сил для ее блага не жалели. Потому что Ларочка — пуп Вселенной. В этом она была с родителями солидарна: да, она таки пуп! Вся Вселенная крутится вокруг нее. Земля, может, и вертится вокруг Солнца. А вот Солнце вокруг кого? Вокруг Ларочки, да.

Так было, и так должно быть впредь. Когда-то, мама рассказывала, у нее чудовищно болела спина, но она упорно носила дочку на руках до пяти лет — чтобы ребенок не упал, не испортил личико на всю жизнь. Вот это правильно. Это забота о ребенке. И так во всем. Всю жизнь мама-папа вокруг нее на цыпочках: чего тебе, деточка? ах, осторожно, родная! ах, не упади! ах, не ошибись! ах, не выходи замуж — он тебе не пара!

Потом не стало папы. Но Ларочка его смерти практически не заметила: за ней ухаживали, как в прежние времена, она привычно получала все требуемое. Как уж у матери так получалось, но ведь получалось же. Почему теперь все иначе? Так нечестно! Это подло! Сначала ее приучили ко всему готовенькому, а теперь бросили одну. Мало того, что мать перестала ей помогать. Было бы тяжело, но Ларочка бы с этим справилась. Наверное. По крайней мере, она бы постаралась. И даже не обижалась бы на беспомощную мать. Наверное.

Но мать теперь сама требовала помощи — вот в чем штука! Коварный, подлый поворот. Ларочку никто не учил, никто не предупреждал. Это против правил! Мать же сама эти правила устанавливала — все для Ларочки, все для доченьки! А теперь... Да свинство это с материной стороны, вот что! Сначала отец ушел — ну тот ладно, на мать Ларочку оставил. А та теперь на кого бросила? Да еще и охает. Вроде Ларочка может ей помочь. Чем она поможет? Лекарство от старости еще не придумали!

Впрочем, материнское присутствие ее не особенно тяготило. То есть ей, конечно, надоело обслуживать беспомощную старуху, но замечала она ее присутствие лишь тогда, когда мать дергала ее со своими мольбами. Все остальное время Ларочка просто не обращала на старушку внимания: ну, лежит там что-то на кровати, охает, ворочается с боку на бок. Дерево вон за окном тоже охает, поскребывает стекло толстой развесистой веткой. Что ж, внимание на него обращать, вздрагивать каждый раз?

Раздевшись, Ларочка запихнула джинсы вместе со свитером на полку шкафа. Привычно подумалось: хвала тебе, Леви Страус, за чудесное изобретение! Достаточно постирать-погладить раз в три месяца, зато потом — красота: ни вешать, ни складывать не обязательно. Хоть комком бросишь

— никакого ущерба штанам не доставишь. Они и должны быть чуток мятыми — кто ж на джинсах стрелочки выводит? Свитер — тоже штука удобная, а то придумали — пиджаки, блузки шелковые. Сами-то пробовали хоть раз эти блузки в порядок привести? То-то. Небось, услугами химчистки пользуются, а Ларочке такая услуга кусается. С ее секретарской зарплатой все самой делать приходится. Попробовала было походить на работу в костюмах да платьях, на такие жертвы пошла ради этого малолетнего красавца, а он, подонок, даже внимания на нее не обратил. Урод!

Это Ирка, сволочь, здорово в жизни устроилась — ни хрена ей делать не нужно, живи да радуйся. Машина утром приедет, заберет на работу, вечером вернет обратно в лучшем виде. Разве что по дороге остается забежать в супермаркет да набрать полуфабрикатов, дома сунуть в микроволновку — и ужин готов. И за матерью ухаживать не надо: она у нее, как бык, здоровая!

Нет в мире справедливости, нету!!! А тут как лошадь загнанная — утром в забитом транспорте, вечером не легче. Да по магазинам пробегись, сообрази чего подешевле — чай, на секретарскую-то зарплату не слишком разгуляешься.

Где она, справедливость ваша хваленая?! Говорят: кто на кого учился. Типа: каждому по заслугам. Как же! Ирка отродясь палец о палец не ударила, а все имеет. Ларочка каждый урок зубрила на память, даже если не понимала ни единого термина. Понимать — не велика важность, а ты попробуй запомни нехудожественный текст слово в слово! У Ларочки что аттестат, что диплом — одни пятерочки. Загляденье! А у Ирки что? Жаль, что зеленых дипломов не придумали: для ее троек в самый раз бы сошло.

Нет в мире справедливости. Ларочка на журналистку училась, в престижнейшем ВУЗе. В результате работает секретаршей. Ирка — подумать только! — на банального бухгалтера! В заштатном институтишке! А работает, сволочь, Ларочкиной начальницей. А кроме Ларочки у нее еще больше сотни людей в подчинении. Это ж разве честно?!

Нет, ну правда. Как не злиться, когда кругом такое творится. Что хорошего в жизни сделала Ирка, что ей всегда все за так достается? Морда симпатичная — за просто так. Ей ведь даже с юношескими угрями бороться не пришлось! А Ларочка до сих пор от красных пятен избавиться не может. Пацаны в школе как подурели: такие взгляды на Ирку кидали, будто она Нефертитя какая-нибудь! А на что там глядеть-то? Чем, ну чем она лучше Ларочки?! Правильно она тогда Звягинцеву на Ирку наговорила. Хоть немножко спесь с нее сбила. А то больно уж все у нее ловко да гладко.

Всё ей, всё Ирке. А Ларочка как же? Утереться, и терпеть молча?!

А за какие такие заслуги ей Серега достался? Чем она его заслужила? Одна радость — хоть не интеллигент. Когда Ларочка ловила Ирку на том, как та стесняется мужа — кайфовала несколько дней. Нет большей радости, чем Ирку в чем-нибудь уесть.

За что ж ей наказание такое — успешная подруга? Какой нормальный человек выдержит, когда другому все время хорошо и хорошо — хоть бы раз где споткнулась, что ли! Хоть раз бы шишку на лбу набила — чтоб на собственной шкуре прочувствовала, как живется Ларочке.

Эх, прибилась подруга — не избавишься никак. А кроме нее и нету никого. Странно. Почему у Ларочки нет нормальных подруг? Ирка. Всё она. Она всех отбила. Мало ей Сереги, так она Черкасова к себе приворожила — тот, поди, скоро шею своротит в ее сторону глядеть. Где она, справедливость ваша?

Ничего, Ларочка тебе еще устроит справедливость! Высшую справедливость! Будешь ты, подруженька, рыдать, и даже не поймешь, откуда слезы твои взялись.

От привычных мыслей об отсутствии в мировом устройстве коммунистической справедливости захотелось выть в голос. Однако, сцепив зубы, Ларочка лишь резким движением ноги зафутболила тапочек. Хотела попасть в стену, да он, мерзавец, отскочил и улетел глубоко под диван.

— А, чтоб тебя, твою мать! — заорала она и полезла за тапком.

Софья Исааковна заворочалась на кровати:

— Ларочка, деточка, не смей так выражаться. Ты же не пьянь подзаборная, ты же у меня образованная, интеллигентная девочка.

— А не пошла бы ты старая, подальше, — беззлобно, скорее по привычке, нежели от негодования, заявила интеллигентка, отряхивая слой пыли с острых коленок. Про себя подумала: пожалуй, пора заняться уборкой, а то пыль скоро в жгуты завьется.

— Разве я тебя учила таким словам? Как тебе не стыдно, деточка...

— Заткнись ты, воспитательница хренова! Достала, — все еще беззлобно ответила Ларочка. Однако чувствовала — истерика на подходе, хорошо бы мать догадалась и умолкла в своей берлоге.

Не тут-то было — мать за целый день истосковалась по общению.

— Какая же ты бессовестная, Лариса Трегубович! Слышал бы отец, как ты с матерью разговариваешь! И это после того, как я шестнадцать лет тебя рожала, на руках носила, грудью кормила. А ты?! Такая она, твоя благодарность, да? Бессовестная...

Ну что ж. Хочется общения? Получай! Сама напросилась.

— А какого хрена ты меня рожала? Я тебя об этом просила? Ты не задумывалась, почему у тебя шестнадцать лет не получалось родить? Да потому, что тебе нельзя было иметь детей!!! За что я тебе должна быть благодарна? Ты, гнида, в зеркало на себя смотрела, когда рожать меня надумала? Ты соображала, какого уродца в себе носишь? За что я тебя должна благодарить? За этот нос, за эту кожу? За уши лопоухие, за фигуру корявую? Это ты, ты во всем виновата! А теперь лежишь тут, развалилась. Отдыхаешь, сука. Обслуживай ее. Хорошо устроилась. Зараза старая, сколько я могу за тобой ухаживать? Вставай давай, хватит вылеживаться! Мне и без тебя проблем хватает, я тружусь, как пчелка — это ты должна обо мне заботиться! Это ты должна меня кормить и обстирывать. Это ты — мать, а матери обязаны детям помогать. А ты, ты... Хрычовка! Старая противная хрычовка, ненавижу тебя! И заткнись, слышишь, заткнись, гадина — слышать тебя не могу!

Выплеснув эмоции, накопившиеся за день, Ларочка расплакалась, как обиженное дитя.

Она уже давно не испытывала стыда перед матерью за такие слова. Поначалу еще, когда та лишь приучала ее к своей немощи, пыталась сдерживаться. Где-то даже совесть ворочалась: мама ее вырастила, все силы ей отдала. Теперь Ларочка вроде как долг обязана выплатить.

Но надолго ее короткой совестью не хватило. Совесть пусть имеют те, от кого Ларочкина жизнь зависит. Те, кто заботиться о ней должен. А она никому не должна. Она — пуп Вселенной. Мама сама так говорила. И папа говорил. Вокруг Ларочки вертится Солнце. Должны ей. Она никому ничего не должна.

Сначала еще выбирала слова. Орать орала, но далеко не все, что хотелось. Однако раз от разу словечки с языка слетали все крепче — и ничего: мать все глотала. Выговаривала потом, но Ларочке ее выговоры в одно ухо влетели, из другого вылетели, как Шаттл из атмосферы. Что мать могла ей сделать? Отругать? Да пожалуйста! Ларочка ей в ответ тоже ругательств не пожалует. Больше мать ни на что не годилась. Она и раньше-то была не круче податливого латекса: Ларочка всю жизнь веревки из нее вила. А теперь, беспомощная — разве она могла представлять для дочери хотя бы условную угрозу?

Со временем частота скандалов росла. Росла и их 'гремучесть'. Ларочка очень скоро перестала стесняться выражений. А что? Так даже психологи советуют. Душу — ее жалеть надо, от негативных эмоций избавлять. А для этого первое средство — хорошенько выmaterиться.

Главное — не на улице, не на людях — что они о ней подумают? А при матери можно — она ведь наверняка первая заинтересована в дочкином здоровье. Так что нечего жаловаться.

Вообще-то Ларочка была уверена — матери даже нравится их стиль общения. Если бы не нравился — она бы это как-нибудь продемонстрировала. По крайней мере, не доводила бы дочь до истерик. Что ж она, ненормальная, что ли — ни с того ни с сего истерить? Пока мать ее не трогает — она редко на нее вытворяется.

Но в том-то и дело: стоит Ларочке прийти с работы — как мать начинает ныть, подталкивая ее к истерике. Прицепится к какому-нибудь слову, и начинает 'лечить' дочку: 'Лариса Трегубович, видел бы папа!..' Иногда, впрочем, старушка возмущается по делу. Но это ничего не меняет. По делу или без, Ларочка даже не пытается сдержаться. Пройтись по матери матом — последняя оставшаяся у нее отдушина. Такой кайф Ларочка получала разве что уев Ирку.

Самое удивительное, что после выплеска эмоций, когда уже ни сил, ни желания продолжать истерику не оставалось, мать начинала извиняться. Будто не Ларочка ее матом обложила, а сама она сгоряча обидела ребенка.

— Прости меня, детка, прости. Разве ж я виновата, что некрасивая? Меня такую мать родила, и мне родить хотелось. Да ты ж у меня совсем и не некрасивая, ты у меня очень даже миленькая. И носик вполне приличный, а горбинка ему только пикантности придает...

— Пошла ты со своей пикантностью!

Орать уже не хотелось, хотя такое заявление матери ранило Ларочку в самое сердце. Может, сама-то она и имела право жаловаться на свою некрасивость. Но какое право имеет мать подтверждать ее? Она должна уверять дочку, что та самая красивая на свете, а кто этого не понимает — полный дебил. Потому что на самом деле Ларочка вовсе не уродина. Это она только в сердцах так говорит, а на самом деле никогда не считала себя некрасивой. Фигурка на славу удалась — тоненькая, никакой извращенец толстой не назовет. А волосы?! Одни волосы чего стоят! Только за них она достойна такой любви, какой никогда не знала Ирка. У той-то — три пера в четыре ряда. А у Ларочки — шикарная грива!

Мать словно услышала ее мысли:

— Зато какие чудные у тебя волосики — тебя ж за одни волосы полюбить можно. И не расстраивайся, еще ничего не потеряно, и на твоей улице будет праздник — найдется твой принц заблудившийся, никуда он от тебя не денется...

— А как же! Обязательно найдется. Только мне к тому времени лет

восемьдесят стукнет, и я уже давно буду покоиться на кладбище. Да и не нужны мне те принцы, ни один из них мизинца его не стоит.

— Забудь! Не смей даже и думать! Он чужой, не смей разбивать семью!

Ее угроза лишь насмешила Ларочку:

— Тебя не спросила. Ты в таблетках себе лежи, разбирайся. А со своей личной жизнью я как-нибудь без тебя управлюсь — без твоих соплей скользко. 'Чужой'. Это дома он чужой, для родной жены чужой. Только не понимает этого, дурак. Ну ничего, я объясню. Я всё всем объясню! В одном ты права: будет на моей улице праздник. Или я не Ларочка Трегубович!

Сергей проснулся, как обычно, за пять минут до звонка будильника. Он и сам не понимал, каким образом это ему удастся, но практически каждое утро на протяжении многих лет опережал противный зуммер дряхленьких настольных часов ровно на пять минут. Тем не менее, каждый вечер непременно вновь и вновь заводил будильник, уверенный в том, что его звонок ему, как всегда, не понадобится. Заводил на всякий случай: а вдруг проспит, а вдруг в этот раз не проснется вовремя, и тогда Ира опоздает на работу. А ей опаздывать никак нельзя — негоже начальству опаздывать. Задерживаться можно, а вот элементарно проспать и из-за этого опоздать — никак не годится.

Прошел в ванную, умылся, тщательно выбрился — жена не любит небрежности. Вернулся в спальню.

— Вставай, милая, пора.

Нежно поцеловал обнаженное плечо жены, выглядывающее из-под одеяла. Знал — Ира терпеть не может резкий звон будильника. Зато после нежной 'побудки' просыпается радостная и бодрая.

Еще не открыв глаза, Ирина сладко потянулась и улыбнулась. У Сергея защемило сердце: до чего же она у него хороша! Даже сейчас, еще не совсем проснувшись, с припухшими после сна глазами, с заломившимся на бок коротким ежиком волос, и морщинкой от подушки, разрезавшей щеку пополам.

Может, не настолько красива, сколько... Сергей задумался, подыскивая подходящее слово. Родная. Вот. Вот то единственное слово, которое ассоциировалось в его мозгу с женой. Именно родная. Его не вдохновляла ее красота — он даже не был уверен, что она у него красива. Красота в его понятии — нечто возвышенно-прекрасное, нереальное, почти неживое, и уж, по крайней мере, непременно чужое и холодное.

Ирина же привлекла некогда его внимание даже не миловидностью, а естественностью. Вернее, вначале была боль.

Сергей усмехнулся про себя. Он обожал вспоминать их знакомство. Боль давно прошла, остались шутки-прибаутки о том, как она заехала ему 'кулаком прямо в мужскую душу', веселые подколки, и... тихая радость, что когда-то ему 'не посчастливилось' подставить себя под удар незнакомке. Все эти годы радость сопровождалась страхом: а что, если бы не он оказался тогда крайним справа, а Олег или Володька. Что, если бы Ира заехала кулаком не в его 'мужскую душу', а в Вовкину? Означало бы это, что теперь она была бы Володькиной женой, а он, Сергей, так и остался бы на обочине жизни, и мыкался по сегодняшней день один, неприкаянный?

Мысли роились в голове независимо от того, чем занимались руки-ноги. Тело в это время жило своей жизнью, привычно суетясь в поисках чистых носков и рубашки, выставляло загодя из холодильника сливочное масло к завтраку, чтобы немножко подтаяло, будило Маришку в школу.

В утренней сутолоке Сергей периодически налетал на жену в дверях спальни, иногда сталкивались едва ли не лбами в нешироком коридорчике между прихожей и кухней. Иногда после столкновения он чмокал Иру в непричесанную еще макушку. В другой раз Ирина пихала его несильно локтем в бок: мол, не мешай, пропусти, не путайся под ногами! Но все это происходило с такой любовью в глазах, с таким задором, что Сергею и в голову не приходило обижаться. Он мигом подхватывал игру и тоже начинал легонько отталкивать Иру с прохода, и так они толкались до тех пор, пока недовольная, по обыкновению не выпавшаяся Маришка не пыталась протиснуться между ними, бурча возмущенно:

— Не наигрались еще? Как дети малые!

Родители со смехом разбегались в разные стороны, вспомнив о том, что опаздывают, однако настроения это не портило, и весь дом, казалось, был пропитан этим радостным духом любви и семейного уюта.

Сергей никогда не говорил жене красивых слов. Никогда не признавался в любви. То есть, он-то, конечно, признавался, но в пору далекой юности, когда они еще не были женаты. После свадьбы же, полагал, эти объяснения уже никому не нужны: раз уж он на ней женился — значит, априори любит, и к чему сотрясать воздух лишними словами. Мужик сказал — мужик сделал, а каждый раз подтверждать поступок болтологией... Ерунда это. Лишнее. Она ему тоже ничего особенного не говорит. И что? Разве от этого он сомневается в ответственности ее чувств? Нисколько.

Но поди пойми, что творится в загадочной женской душе. Неужели

после стольких лет им еще нужны слова? Что такое слова? Пустые звуки, необходимые тогда, когда люди не могут чувствовать друг друга таинственными фибрами. Но это ведь не про них с Ириной! Тогда зачем она снова и снова задает ему совершенно идиотский вопрос:

— Ты меня любишь?

Чтоб не оскорбить ее ненароком, не слишком тщательно скрывал недоумение. Отвечал привычно-буднично:

— Конечно.

Может, и слышал выражение 'Женщина любит ушами', но не придавал значения таким мелочам. Слова — для тех, кто не любит, кто лишь прячет за ними пустоту.

Со времен женитьбы он не задумывался о высоких материях, не пытался разложить чувства по полочкам. Об этом он думал до свадьбы. Вернее, до того, как принял ответственное решение. Потом, вплоть до нынешнего времени, просто жил. Просто наслаждался тем, что он не один: их трое. Просто знал, что без Иришки ему — никуда, только в петлю. Потому что без нее незачем будет просыпаться по утрам, некого будет будить поцелуем в теплое нежное плечо. Потому что... Просто потому, и точка.

Он редко задумывался о любви — об этом пусть женщины думают, у них мозги как раз в том направлении повернуты. Не у всех, правда — у его Иришки мозги о-го-го, любой мужик позавидует! Однако, несмотря на это, от женского менталитета не далеко убежала. Иначе не задавала бы глупых вопросов.

Но иногда и Сергея пробивало что-то такое, что он начинал заниматься самокопанием. В такие нечастые моменты благодарил судьбу за то, что подставила его под Ирин кулак. Потому что сам он, Сергей Русаков, кажется, появился на свет только в ту минуту. Все, что было до памятного удара 'в душу' — не жизнь, а так, генеральная репетиция.

За жену он мог бы продать душу дьяволу. Мог бы. И несомненно продал бы. К счастью, таких жертв от него никто не требовал. Единственное, что требовалось — верность. Причем не Ира требовала, а статус, штамп в паспорте. Но что такое верность по сравнению с 'душу дьяволу'? Никакой не подвиг. Безделица, не стоящая внимания. Сергею для этого палец о палец ударять не приходится.

И вовсе не потому, что его женщины не интересуют. Очень даже интересуют, но — одна. Та, которая своя. Которая родная. Которой он и должен быть верным.

И еще никак не потому, что он женщин не интересуется. Да будь у него

желание, он бы!..

Ладно, клиентки не в счет. Всякие случаются, но он их всерьез не воспринимает. Хотя бывают ох какие откровенные предложения! Таких он иначе, как 'самками', не называет. Когда-то Сергей даже краснел, когда очередная хозяйка крутого авто подмигивала: дескать, а не продолжить ли нам знакомство в более уединенном местечке? Он на этих 'лихих штучек' насмотрелся. Когда с мужьями приезжают — прям монашки-девственницы! А мужья, как на подбор, старые, обрюзгшие. Так что понятно — не Сергей тех бабенок интересуется. Им особой разницы нет, с кем мужу рогов наставить. Лишь бы хоть какой толк был — потому как от кошелька в постели радости мало.

Вот Женьке — той сам Сергей нужен, а не подвиги его постельные. Девка сочная, яркая. Непонятно, как на их станции техобслуживания оказалась. Не подходящее это место для красивой женщины. А вот поди ж ты — механизмы уважает, как настоящий мужик. Толковая баба. Ей бы мужиком быть: вон, даже имя ей родители мужское дали. Так нет же — угораздило девкой на свет появиться, будто не смогла в материнской утробе наскрести плоти на лишний пальчик, и всю жизнь расплачивается за такую вот телесную экономию.

Странное дело: такая красавица, а рабочий комбинезон ей к лицу. Будто для него она и рождена. Еще удивительнее, что с такой работой не перестала быть женщиной.

И эта Женька, эта 'Королева бензоколонки', определенно положила глаз на Сергея. Он долго сомневался — не привиделось ли. А потом уже все мужики заметили ее неравнодушные взгляды. Эта тема давно стала дежурной шуткой в их гараже.

Сергею ее внимание, бесспорно, льстило. Но не более. Жалко было глупышку: и молодая, и красавица, и в механике отлично разбирается. Одна у нее беда — не в того парня влюбилась. У Сергей — жена. А потому в его глазах Женька прочно занимала нишу бесполой существ, так как к разряду самок ее отнести было бы просто нечестно.

Определенно, с Иришкой судьба его столкнула вовсе не случайно. Сергей не сомневался, что именно она — его настоящая половинка. И поэтому совсем не важно, красива ли она, или только симпатична, или даже не особо симпатична. Ирина у него бесспорно мила. А еще... Еще она бесконечно родна, и только это может быть главным.

Он искренне недоумевал, когда она вдруг надумала подвергнуть себя жутким, на его взгляд, страданиям ради мифического омоложения. Если

честно, Сергей даже не заметил особых перемен в ее внешности после вмешательства пластических хирургов.

Единственное, что действительно изменилось, прическа. Раньше у Иришки были волосы до плеч и по утрам они бывали слегка запутаны, но не придавали ей нелепый, даже детский вид. Теперь же Ира носила очень короткую стрижку, и, едва проснувшись, бывала похожа на перепуганного воробышка: волосы во время сна заламывались на одну сторону и торчали в полнейшем хаотическом беспорядке.

Впрочем, негативных эмоций в Сергее эта прическа не вызывала. Скорее, наоборот: благодаря ей он испытывал к жене еще более нежные чувства, как к вечному ребенку. Иногда он представлял, как было бы забавно, если бы в таком виде ее увидели на работе, и весело улыбался своим мыслям: строгая начальница в образе оципанного воробья!

Он знал, что Иришка у него самая разумная, самая образованная, что справится с любым, самым трудным заданием. Знал, и гордился этим, но все-таки никак не мог представить ее в роли строгого заместителя генерального директора строительного треста.

Какая же она строгая? Какая же она заместитель директора? Ведь это просто его жена. Его Иришка. Его милый, невзрослеющий ребенок.

— Он любил меня, — всхлипнула Ира, но тут же взяла себя в руки — не хватало еще расплакаться перед незнакомым человеком!

— Любил... Я всегда чувствовала его любовь. Но, знаете, мне мало было ее чувствовать. Мне хотелось слышать. И слушать.

Собеседница понятиливо закивала, и Ира, приободрившись, продолжила с еще большим воодушевлением:

— Может, со мной что-то не так, а может, все женщины такие. Я часто спрашивала, любит ли он меня. Он неизменно отвечал: 'Конечно', но этого было мало. Даже наоборот — это было в некотором роде оскорбительно. Я хотела искренности, а это его 'Конечно' звучало как-то не то что неубедительно, а... Без огня. Без искры. Вроде я его на люстру подвесила и пытаю, а он вынужденно соглашается.

Замолчала, вспоминая совсем недавнее прошлое. Господи, какая она была глупая! Чего ей не хватало?! Зачем спрашивала? Ведь и без слов знала, что Сергей ее любит. Но хотелось большего.

Наверное, Лариска права. Любовь со временем становится привычной. А Ире хотелось чего-то живого. Помолодев лицом, захотела вернуться в молодость, снова пережить что-то более бурное, чем его будничное

'Конечно'. Пережить с ним же, со своим Русаковым. А он возвращаться в прошлое не желал. Или просто не понял?

— Дура, — в тысячный раз констатировала она. — Дура.

Вадим вычерчивал очередной график. На работе не успел. Вернее, сделал лишь компьютерную версию, но на стандартном формате А4 график выглядел не слишком впечатляюще, поэтому пришлось взять работу на дом. На десять утра ему была назначена аудиенция у Русаковой, а прийти к ней недостаточно подготовленным Вадим не мог себе позволить.

Из-под фломастера выходила четкая фиолетовая линия, показывающая, как за прошедший квартал изменился процент продаж элитного жилья, построенного их трестом. После этого Вадим начал выводить малиновую линию, обозначающую предположительный рост на будущий квартал при условии, если будет принят к работе его проект рекламы.

С этой линией было сложнее — процент еще только ожидался, а потому рисовать его следовало не сплошной линией, а пунктиром. Но как попало чертить пунктир Вадим не мог — с детства был приучен делать все на совесть, выверено и четко, а потому вырисовывал штрихи по линейке: пятнадцать миллиметров сплошная линия, три с половиной миллиметра разрыв, и снова пятнадцать миллиметров сплошной линии. Можно было бы сделать разрывы побольше, можно было даже сделать их равными штриху, но в целом линия выглядела бы слишком банально. Вадиму же нужен был эффект — все должно быть, и будет красиво! Конечно, он еще столкнется с трудностями, когда начнет накладывать тень на пунктирные штрихи, ведь в три с половиной миллиметра разрыва ее сложно будет убедительно врисовать. Зато результат наверняка получится достойным. Эффектным.

Вадим получил образцовое воспитание. Папа, Николай Вадимович, — высший офицер, как сам себя любил именовать. Причем ударение ставилось на слово 'высший'. Отсюда — четкость действий и ответственность за принятые решения, исполнительность и обязательность. А мама...

Мама... От мамы он получил, пожалуй, большую половину качеств, нежели от отца. От мамы он получил всё...

Мама была Черкасовой, как Вадим и отец. Официально выйдя замуж, она взяла фамилию мужа. Девичья же ее фамилия — Видовская. Знакомая фамилия? Человек с хорошей памятью тут же вспомнит хорошенькую блондиночку, томным голосом напевавшую 'Зеленые листья, как изумруд,

в солнечном свете мерцают'.

Все верно: Паулина Видовская, та самая Видовская — его мама. Со всеми вытекающими обстоятельствами.

Паулина с детства двигалась к намеченной цели, то есть к музыкальному олимпу. Не ребенок — чистая куколка, белокурый ангелочек. Вдобавок к очаровательному личику девочка обладала еще и вполне неплохим голосом. А потому с раннего детства ей отводилась роль украшения семейных праздников: в разгар вечеринки, как водится, родители воздвигали в центре гостиной 'сцену' — банальную табуретку — на которую торжественно ставили свое драгоценное сокровище, и тихо рдели от гордости, когда подвыпившие гости восторженно аплодировали юной певице.

С первого класса Паулина участвовала в художественной самодеятельности, уделяя порой этому гораздо больше внимания, чем непосредственно учебе. Родители не возражали — ребенок действительно добивался некоторых успехов на этом поприще, так зачем же отрывать ее от любимого занятия, сулившего в скором будущем славу и немалые деньги? Ради сомнительного счастья в подробностях узнать тонкости вегетативного размножения многолетних растений?

Единственное, на чем настаивали родители — чтобы дочь не пропускала занятия в музыкальной школе. Во-первых, школа эта не была, как общеобразовательная, бесплатной, и родителям приходилось выкладывать за нее двадцать пять рублей ежемесячно. А во-вторых, как раз музыка ей в жизни очень пригодится, а потому учиться Паулина должна на совесть.

После десятилетки девушке оставалась одна дорога — в консерваторию. Нельзя сказать, что поступила она туда с легкостью — отнюдь. Оказалось, не одна Паулина наделена от природы музыкальными способностями. Однако к тому времени она обладала несметным количеством почетных грамот и кое-каких наград областного и регионального уровня, что не могло не сыграть ей на руку, и девочка вполне закономерно стала студенткой консерватории.

А вот отличницей ей стать не удалось: простенькие, зато модные песенки в стиле 'Оранжевое небо' здесь не котировались — более того, были строжайше запрещены. Студентов здесь учили 'красивому, доброму, вечному', то есть классике.

В этом вкусы студентки и преподавателей диаметрально расходились: Паулине категорически не нравились бессмертные классические творения

а-ля 'Подорожная', где 'Веселится и ликует весь народ', потому что 'Поезд мчи-и-тся, мчится по-о-езд, мчится по-ooooooooo-езд'.

К счастью для Паулины, ее заметили на одном из капустников в родной консерватории, и пригласили выступить в сборном концерте. Симпатичную девчущку зритель принял с благосклонностью, а потому приглашать ее стали все чаще. Руководству консерватории это совсем не понравилось, и она вынуждена была уйти в академический отпуск. Впрочем, такие мелочи девушку не напугали: теперь она могла позволить себе полностью отдаться любимому жанру эстрадной песни без боязни накликать гнев преподавателей. И постепенно зритель всего Советского Союза запомнил имя хорошенькой певички: Паулина Видовская.

Карьера юной артистки эстрады поднималась по спирали: не слишком круто, зато только в гору. Появилось море поклонников. Стоит ли говорить, что слава очень легко вскружила ей голову. Чуть не каждый вечер ее приглашали то в ресторан, то на вечеринку. И везде поклонники, цветы, шампанское. А шампанское такое вкусное, такое колючее, и так легко, так весело становилось после пары-тройки фужеров...

Надо сказать, организм Паулины к шампанскому относился не совсем адекватно. Больше того — с изрядной долей подлости. То, что другим — веселье, для Паулины имело гораздо более серьезные последствия. Если после одного-двух бокалов она чувствовала приятное опьянение, то после третьего впадала в состояние полной амнезии. Не падала в обморок, не умирала от алкогольного отравления, но становилась кем-то другим. Сейчас такое состояние называют коротким емким выражением 'крышу снесло', во времена же молодости Паулины просто многозначительно вертели пальцем у виска.

Наутро после вечеринок Паулине иногда рассказывали о безобразном поведении накануне, однако она наотрез отказывалась верить таким рассказам. Глупости, разве она, воспитанная и положительная девушка, могла себе позволить в присутствии чужих людей задрать юбку, покрутить аппетитной попкой и в завершение импровизированного концерта громко пукнуть?! Сама-то знала, что от шампанского ее в самом деле пучит, но это ведь ее маленький секрет. Не могла же она делать это привселюдно?! Не могла. Значит, чужь. Наглая, бессовестная клевета!

Завидуют, они все ей просто завидуют. И эта грязь, эта ложь — ни что иное, как месть недругов за ее славу, за ее достижения, за ее великолепные певческие данные и невероятную красоту. Вместо того, чтобы сделать выводы о том, что алкоголь и Паулина — понятия несовместимые, она без сожаления расставалась с бывшими друзьями, осмелившимися сказать ей

правду.

Разгульная жизнь продолжалась. Все чаще Паулину приглашали не в ресторан или клуб, а на частные вечеринки, устраивавшиеся на квартирах или подмосковных дачах. Там она чувствовала себя настоящей звездой: ее появление в разгар вечеринки вызывало такой восторг гостей, что сердце девушки умывалось медом. Еще больше радовалась она тому, что является единственной дамой в коллективе, а стало быть, конкуренции за мужское внимание не будет.

И правда — фужеры с шампанским протягивали со всех сторон. Паулина с наслаждением утоляла жажду, щебетала пташкой, танцевала то с одним кавалером, то с другим, после чего словно проваливалась в небытие и просыпалась лишь утром, обычно с кем-то из многочисленных гостей.

Это ее не слишком пугало, даже не печалило: ах, подумаешь! На дворе конец семидесятых, сексуальная революция в самом разгаре. Скромность может украшать только ту девушку, у которой нет других украшений.

Однажды после очередной пирушки она проснулась рядом с незнакомым мужчиной. К такому повороту Паулине не привыкать. Улыбнулась приветливо: здравствуй, парень! я — Паулина, а ты кто?

В отличие от предыдущих коллег по пробуждению, этот был хмур и определенно зол. Вместо привычных комплиментов в свой адрес она услышала:

— Все, девочка, кончилась твоя жизнь разгульная. Не могу я на это смотреть. Поедешь со мной — это вопрос решенный.

Она пыталась брыкаться и отнекиваться, однако незнакомец взвалил ее на плечо, как мешок с картошкой, и под насмешливым взглядом хозяина квартиры пронес к выходу.

К счастью, утром зевак было не слишком много, иначе Паулина сгорела бы со стыда — ее таскали на плече, будто багаж. Этот мужлан не опустил ее на землю все время, пока ловил такси. Потом, опять же без тени уважения к ее певческим и прочим талантам, закинул на заднее сиденье, сам уселся туда же, чтоб у нее не возникло желания выпрыгнуть из машины на ходу.

Ехать пришлось далекомько: Москва уж давно позади осталась. А этот мужлан ни слова, ни полслова. Сначала Паулина думала, что он везет ее для продолжения банкета — пока другие не переманили. Ну хорошо, хорошо — она же не возражает! Зачем же так-то, по-свински?!

Однако уж и дачные поселки проехали, а машина все мчится куда-то. Выспрашивать, унижаться — не для Паулины. Она спокойно приняла судьбу. Не в первой, в конце концов. Она Паулина Видовская, ей ничего не

страшно!

Вместо продолжения банкета она оказалась в глухой деревне на попечении неразговорчивой старухи. Что за деревня, что за бабка, и как оттуда выбраться — Паулина не знала. Деревушка — не деревушка, так, скорее, забытый хуторок. Из звезды эстрады девушка в одночасье превратилась в пленницу.

Впрочем, с полным основанием назвать это пленом было бы нечестно: никто ее не держал взаперти, никто не охранял. Однако выбраться оттуда без посторонней помощи не удалось: единственная дорога, пересекавшая хуторок, была, скорее, похожа на тропинку и ездили по ней разве что подводы, запряженные старыми клячами, да и те нечасто. Так что деваться пленнице было решительно некуда — не пешком же отправляться на каблуках и в вечернем платье!

Старуха, хозяйка неказистого домика, была то ли глухонемая, то ли не совсем в разуме. Так или иначе, а добиться от нее чего-то вразумительного Паулине не удалось. Хоть плач, хоть кричи — толк один: никакого толку.

А через два бесконечных дня на хуторок наведалься давешний приятель Паулины. Впрочем, какой же это приятель, если она даже имени его не знает. А может, просто не помнит. Так, партнер по постели. Обычный, ничем не примечательный партнер.

Имя у партнера оказалось тоже обычное — Николай. Однако поведение его сильно отличалось от нормы, к которой она успела привыкнуть за время недолгой пока еще звездной жизни. Не гордился он знакомством с модной певицей, не восторгался неземной ее красотой, не восхищался замечательной ее, ладненькой фигуркой. Был с нею хмур и даже откровенно груб, немногословен, и уж совсем далек от мысли о комплиментах.

— Значица так, девонька, слушай сюда. Внимательно слушай. Повторять я не привык. Отныне жить ты будешь либо со мной, либо с этой старушкой — и не говори потом, что выбора я тебе не предоставил. Про сцену и жизнь, так сказать, светскую, забудь. Пока не поздно, буду делать из тебя человека.

Такие перспективы девушку, естественно, не обрадовали:

— Да кто ты такой? И кто дал тебе право так со мной разговаривать? Ты вообще знаешь, с кем говоришь? Я, между прочим, Паулина Видовская, и разговаривать так с собой какому-то быдлу не позволю! Так что пошло на хер, мурло, и быстренько вези меня домой — у меня концерт завтра!

В ответ на гневную тираду 'мурло' отвесило ей звонкую оплеуху и

ответило хорошо поставленным голосом:

— Я есть лейтенант нашей родной Советской Армии. А ты есть ни кто иная, как шлюха, даже если и зовут тебя все еще Паулина Видовская. Шлюха и биять. Только я это твоё блядство прекращу, натуру блядскую вытравлю по капле, ты у меня ещё будешь человеком.

Адекватно отреагировать на оплеуху не удалось — ужасные слова заслонили ужасный поступок. От возмущения Паулина едва не задохнулась. Несколько секунд хватала раскрытым ртом воздух, однако легкие, кажется, отказывались его принимать, потому что выдохнуть она забыла.

Наконец, приведя дыхание в норму, гневно зашептала:

— Как ты смеешь, гнус? Ты, шивый лейтенантишко, смеешь так разговаривать со мной, Паулиной Видовской?! Да ты, да я...

Опять сбилась с нормального дыхания, подавившись собственным гневом. Собеседник же лишь ухмыльнулся кривовато:

— Я предупреждал, что повторять не люблю. Но тебе, возможно, нелегко будет привыкнуть к факту, что на самом деле ты шлюха и биять, а потому попервости я буду часто тебе это напоминать, пока не поймешь. А насчет гнуса и прочих эпитетов поостерегись: ты задеваешь честь офицера, а это не прощается. Считай, что я тебя предупредил. Итак, выбор за тобой: поедешь со мной или останешься с Марковной? Если ты еще не поняла, я тебе расскажу: без меня ты отсюда не выберешься — вокруг глухой лес да болота, и куковать тебе здесь придется до тех пор, пока все-таки не выберешь меня. Я тебя сюда привез, и только я смогу увезти обратно. Так что?

Паулина молчала. Не то чтобы испугалась, но не нашла, что ответить. И все-таки испугалась. Она никогда раньше не сталкивалась с такой злобой. Зависть — да, с нею она сталкивалась частенько. Завистников у Паулины было много. Да что там — все знакомые девчонки ей завидовали. Именно из зависти и лили на нее столько грязи. Но те от беспомощности. А этому-то чего от нее надо? И оскорбляет еще, сволочь!

Наглая рожа лейтенанта была ей отвратительна. Претила мысль, что она могла провести ночь с этим ублюдком. Куда только глядели ее глаза, когда она позволила ему забраться под ее одеяло?!

Однако еще отвратительней казалась мысль остаться здесь еще на неопределенное время, с ненормальной Марковной. Да и концерт ведь завтра, а без этого мерзавца ей, похоже, действительно отсюда не выбраться.

Задержав на несколько секунд дыхание, Паулина попыталась

успокоиться. Сказала примирительно:

— Небогатый ты мне выбор предлагаешь, — И, словно еще чуточку поразмыслив, продолжила с наигранным сомнением в голосе: — Пожалуй, я могла бы выбрать тебя, если ты прекратишь меня оскорблять. Про честь офицера ты хорошо помнишь, а про мою забываешь.

Николай мерзенько усмехнулся в усы:

— Нет, милая, это ты забыла о своей чести. О какой чести ты говоришь, если с тобой позавчера не переспал только импотент? Впрочем, таковых в той компании не нашлось. И не говори мне, что это первая в твоей жизни групповуха — мне о тебе давно такое рассказывали, да я все верить отказывался: быть того не может, чтобы Паулина Видовская, такая милая девушка, оказалась проблядью.

Теперь он говорил совершенно будничным тоном, вроде не пытался оскорбить Паулину, а просто констатировал факт. Ей стало совсем не по себе. Этот что, тоже завидует ее оглушительному успеху? Так ведь вроде не артист — пусть бы своим коллегам завидовал.

— Так вот, дорогуша, — продолжал тот. — Мне будет очень нелегко все забыть, однако даю тебе слово офицера, что никогда в жизни не напомню о твоём прошлом. Этот разговор в нашей совместной жизни будет единственным, и то лишь для того, чтобы расставить точки над 'i'. Чтобы не было у тебя соблазна без конца укорять меня тем, что ты, такая вся из себя возвышенная скромница-красавица, пошла на невесть какой мезальянс, выйдя за меня замуж. А потому запомни на всю жизнь, что это ты у нас в семье — шлюха и билять в прошлом, а я — доблестный офицер, по благородству души решивший избавить тебя от позора.

У Паулины закружилась голова, кровь прилила к лицу. В висках пульсировала мысль: почему он с таким упорством называет ее шлюхой? За то, что переспал с ней разок, и уже сразу шлюха? Так теперь не те времена, чтоб в девственницах до свадьбы прозябать.

А что значили его слова о групповухе? Что за грязные инсинуации?! Что за намеки о том, что импотентов в их компании не оказалось?

С ужасом вспомнилось: она ведь в той компании была единственной дамой. Ее даже радовало отсутствие соперниц. Неужели?..

Да быть такого не может. Нет, это неправда! Хотя...

Нет, все равно нет! И пусть она ничего не помнит об этой вечеринке, как и обо всех предыдущих, пусть она помнит только то, с кем проснулась наутро — все равно не может быть, чтобы...

Он специально это говорит. Чтобы она, Паулина Видовская, забыла, что она звезда. Он просто зовет ее замуж. Весьма своеобразно, надо

сказать. Для того чтобы она не отказала, мажет ее дерьмом: дескать, выбора у тебя нет, это я тебе еще одолжение делаю.

Сволочь. Ну ладно — захотелось тебе на звезде жениться. Но ты ж человеком будь, а не сволочью!

Хотела выкрикнуть ему все это в лицо, а вместо этого прошептала испуганно:

— Почему ты так говоришь? Какая групповуха? Почему ты все время называешь меня шлюхой?

— А как тебя назвать? Как бы ты сама назвала...ммм, даму, обслуживающую восьмерых мужиков? Даже не удаляющуюся для этого в отдельную комнату, а с видимым удовольствием проделывающую это на глазах истекающих слюнями кобелей. Можно, конечно, найти другие эпитеты, однако вряд ли они будут звучать более нежно, да и суть искажат. Я, например, не могу назвать тебя проституткой: ты не взяла ни копейки ни с меня, ни с остальных. Единственная плата за твои услуги — шампанское, но это такие мелочи, обычный разогрев перед сексом. И хватит об этом. Ты думаешь, мне приятна мысль о том, что моя жена шлюха?

На глаза навернулись слезы. Неужели вся эта грязь — правда?! Нет же, нет! Он просто сволочь, и играет свою сволочную роль до конца. Прекратить кошмар может только одно: ее согласие выйти за этого ублюдка.

Хорошо, пусть так. Если это цена ее свободы — она скажет ему 'да'. А потом... Не обязана же она выходить за него замуж, даже если сказала 'да'?

Однако слезы обиды сдержать не получилось, как ни пыталась.

Николай не преминул воспользоваться ее слабостью.

— О, прости, детка, я, кажется, уже нарушил свое обещание не напоминать тебе о прошлом! — воскликнул с изощренным издевательством в голосе. — Но я обещал тебе не делать этого с завтрашнего дня, а сегодня потерпи чуток, прочувствуй напоследок всю низость твоего падения. Хорошо хоть я пленку засветил — ребята ведь 'нащелкали' море пикантных фоток с твоим участием. Причем старались, чтобы в кадр попали не только твои прелести, но и личико, искаженное экстазом.

Издевательство уступило место злобе. Та в свою очередь досаде:

— Не уверен, что таких фотографий не наделали раньше. А потому вот тебе мое офицерское слово — отныне и навсегда сцена для тебя под запретом: того и гляди, какая-нибудь сволочь надумает шантажировать.

'Сволочь тут одна', - подумала Паулина, однако перебивать Николая не осмелилась. Еще минуту назад была уверена, что всю эту мерзость он придумал только ради того, чтобы вынудить ее выйти за него замуж. А

упоминание о фотографиях напугало не на шутку. Неужели все это правда, и она... И она то, что он о ней говорит? Если так — ей самое место в его женах. Заслужила. Головокружительная карьера, ничего не скажешь!

Но все равно это неправда! Это не может быть правдой!

— Или еще лучше — сугубо ради развлечения пустит эти фотографии в народ, — продолжал собеседник, не замечая ее настроения. — Так что цени мое благородство: не каждый решился бы после этого жениться. Ну все, так и быть, забыли о прошлом. Вернее, считай, что я забыл, а ты помни, кто ты есть на самом деле. Помни, что ты шлюха и тварь, и цени мое мужество и благородство.

— Ааах, — вырвалось из груди.

Самолет провалился в воздушную яму, и Ира почувствовала, как от лица отлила кровь. Должно быть, кожа приобрела зеленовато-оливковый оттенок, модный в этом сезоне. Хорошо, что ее никто не видит, даже собеседница. Та смотрит прямо перед собой, чуть склонив голову в Ирину сторону, чтобы не пропустить ни слова.

Дыхание восстановилось, и Ирина повернулась к ней:

— Ох, простите великодушно, никак не могу привыкнуть. А вы не боитесь?

Соседка посмотрела на нее, уверенно покачала головой:

— Не боюсь. Это всего лишь физика. А самое главное: чему быть — того не миновать.

Она улыбалась так открыто, лицо ее было таким обаятельным, таким знакомым, что Ира не выдержала:

— Смотрю на вас, и пытаюсь припомнить — где я могла вас видеть? Сначала думала — показалось, а теперь просто уверена, что я вас знаю. Напомните, где мы встречались? Я не кажусь вам знакомой?

Та задорно рассмеялась:

— Нет, я вас точно никогда раньше не видела. Да и вы меня вряд ли встречали. А лицо... Что лицо? Оно ведь может быть на кого-нибудь похожим, правда?

— Тоже верно. Значит, обозналась. Оно и лучше. Мне бы не хотелось, чтобы эту историю узнали мои знакомые. Так мы точно не встречались раньше?

— Нет-нет, продолжайте, вы очень интересно рассказываете. Я люблю такие истории. Так что там было дальше?

Новый год Ирина обожала. Ей была свойственна повышенная сентиментальность — расплакаться могла даже при просмотре нейтральной, в общем-то, сцены фильма, не говоря уж о выжимающем слезу финале мелодрамы. При этом на работе умудрялась сохранять стойкость оловянного солдатика — никакие дрызги не могли заставить ее впасть в истерику или просто по-бабски расплакаться.

О склонности к сантиментам знали только самые близкие: семья и Лариска. Когда-то Ира пыталась скрывать эмоции и от них, но на то они и близкие, чтобы видеть то, что скрыто от посторонних глаз.

Новый год был для нее чем-то таким, от чего сжимается сердце и перехватывает горло. Начиная с последних дней ноября, из взрослого рационального человека она невероятным образом превращалась в ребенка, свято верящего в чудеса. В выходные стремилась посмотреть щемящий душу рождественский фильм. Засыпая, до мелочей продумывала новогоднее меню, убранство стола и даже украшение домашнего торта. Это должен быть не просто торт, а непременно новогодний. Значит, обязательно белый. Какой из вариантов белого предпочесть? Обсыпать кокосовой стружкой? Или сахарной пудрой? Или покрыть обыкновенным масляным или белковым кремом? Нет, масляный отпадает — он не чисто белый, желтоватый. Значит, белковый? А на белом поле хорошо бы нарисовать зеленую елочку — выложить кусочками киви, марципанами? А может, в обычный крем добавить зеленого красителя? Или вырезать из бумаги форму елочки, и засыпать трафарет опять же кокосовой стружкой, но крашеной?

А салаты? Какому отдать предпочтение? Оливье — однозначно. Сергей не поймет, если на новогоднем столе не будет его любимого салата. Но Оливье — слишком банально. Как и селедка под шубой. Надо бы что-то праздничное, необычное. Изысканное. Невесту, например. А что — как раз белый, под цвет торта.

К черту Невесту! Ее никто не любит. Лучше банально, но то, что любят все, и что делается раз в году. Пусть будут банальные до невозможности Оливье и Шуба! С селедкой возни не оберешься — именно поэтому любимый салат так редок в их меню. Ира терпеть не могла, когда в Шубе попадались косточки — вроде не салат ешь, а дешевую кильку обгладываешь. Поэтому ела только Шубу собственного приготовления, предварительно убив море времени на разделку селедки. Зато результат радовал и глаз, и желудок: Шуба у Иры получалась воздушная и безумно вкусная.

Решено. Пусть будет Шуба. Ну и Оливье — куда без него. А к ним отдельно нажарить грибочков — кто так хочет, кто с картошечкой. И еще чего-нибудь вкусенького. Но не так много, как в прошлом году. Куча продуктов пропала. А главное — организму не полезно такое изобилие. Вся эта вкуснотища имеет отвратительную привычку откладываться на бедрах и талии некрасивым напоминанием о пиршестве.

Но праздничное меню — такая мелочь по сравнению с главной дилеммой. Сергей — вот закавыка. Что делать с ним?

Уже третий год корпоративные вечеринки были открыты не только для сотрудников, но и их 'половинок'. Вроде не так и много. Но учитывая, что таких мероприятий проводилось не менее трех в год — 1 марта праздновали День Мужчин, совмещенный с Женским Днем, 3 сентября день рождения треста, и, конечно же, Новый год — Ире предстояло уже в восьмой или девятый раз обмануть мужа.

Или не обманывать — идти вдвоем?

Хорошо бы вдвоем. То-то Лариска бы в лужу села. Пора, давно пора поставить ее на место! Ничего не понимает человек. Или просто не хочет понимать? Сколько раз говорить: у них с Русаковым все замечательно!

Все верно, нужно идти с ним. Плевать, что у него пальцы потемнели от железок. В конце концов, она может сделать ему маникюр. В салон к маникюрше она его, конечно, не поведет — позорище, мужик и маникюр?! Но сама? Почему бы и нет. Вообще как это глупо — стесняться собственного мужа. Он ведь свой, родной. И какая разница, что кто-то о нем может подумать. Или не о нем, а о ней — тоже без разницы. Главное, что они сами о себе думают. А насколько муж-работяга подходит жене-начальнице — пусть подчиненные судачат, если им больше поговорить не о чем. Плевать на всех. Почему она, дура, столько лет изводила себя этими глупостями?

Решено. Они идут вместе.

А если кто-нибудь сболтнет, что брать с собой 'половинок' разрешили еще три года назад? Как объяснить Сергею, почему она только теперь решила представить его своим сотрудникам? Может, он и понял бы причину. Но Ира никогда не осмелится ее озвучить. Никогда. Он почувствует себя оскорбленным. Разве может жена стесняться мужа?

Нельзя допустить, чтобы он узнал о ее маленьком обмане. Даже маленький обман ведет к большим обидам. Но как обезопасить себя? Как гарантировать, чтобы никто в присутствии Русакова не сболтнул лишнего? Не отпускать от себя ни на шаг? Допустим. А если какой-нибудь идиот

надумает произнести тост во всеуслышание: 'Спасибо дорогому руководству, что уже три года позволяет мне привести с собой жену'. И тогда...

Нет. Не может Ира так рисковать. Хотелось бы заткнуть рот Трегубович, но безопаснее терпеть ее подколки. Приятного, конечно, мало. Зато Сергею так будет спокойнее.

Новый год праздновали двадцать восьмого декабря. Генеральный директор прекрасно понимал, что ни двадцать девятого, ни тем более тридцатого собрать коллектив разом не удастся: среди сотрудников было немало женщин, а им сложно вырваться из дому накануне праздника: каждая уважающая себя женщина в эти дни занята столом, хозяйством, собственной внешностью.

Двадцать восьмое декабря подходило для вечеринки как нельзя лучше: настроение уже праздничное, хлопотать же по хозяйству еще рановато. А потому ни одна сотрудница не будет чувствовать себя преступницей, отрывая от дома, от семьи драгоценный предпраздничный вечер.

Как обычно, отмечали в ресторане 'Домашняя кухня'. Название неказистое, даже нелепое для ресторана. Да и особенно модным заведение не было. Зато расположено удобно: пусть не самый центр города, зато неподалеку от главного офиса и метро. Впрочем, метро особой роли не играло — после веселья сотрудников развозил по домам специально нанятый автобус.

Особым уютом заведение тоже не отличалось, зато — неоспоримое достоинство — кухня была действительно почти домашняя, за что генеральный и привязался нежно к этому ресторанчику. А уют... Что уют? Неужели тяжело создать уют для новогоднего праздника? Украсили зал еловыми ветками, гирляндами, шарами, серпантином — вот тебе и уют. В углу рядом с эстрадой установили большую елку, украсили по всем правилам. Главное — что посторонних в этот вечер в ресторан не пропускали: зал был выкуплен полностью.

Сомнения остались в прошлом. Ира пришла одна — это единственный выход из ситуации, в которую она сама себя загнала. Тогда стоит ли казнить себя за отсутствие выбора? В конце концов, ничего страшного не происходит. Сегодня она отпразднует в обществе сотрудников, а 31 декабря вместе с семьей. Сегодня — всего лишь сабантуйчик 'по поводу'. А дома у них будет самый настоящий Новый год. С Оливье и Шубой. А главное — с любимыми мужем, дочерью и старенькой мамой.

Скинув шубку в гардеробе, она подошла к зеркалу. Оттуда на нее

смотрела молодая, очень привлекательная дама. Каким чудом парикмахерше удалось уложить короткую стрижку в нечто невообразимокрылатое — тайна за семью печатями. Однако результат радовал не только оригинальностью, но и красотой. Ну а лицо... Что лицо? Все как всегда, только макияж чуть смелее, чем в будни. И, конечно же, спасибо пластическим хирургам — ни один крем не даст такого эффекта: в сорок один выглядеть на неполных тридцать. Жаль, что не навсегда. Но об этом пока еще рано печалиться.

Ах, если бы можно было еще и руки омолодить!

Зато платье ей очень идет. Не короткое, не открытое, а так подчеркивает все ее плюсы, что наверняка не одна женщина посмотрит сегодня в Ирину сторону с завистью. И мужчины наверняка будут смотреть. Только завидовать им будет не кому — Ира пришла без спутника.

Сегодняшний вечер для Ларочки был очень важен. В предвкушении удовольствия настроение уже скакнуло на десяток ступеней вверх. И было от чего: на премию она приобрела весьма недурственный костюмчик чудесного золотистого цвета, который так замечательно подходил к ее волосам.

Правда, на новые туфли денег уже не хватило, пришлось довольствоваться старыми, не слишком нарядными. Да и сумочка-косметичка подмышкой тоже не блистала новизной. Зато в ней хватило места для новенького фотоаппарата, о котором Ларочка давно мечтала. По сравнению с костюмом и фотоаппаратом туфли и сумочка казались такой мелочью, что не стоило огорчаться.

Столы были сдвинуты буквой 'П', дабы все всех видели и все со всеми общались. В прошлый раз рассадили людей за отдельные столики, в итоге общего праздника не получилось: с кем за столик попал — с тем и кучкуйся целый вечер. Скука смертная. Решили больше не экспериментировать и расставили столы, как обычно: может, не слишком модно, не по-европейски, зато все довольны.

Первые минуты за столом царила неловкая тишина. Вернее, тишина была весьма условной: со всех сторон неслись едва слышные просьбы подбросить салатика или наколоть колбаски. Но тихонько, чтоб никто ничего дурного не подумал. Кто-то чуть смелее, чуть громче других заявлял:

— Нет, нет, шампанское пусть пьют девочки. Лично я предпочитаю водку.

Другой, преодолевая неловкость, спрашивал у ближайших соседей:

— У вас нет лишней вилки? А у вас? На обмен могу предложить рюмку.

Разобравшись, наконец, с приборами, напитками и закусками, дружно замолчали и уставились на генерального в ожидании тоста.

Шеф, Владимир Васильевич Шолик, традиционно занимающий центральное место за начальническим столом — перекладной буквы 'П' — тяжело поднялся, придерживая брюшко рукой, чтоб ненароком не зацепить тарелку. Оглядел сотрудников с видом хана, взиравшего на свое войско. Положил руку на плечо сидящей рядом супруги, демонстрируя, кто в доме, да и вообще в тресте, хозяин, и, наконец, произнес торжественную речь:

— Друзья мои! Уж не упомню, в который раз мы все вместе собрались в этом зале, а значит, еще один год остался в прошлом. Все мы немножечко, самую малость, постарели, что, впрочем, совершенно не отразилось на лицах наших прекрасных женщин. Все мы немножечко стали опытнее. Некоторые даже мудрее. В общем и целом год для треста был весьма недурным, поработали мы с вами на славу. Так что сегодня, в канун Нового года, имеем полное право расслабиться. Новый год каждый из нас будет встречать дома, в кругу семьи, может быть, в кругу друзей. А сегодня мы будем веселиться с теми, с кем целый год работали рука об руку, делая одно общее дело. Дамы и господа! Прошу отнестись к сегодняшнему празднику с полной ответственностью, дабы не было желания наверстать упущенное в течение следующего года. Сегодня объявляю раздолье и вседозволенность для всех, после праздников же стану вновь сердитым и требовательным начальником. С Новым годом, дорогие мои, с Новым счастьем!

Народ радостно подхватил, протягивая навстречу друг другу рюмки и фужеры:

— С Новым годом!

Звучавший еще минуту назад звон бокалов, разбавленный человеческим гомоном, сменился звяканьем вилок. Закусывали тщательно: убранство стола способствовало обострению аппетита. Шолик, как обычно, не поскупился: столы были щедро уставлены закусками. Тут и красная рыбка, и яйца, фаршированные красной же икоркой. Удерживая ощеренной беззубой пастью веточку петрушки, истекала соком стерлядка под нежным сливочным соусом. Салаты, заливной язык, ветчина, балыки, сыры, паштеты...

Вскоре кто-то самый отчаянный заявил в полголоса:

— Наливай!

Негромкий призыв был услышан и охотно подхвачен. Уже через двадцать минут чувствовалось то радостное оживление, когда народ уже не трезвый, но еще и далеко не пьяный. А значит, впереди ждет много интересного.

Черкасов сидел под углом к Ирине — субординация в тресте соблюдалась даже за праздничным столом.

Не замечать его внимание становилось все сложнее. Даже на работе трудно было укрыться от его пристальных взглядов. Здесь же, когда они оказались почти напротив, делать вид, будто его не существует, не было никакой возможности.

Сначала он хоть как-то придерживался приличий. Но с каждой минутой Черкасов смотрел на Ирину все пристальнее. Под его взглядом она едва не подавилась оливкой, из-за чего почувствовала себя совсем неловко.

Он был ей неприятен. Однако, несмотря на очевидную антипатию, Ира не могла не восхищаться его красотой. Вылизан до лоска. Надушен, как баба. Отвратительно! Но при этом чертовски привлекателен. Настолько, что трудно не смотреть в его сторону.

На работе проще — отвернулась, и вроде нет никакого Черкасова. И взглядов его прилипчивых нет. Здесь же куда ни посмотри — глаз сам собою на нем останавливается. Проклятье!

Она же терпеть его не может!

Но не смотреть на него никак не получается.

А он, кажется, не такой уж и противный. И не прилизанный вовсе. Если мужчина ухожен — разве это плохо? Или это все ей просто кажется под воздействием шампанского, а на самом деле Черкасов отвратительный тип, помешанный на собственной внешности? Может быть, завтра ей будет проще в этом разобраться. А сегодня... Сегодня он чертовски красив, этот Черкасов. Чертовски!

А праздник шумит, гремит музыкой и петардами, искрится бенгальскими огнями. И вот уже все вместе, почти полным составом, они лихо отплясывают что-то зажигательное. И струится по Ириным ногам невесомый шифон, подчеркивая мальчишескую узость бедер. И в сумасшедшем ритме движений сползает ткань, обнажая ее смуглое, атласное плечико. Лишь в последний момент она успевает придержать ее и вернуть на место.

Но все-таки самую малость, на какое-то мгновение, обнажилось то, что должно быть скрыто от чужих глаз. И тот, кто с такой жадностью и завидным терпением ловил этот момент, увидел чуть-чуть больше, чем было дозволено посторонним.

Лихая музыка закончилась как-то резко, вдруг, сменившись плавным течением меланхолического танго. Ира и опомниться не успела, как ее подхватили чьи-то уверенные, сильные руки и настойчиво повели вглубь зала под не слишком стройную музыку сборного оркестра профессиональных халтурщиков.

Чьи-то? Конечно, это были руки Вадима. Несмотря на стойкую к нему неприязнь, Ирина вынуждена была признать, что партнер он замечательный и танцевать с ним доставляет ей не только эстетическое, но и в некотором роде физическое удовольствие.

Она давно не танцевала. Даже и припомнить не могла, где и когда делала это в последний раз. Наверное, год назад, на такой же новогодней вечеринке. Но тогда она танцевала не с Вадимом. И, видимо, не так мастерски вел ее давешний партнер, коль она и не припомнит, с кем танцевала.

Этот же танец забыть будет трудно... А может, она все усложняет, а на самом деле ничего такого и нет, просто шампанское ударило в голову на голодный желудок?

Танцы сменялись застольем, застолье — танцами. И всегда рядом с Ириной оказывался Черкасов. Она уже забыла, что он ей глубоко антипатичен. Напротив, сейчас, под воздействием шампанского и праздничного настроения, он казался ей вполне приятным мальчиком.

Да-да, периодически одергивала сама себя. Именно мальчиком: ведь разница в возрасте шестнадцать лет, и с этим нельзя не считаться.

Но не замуж же она за него собралась, верно? А для танцев разница в возрасте не страшна.

Шампанское текло рекой, холодные закуски сменялись горячими. Однако, несмотря на то, что пообедать сегодня не удалось, Ира почти не ела. Впрочем, ничего особенного это не означало: выпив, Ирина обычно все внимание уделяла общению, и как-то само собою выходило, что на закусывание элементарно не хватало времени.

Пришел тот момент, когда организм просемафорил: неправильно ты себя ведешь, дорогая, обо мне ведь надо заботиться, а то накажу серьезно, по-взрослому. Это было лишь предостережение: горячая волна поднялась к самому горлу, стало неимоверно душно, воздуха катастрофически не

хватало. Внимательный поклонник уловил перемены в ее лице, подхватил под руку и повел в направлении небольшого круглого балкончика, к спасительному свежему воздуху. Ирина и не думала сопротивляться.

Балкончик, хоть и маленький, но выглядел весьма живописно: несколько чугунных витых колонн, расцветающих вверху раскидистыми ветвями. Будто и не балкончик это вовсе, а приватная беседка, укрывающая влюбленных где-нибудь в парке.

Глотнув морозного воздуха, Ира взглянула на Черкасова с благодарностью: спасибо, малыш, все правильно сообразил, именно это ей сейчас и было нужно. Вот только холодно, а она в открытом платье, защищенная от мороза лишь нежным шифоновым флером. Но разве ж это защита?

Она лишь подумала об этом, не произнеся ни слова. Но Вадим то ли прочел это в ее глазах, то ли сам догадался — снял пиджак, накинул на плечи замерзшей дамы, и стянул лацканы, укутывая ее от декабрьского морозца. Так и застыли, будто ледяная композиция: почти вплотную друг к другу, его руки придерживают пиджак практически на ее груди, не переходя при этом граней дозволенного.

И — глаза в глаза. Никаких слов, никаких мыслей. Только глаза в глаза, почти впритык. Почти поцелуй, но еще не он. Оба хотят, но оба понимают, что нет, нельзя: любое дальнейшее движение — шаг за грань дозволенного. Потому и замерли в нелепой позе, не в силах оторваться друг от друга.

Долго стояли, не слыша музыки в зале, не замечая праздничных фейерверков за стеклом, бликов фотовспышек. Близко, рядышком, едва удерживаясь на грани, и чуть не теряя сознания от предчувствия запретного поцелуя.

Она сто лет не целовалась. Вернее, двадцать. Почти двадцать. А это фактически то же, что сто.

Поцелуй родного, как часть самой себя, Сергея уже давно перестали ввергать в пучину страсти, а потому не в счет. Оказывается, поцелуй любимого человека могут стать обыденностью. Могут...

Ира наслаждалась давно забытым чувством, когда что-то поднимается из самых низких глубин организма и застывает комком в горле. Когда горячая волна, не стынувшая на морозе, распирает грудь, затрудняя дыхание.

Наслаждалась, прекрасно понимая, что продолжения не будет — продолжение невозможно. Даже невинный поцелуй она никогда не сможет себе позволить. Только ожидание. Только ощущение чего-то запретного, не больше.

В эту минуту она не удивлялась, почему так приятно стоять здесь, в чугунном зимнем саду, рядом с этим мальчишкой, который моложе ее, страшно сказать, на невероятных шестнадцать лет, на целую вечность. С тем, кто был противен до омерзения еще несколько часов назад...

А совсем рядом, за стеклом, стояла Ларочка Трегубович. Стояла долго, не отводя глаз от парочки в беседке. Хищно улыбалась каким-то одной ей ведомым мыслям.

— Я будто сошла с ума. Или это была не я? Не помню... Нет, я не была пьяна. Списывать все на алкоголь слишком банально. Не знаю, что это было. Что-то легкое, мимолетное. Знаю одно — я ни за что не допустила бы продолжения. Просто на короткое мгновение я превратилась в девочку, стоящую на пороге первого в своей жизни любовного переживания.

Собеседница тактично молчала. Ира была благодарна ей за это.

Николай Черкасов, бравый лейтенант, слова своего не сдержал.

Не мог он забыть о том, что видел собственными глазами, в чем лично принимал участие. А потому денно и ночью рассказывал супруге, кто она есть на самом деле.

То, что жена его ни кто иная, как шлюха, унижало его достоинство. Ее — офицерскую жену! — имели все, кому не лень, и имели так, как подсказывала каждому его извращенная фантазия.

С другой стороны, память предательски часто возвращалась к дикой той оргии, когда к нескончаемому своему ужасу имел возможность воочию убедиться в том, что все пошлые рассказы про любимую певицу — истина.

Та ночь шокировала его. Нет, не шокировала. Изменила. До этого Николай был, может, и несколько чопорным, но романтиком. Та ночь превратила его в неисправимого циника.

Паулина Видовская была его кумиром, маленькой недоступной звездочкой, сияющей ярким чистым светом из заоблачного своего далёка. Когда до него стали доходить нехорошие сплетни о ней — он отказывался верить. Быть не может, чтобы Паулина, безупречная в своей юности красавица, на деле оказалась ничтожеством, не стоящим и копейки.

Однако правда жизни оказалась слишком жестокой: грязные сплетни базировались на железобетонном фундаменте. Николай лично убедился в

этом. Он не только видел все — он принимал участие в одной из оргий Паулины.

Это стало самой отвратительной его ночью. И в то же время самой восхитительной — как бы ни было стыдно ему в этом признаться. Восхитительной настолько, что, невзирая на грязь и мерзость, он понял: без этой безупречной красавицы, без юной чистоты — как ему когда-то казалось — существование его теперь будет лишено смысла. Бесспорная шлюха, Паулина показала ему жизнь с какой-то новой стороны. Со стороны отвратительной, но имеющей ни с чем не сравнимую сладость. Тошнотворную, смрадную сладость. Кто бы мог подумать, что грязь может быть привлекательной? Кто бы мог подумать, что высшее удовольствие может таиться в самых низменных страстях?

Он до конца жизни не забудет ощущение смертельной ревности и вместе с тем безудержного восторга, когда его звездочка 'блистала' в компании восьмерых охочих до дармовых женских ласк мужиков. Не забудет нетерпения, с которым ожидал своей очереди. Не забудет эйфории вседозволенности, когда впервые почувствовал себя властелином далекой и, казалось бы, недоступной звезды.

Не забудет. Больше того — он никогда не откажется от этой вседозволенности, от власти над нею. Единственное, что он изменит раз и навсегда — это коллективизм. Звезда, пусть уже не такая далекая, пусть слишком доступная и уж совсем не чистая, будет принадлежать ему безраздельно. Ему одному. Ему, Николаю Черкасову.

Он добился цели. Он женился на ней. Он стал ее полновластным хозяином. Хозяином звезды и шлюхи.

Но победа оказалась пирровой: с ним, законным мужем, Паулина была холодна, будто ледышка. И то наслаждение, то запретное удовольствие, что Николай испытал в том 'гареме наоборот', в роли мужа оказалось ему недоступным.

От сцены Паулине пришлось отказаться.

Николай в ее жизни случился как нельзя кстати. Едва он забрал ее к себе, как всплыли фотографии.

Все оказалось правдой. Паулина не помнила, когда они были сделаны, но видела их собственными глазами. Ни малейшего сомнения — это она, ее лицо. И фигура ее. Но когда? Где? С кем?!

Это оказалось правдой. Но это не могло быть правдой! Не могло! Она бы ни за что не опустилась до такого. Да, она плохо помнила свои приключения. Вернее, вообще не помнила. Да, просыпалась в постели с

незнакомцами. Так ведь сексуальная революция на дворе — что в этом зазорного? Но коллективный секс? Извращения? Нет. Быть такого не может. Это чьи-то недобрые козни. Злой розыгрыш. Мастерский фотомонтаж, из-за которого она сама себе перестала верить.

Но фотографии были. И видела их не только она.

Слухи поползли сначала по Москве. Затем, как водится, дошли до самых до окраин. Теперь быть Паулиной Видовской стало стыдно — не объяснишь ведь каждому, что это фотомонтаж, что на самом деле она всего лишь просыпалась с разными мужчинами, а непотребствами вовсе не занималась.

Пришлось сменить длинные светлые волосы, визитную карточку Видовской, на мальчишескую стрижку цвета 'спелой меди'. Нельзя сказать, что новая прическа ее изуродовала — истинную красоту не испортишь такой малостью. Паулина осталась прехорошенькой, однако на себя прежнюю походила очень мало.

Сменить довелось не только фамилию и прическу. Буквально через два дня после кое-как, наспех организованной свадьбы Николай Черкасов вместе с новоиспеченной супругой отбыл к месту службы в Иркутск.

Переезд, пожалуй, бесил ее больше всего. Ладно, какая-то сволочь опозорила ее имя, подделав неприличные фотографии. Ладно, из-за этого пришлось пожертвовать свободой и отдать себя мурлу-солдафону. Мурло само по себе нестрашно: подумаешь, не убудет же от нее. Всего-то потерпеть чужого мужика рядом — эка трагедия. И не с такими просыпалась. Как показала практика, просыпаться с кем попало значительно легче, чем засыпать. Тем не менее, от мурла она сможет избавиться, едва скандал, связанный с ее именем, хоть немного уляжется.

Но менять Москву на Тмутаракань?!

Однако ее мнения теперь никто не спрашивал. Она как будто перестала что-то значить в этом мире.

Что ж, пусть. Но это временно. Судьба распорядилась так, что Паулина вынуждена прятаться под крылышком ненавистного Николая от разразившейся вокруг нее бури. Но любая буря рано или поздно переходит в штиль. Улягутся сплетни, злые языки перестанут трепать ее имя, вот тогда она и вернется. Правда, фамилию Видовская ей уже не носить — жаль, она так к ней привыкла.

В следующий раз она будет покорять Москву под именем Паулины Черкасовой. Никто даже не догадается, что она — та самая Паулина. Внешне на себя прежнюю она теперь совсем не похожа.

Разве что имя могло ее выдать. Имя действительно редкое, по нему ее

очень даже могут узнать. Но отказаться от него она никак не сможет. Как ни крути, а это ее визитная карточка, самый верный талисман. Паулина ни разу в жизни не встречала тезку, никогда ей не доводилось оглядываться, когда ее именем окликнули бы кого-нибудь другого. Нет, решительно, изменить своему имени она не сможет.

Николая она ненавидела. Да и мало какая женщина смогла бы любить свидетеля своего позора, постоянно тычущего ее в тот позор носом. Редко случался день, когда Черкасов не напоминал ей о скандале, который ей хотелось скорей забыть.

Днем еще хоть как-то сдерживался, хотя все равно тут и там проскакивали его излюбленные словечки 'шлюха' да 'блядь' — последнее он неизменно произносил нарастяжку — 'биять' — будто получал от этого странное удовольствие.

Ночью становилось еще хуже, хотя, казалось бы, хуже быть не может. Паулина не понимала, чего он от нее хочет. Секса? Так на тебе секс, на! Она же не возражает. Не сказать, что горит желанием, но ведь и не отказывает.

Однако того, что она предлагала, ему было мало. Николай хотел чего-то особенного. Паулина и в этом не отказывала. Предоставляла ему свое тело в пользование: бери, делай, что нужно! А он злился, с особой интонацией выговаривая излюбленное:

— Биять! Не можешь без зрителей? Не можешь с одним? Тебе роту кобелей надо? Шлюха! Может, мне солдат привести? Они бабы сто лет не нюхали — то-то тебе радость будет!

Эти намеки на то, что скандал вокруг ее имени очень даже оправдан, начались сразу, еще до свадьбы. С первой минуты знакомства он со странным удовольствием говорил о том, что Паулина — якобы! — участвовала в коллективном сеансе любви.

То, что она не воспринимала это правдой — само собой. Не о том речь. Складывалось впечатление, что эти разговоры странным образом возбуждали Черкасова. Он вроде бы ненавидел ее за это, и в то же время это, похоже, было его излюбленной мечтой. Именно мечтой, поскольку воспоминанием быть не могло. Так мечтай себе в тряпочку! Давно известно: хотеть не вредно, вредно не хотеть. Зачем же ее изводить этими разговорами?!

Но и это Паулина могла бы терпеть. Пусть ни разговоры эти, ни сам Николай не приносили ей никакого удовольствия, но быть может со временем и она нашла бы в этих его мечтах изюминку.

Самым худшим кошмаром стала беременность. Не неприятные ощущения, с нею связанные, хотя и их хватало. Беременность эта

переводила ее личные планы на звездное будущее из категории 'непременно и срочно' в категорию 'попытаться как можно скорее'.

Но было и кое-что похуже. Беременность наступила подозрительно скоро. Настолько подозрительно, настолько скоро, что Паулина боялась признаться Николаю, что тот скоро станет отцом.

По всему выходило, что забеременела она или в ночь знакомства с ним, или в ближайšie после этого несколько дней: ни раньше, ни позже этого произойти не могло.

Казалось бы — какая разница? Но разница была. Пусть не для Паулины, но для Николая разница была огромна.

Два дня она провела на хуторе. Но не от Марковны же она забеременела! Потом Черкасов забрал ее в Москву. Несколько дней перед свадьбой Паулина наказывала его за то, что не оставил ей выхода, лишил свободы выбора и передвижения. Вот и выходило, что с вероятностью 98 % беременность Паулина 'подхватила' в ту ночь, о которой не помнила ничего.

Если так — кто отец ее ребенка? Черкасов? Вполне может быть. Уж с ним-то она той ночью определенно спала. По крайней мере, проснулась именно с ним.

Но если то, что он говорит, правда хотя бы наполовину, отцом мог быть кто-то другой. Кто? Она не помнила даже приблизительно, кто в тот вечер присутствовал на импровизированном рауте. Помнила лишь, что женщина среди приглашенных была одна — Паулина.

Сама она была склонна к мысли, что ее 'подвиги' — чистой воды выдумка нездорового психически Черкасова. Его идея фикс. Недаром он ни о чем другом говорить не может. Сразу видно — больной. Она — нормальная советская девушка, с радостью подхватившая идею о свободной любви. Она — нормальная. Он — идиот.

Но этот идиот рассказывал очень правдоподобно. Кто, как, во сколько подходов... Нет! Не может это быть правдой! Свобода свободой, но не до такой же степени. На это способна только полная извращенка!

Ну да, а она извращенка худая.

Если вся эта грязь — плод больного воображения Николая, откуда взялись слухи и фотографии?

Он же их и организовал — это единственный вариант. Вполне логично: влюбился в Паулину Видовскую — а кто в нее не влюблялся? Прекрасно понимал, что шансы его равны нулю. Вот и придумал беспроигрышный сценарий. По стране ведь гуляло море ее фотографий: где бы она ни появлялась, ее всюду фотографировали. То саму, то с какими-то людьми. Проще простого вырезать ее лицо с этих снимков, и прилепить к

откровенной похабщине. А потом под эту лавочку рассказать ей душераздирающую историю о том, как ее коллективно насильовали всем миром.

Гад! Мурло солдафонское!

Что ж. По крайней мере, Паулина точно знает, что отец ее ребенка именно Черкасов. Вот и пусть воспитывает, кретин. А она подождет, пока буря, организованная им, уляжется, и приступит к повторному покорению олимпа. Если это удалось ей один раз — почему не получится во второй?

Жена Николаю была необходима — он прекрасно это понимал. Не потому необходима, что офицеру кто-то должен гладить рубашки и пришивать к кителю новые погоны. С этим, в принципе, он и сам мог бы справиться. А еще вернее — любая дура в благодарность за его фамилию справилась бы и с утюгом, и с иглками, и с кастрюлями-сковородками.

Паулина была ему необходима для чего-то, чему он сам не мог придумать названия.

С одной стороны, он ее презирал и ненавидел: она компрометировала собою его офицерскую честь. Если кто-нибудь узнает в ней скандальную певичку — ему останется только застрелиться.

С другой — опять же ненавидел. За то, что жить без нее теперь сможет вряд ли. За свою от нее зависимость. За то, что раз от разу не оправдывала его надежд на животный секс, которым одарила лишь раз, той мерзкой, но такой восхитительной, даже волшебной ночью. За то, что брюхо отрастила неизвестно от кого — уж он-то знает, что кандидатов на отцовство кроме него было еще семь штук.

Ненавидел. Так ненавидел, что порою не мог сдержать ненависть, и хлестал по щекам беременную бабу. Хлестал, и плакал. И еще сильнее хлестал, если не удавалось спрятать от нее слезы.

Он ее любил. И за это ненавидел. Или не так — Николай не мог понять, что чувствует. В один момент он готов был мыть ее ноги собственным языком, а в другой — наказывать за унижительный порыв. А еще лучше не бить, а любить физически, мучить, истязать до обморока в надежде, что в ней проснется та, которая одарила однажды немислимым удовольствием.

Сначала Паулина что-то там дергалась в борьбе за лидерство. Он быстро показал ей, кто в доме хозяин. Она оказалась хорошей ученицей — усвоила науку очень скоро. Изредка еще несмело пыталась хоть немножко облегчить собственную долю, но лишь раззадоривала этим Николая.

Бранные слова были практически единственными, которые он

произносил в ее адрес. Паулина сгибалась под их тяжестью, а он еще сильнее любил ее такую, униженную. Или ненавидел. Нет, все-таки любил. Жить без нее не смог бы. И за это ненавидел люто. Ползать перед нею готов был, вымаливая любовь. Но она не смела сопротивляться — значит, не о чем было молить. И за это он ее тоже наказывал, как и за многое другое.

Она вынула из него душу. Вынуть вынула, а вернуть на место забыла. Она сама виновата.

Родился мальчик. Не сын — просто мальчик. Это чудовище с голубыми глазами он никогда не сможет назвать сыном: сам-то Николай, записанный в метрике отцом — ярковыраженный брюнет с почти черными глазами.

И в этом тоже была виновата Паулина. То, что она будет всю жизнь отвечать перед мужем за эту вину, сомнения не вызывает. У Николая с нею свои счеты. Он ее накажет, он же и простит. А через три минуты снова будет наказывать — его жена, что хочет, то и делает.

А мальчишка — другое дело. Он прощения не достоин. Он ничего для этого не сделал. И пусть к полутора годам ничто не напоминало о блондинисто-голубоглазом прошлом ребенка — отношение к нему Черкасова уже не могло измениться. И пусть нечастые в их доме гости восхищались необыкновенным сходством отца и сына — Николай с плохо скрытой ненавистью бросал горящий взгляд в сторону мальчишки, и тут же улыбался гостям: а на кого же еще тот должен быть похож?

С течением времени Николай научился более-менее сдерживать гнев и ненависть в присутствии ребенка. Но научиться любить его так и не сумел. А потому отношения его с маленьким Вадиком были прохладными, если не сказать отчужденными. Едва сдерживая в груди ненависть к чужому (?) семени, Николай был чересчур строг с ребенком.

Может, и помягчел бы, если б Паулина вслед подкидышу родила еще одного малыша, пусть хотя бы девочку, но заведомо Черкасову. Однако, несмотря на еженощные труды мужа, забеременеть та больше не смогла. И сомнения в отцовстве засели в голове Черкасова-старшего навсегда.

Паулина тоже не горела любовью к сыну. Едва поняла, что беременна — возненавидела. Из-за него ей придется отложить второе покорение олимпа. Из-за него количество выливаемой на нее грязи возросло тысячекратно. Из-за него Черкасов потерял остатки разума. Побои и унижение стали для Паулины нормой.

Побои терпеть было легче: Николай никогда не бил в полную силу.

Скорее, обозначал удары, чтоб жена не расслаблялась. Больше мучил, чем бил. Ночью, когда сын засыпал, начинались истязания любовью.

Она чувствовала — Черкасов ее любит. Но любит странной любовью. Обзывая матерно, получает моральный кайф. Насилюя извращенно — получает кайф телесный. Секс с ним не доставлял ей ни малейшего удовольствия — будто не мужик рядом, а взбесившаяся секс-машина. Однако возразить, отказать ему в близости она не смела. В его присутствии будто переставала ощущать себя человеком. Если он видит в ней животное — значит, так и есть.

Ненавидела себя за это, но ничего не могла с собой поделать. Духу не хватало что-то изменить в их отношениях. Не хватало смелости на побег. Сломал ее Черкасов. Не было больше Паулины Видовской. Ее место заняла несчастная, неуверенная в себе женщина. Мысли о возвращении на эстраду плавно растворились в воздухе.

Сын же, которого раньше не любила, постепенно стал единственной отдушиной. Только с ним Паулина чувствовала себя настоящей женщиной.

Напряженные отношения с отцом не могли не оставить следа в характере Вадика. При нем мальчишка был тихим и незаметным, чтобы не нарваться лишний раз на 'комплимент'. По той же причине хорошо учился в школе — не из особой любви к наукам, а сугубо из животного страха перед тяжелой отцовой рукой.

Зато мать Вадик обожал. Даже боготворил.

Она всегда была рядом. В детский сад он не ходил — какие садики в гарнизоне? С друзьями тоже не особенно складывалось — те все, как один, хвастались папами, какие они у них сильные, хорошие, у кого из них на погонах звезд больше. Маленькому же Вадика было не то что неинтересно говорить о своем отце — ему было страшно даже представлять его мысленно. А потому он чаще сидел дома, или прогуливался с мамой за ручку по гарнизону.

Мама была хорошая и добрая. Много рассказывала Вадиму про красивый город Москву, в который они непременно когда-нибудь поедут и останутся там навсегда. В разговорах они, будто сговорившись, никогда не упоминали об отце: видимо, маме разговоры о нем были столь же неприятны, как и маленькому Вадиму.

Мама учила Вадима культуре. Как правильно говорить, как вести себя за столом, как относиться к девочкам. Мама всегда одевала его, как игрушку: даже в непростые советские времена умела находить для сына красивые модные вещи. А чего не удавалось купить, мастерила сама. Ее

сын всегда выглядел самым ухоженным ребенком в гарнизоне.

Постепенно мальчик привык к всеобщему вниманию: с самого детства все соседки и немногочисленные мамы приятельницы восхищались его красотой: ой, какой хорошенький! ему бы девочкой родиться! В школе девчонки, хоть и маленькие совсем, разглядели его необычную внешность, и по-детски бесхитростно проявляли влюбленность, угощая Вадика кто яблоком, кто конфетой.

Несмотря на это, не было у Вадика ни друзей, ни подруг — одни сплошные одноклассники да соседи. Частые переезды из одного гарнизона в другой не способствовали приобретению друзей. Зато мама всегда была рядом.

Мама тщательно следила за своей внешностью. Вид полуобнаженной, обмазанной чуть не до пояса то давленной клубникой, то сметаной мамы его несколько не смущал и не шокировал. Ее нагота была для него естественным и невинным зрелищем.

Он привык восхищаться маминым телом: до чего же она красива! Даже намазанная всякой дрянью — все равно красива.

А та будто специально красовалась перед ним — вертелась то одним боком, то другим. Потом вдруг начинала баловаться и мазать той же дрянью щечки Вадима:

— Привыкай, сыночка. Красота — она быстро проходит. Береги ее, и все бабы твои будут!

'Сыночке' уже исполнилось десять. А мама так любила его целовать-лобызать, будто ему два года. Часто мазала его щеки своими. Называла это 'делить маску на двоих'. Порою так увлекалась, что не только щеками начинала его мазать, но и грудью своей обнаженной да по мальчишечьей голой груди...

Странное чувство охватывало маленького Вадика. С одной стороны, ему неприятны были мамы забавы, и он уворачивался от нее, как мог. С другой — по желудку его растекалось нечто тошнотворно-приторное, малоприятное само по себе, но отчего-то сердце мальчишки словно замирало и падало куда-то вниз, в пропасть, и сладко-сладко кружилась голова и еще что-то непознанное пьянило, окрыляло его.

— А потом был Новый год...

Ирина вздохнула так, что спутница поняла: вот и добралась страдальца до самого тяжелого воспоминания.

А потом был Новый год.

Как обычно, собрались дома у Русаковых. Никого чужих, только сами Русаковы, любимая теща и бабушка, да Лара Трегубович — куда уж от нее денешься.

В углу просторной гостиной сверкала высокая, под потолок, елка. В лучах гирлянды радостно плескались дождики, отсвечивая разноцветными бликами. Стол ломился от праздничных яств: Ирина, как всегда, не удержалась, и наготовила столько, что им и за неделю не осилить. А Вероника Николаевна принесла фирменные свои голубцы и заливное.

Все красивые, нарядные, веселые. Сергей, глава семьи и единственный мужчина за столом, налил дамам вина, себе немного водочки, и провозгласил:

— Ну что ж, давайте проводим старый год и друженько, хором скажем ему искреннее спасибо. Год был, в общем и целом, неплохой. Да что там скромничать — отличный был год. За что ему и спасибо.

Все одобрительно зашумели, потянулись рюмками да фужерами друг к другу. Последние десять минут уходящего года прошли в непрерывном жевании и похвалах авторшам блюд:

— Ууу, а заливное-то на славу удалось! Ну, теща, ну, чудесница!

— Шуба замечательная вышла, — внесла лепту Лариска. — Я уже гору костей насобирала, но это ерунда. Главное — вкусно.

Что за человек? Не было в 'Шубе' никаких костей — Ира несколько часов их из селедки выбирала. Одна, может, и затесалась случайно, но ведь никак не 'целая гора'!

Президент уже вещал с экрана что-то праздничное, чего-то желал, что-то обещал, да только никто его не слушал. Самое время откупоривать шампанское, и внимание присутствующих сосредоточено на этом: от пробки увернуться, фужер подставить, чтоб на скатерть не пролилось.

Куранты на Спасской башне начали последний в этом году отсчет. Им вторили и люди:

— Раз, два, три, четыре...

К пятому удару в каждом фужере играло шампанское, шая и забавляясь, разбрызгивая мельчайшие капельки на руки и носы гостей. Но никто, казалось, не замечал полусладких колючек, продолжая считать, сколько еще ударов осталось до Нового года, до нового счастья:

— Шесть, семь...

Аккурат за четыре секунды до нового счастья Лариска разбила старое:

— Пускай супружеская неверность останется в прошлом. С Новым

годом!

Короткая тирада легла на оставшиеся секунды, будто отрепетированная, и в момент, когда куранты возвестили наступление следующего года, когда у соседей и на улице гремело дружное 'Ура', в квартире Русаковых повисла гнетущая тишина.

О шампанском, радостно плюющемся последними фонтанчиками брызг, никто не вспомнил. Взгляды были прикованы к рыжей ораторше. Однако задать вертящийся на языке у каждого вопрос никто не отваживался.

Когда пауза затянулась до неприличия, Сергей, как глава семьи, спросил:

— Это ты о чем?

— О том, что даже самый здравомыслящий человек способен на глупости. А глупости нужно уметь прощать. Я права? Старые обиды нужно оставлять в прошлом.

Ответа не было — все лишь смотрели на нее молча, и ждали объяснений.

— Ну как же? Только глупостью и можно объяснить то, что произошло. Как иначе Ирочка, наша умница, замечательная жена и мать, могла натворить столько бед? Ты, Сергей, как человек мудрый, должен все простить.

За столом вновь повисла тишина, на сей раз еще более оглушительная и тяжелая. Раньше еще оставалась надежда на недоразумение, теперь же самые страшные слова прозвучали вслух.

Русаков потребовал объяснений. Его тихий голос показался громовым в гнетущей тишине:

— Ты о чем? Что за грязные намеки в адрес моей жены?

Трегубович подскочила со стула:

— Намеки? Грязные?! Грязные — да, но не намеки! Я привыкла говорить правду в глаза. Я не могу смотреть, как твоя жена сидит рядом с тобой, вроде ничего не случилось. Типа, порядочная женщина и не понимает, в чем ее обвиняют. Я презираю ее за ту ложь, которую она внесла в дом, в нашу семью. Да-да, нашу! Я всегда ощущала себя частичкой вашей семьи, полноправным ее членом. А потому не потерплю подлости и предательства в нашей семье!

Сергей в третий раз задал все тот же вопрос:

— Ты о чем?!!

Ловко выхватив из лежавшей рядом сумочки фотографию, Лариска с готовностью сунула ее под нос Русакову:

— Вот о чем! Вот о чем!!! Я все надеялась, что у нее проснется совесть и она сама расскажет тебе. Но мои надежды не могли оправдаться. Потому что та, что все эти годы скрывалась за маской порядочного человека, оказалась последней дрянью! Маришка, девочка моя дорогая, прости, что вся эта грязь выплыла при тебе, но ты уже взрослая. Я не смогла удержаться. Не могу смотреть в ее лживые глаза. И вы простите, Вероника Николаевна — я не хотела сделать вам больно. И ты, Сергей, не держи на меня зла. Обижайся и злись на предательницу, а не на вестника, принесшего в дом дурные новости. Я только хотела помочь тебе избежать лживых признаний и обещаний.

Речь ее была выпренно-фальшивой, явно приготовленной загодя, вызубренной, как урок по физике. Никто ни на минуту не поверил в ее искренность. Но с такой болью заиграли желваки на лице Сергея, такое отчаянье отразилось на нем, что все за столом, еще не видя фотографии, поняли — это страшный компромат, подтверждающий каждое сказанное Лариской слово.

Русаков в сердцах швырнул фотографию на стол, и, метнув в сторону жены взгляд разъяренного раненого льва, вышел из гостиной.

Фото воткнулось углом в заливное, несколько раз покачнулось, но устояло: заливное сыграло для него роль подставки. И теперь фотография стояла посреди стола и любой мог любоваться изображением.

Любоваться было чем. Снимок вышел мастерский, высокохудожественный. Балкон ресторана 'Домашняя кухня' был на нем еще больше, чем в реальности, похож на романтическую беседку. Чугунные колонны, распускавшиеся вверх причудливыми зимними безлистными ветвями, создавали впечатление ореола из оленьих развесистых рогов — или так лишь казалось в пикантной ситуации, в которую все попали милостью Лариски? Стоявшие под этим ореолом двое бесспорно выглядели парой. Поза весьма красноречиво свидетельствовала о слишком тесных отношениях: его руки у нее на груди будто бы придерживали лацканы пиджака, но чужие руки женщина ни за что не подпустит так близко. Они не целовались, но поза и выражение их лиц говорили лучше поцелуя: между этими двумя гораздо больше общего и запретного, чем обычный поцелуй.

Пожалуй, фото полуобнаженных или вовсе обнаженных людей выглядело бы менее эротично, чем это изображение двоих, пожирающих друг друга взглядами, готовых отдаться друг другу прямо здесь и сейчас, в этой прозрачной беседке, насквозь простреленной резкими лучами фонарей, в присутствии миллионов свидетелей-снежинок...

Это фото, казалось бы, абсолютно невинное, было настолько пропитано эротикой, что она будто капала с фотографии, растекаясь прямо по заливному. Ни один зритель никогда в жизни не поверил бы, что на снимке — двое посторонних людей, разгоряченных быстрым танцем и соединенных на пару мгновений разве что пиджаком. Фотография запечатлела нечто совершенно иное. Глядя на нее, Ирина сама усомнилась в верности мужу.

— Я сама усомнилась в верности мужу... Знаете, если бы эта фотография попала на какой-нибудь фотоконкурс, она непременно выиграла бы главный приз. Даже нет — она собрала бы море главных призов всех мировых фотоконкурсов! Лариска, конечно, редчайшая дрянь, но снимок у нее вышел гениальный. Не каждый признанный мастер сумел бы сделать хотя бы бледную его копию. В этом снимке уместился целый несуществующий роман. Чтобы поверить в то, что у этих людей давние и страстные отношения, не нужны ни дополнительные доказательства, ни богатая фантазия. На снимке все это буквально написано.

Погрузившись в воспоминания об утраченном счастье, Ирина замолчала. Попутчица терпеливо ожидала продолжения.

Уверения в верности результатов не принесли.

— Молчи! Не смей лгать! Я видел это фото собственными глазами! Или это фотомонтаж? Скажи, что это фотомонтаж. Скажи — я поверю. Скажи! Монтаж? Или это было на самом деле?

Легче всего спрятаться за спасительной ложью. Крикнуть:

— Конечно, фотомонтаж! Разве это может быть правдой?

Но нет, ложь, даже если это ложь во спасение, неприемлема. Не могла Ира лгать, глядя в доверчивые глаза мужа.

— Нет, не монтаж, но это все равно неправда. Не верь ей, слышишь, не верь! Я просто выпила слишком много шампанского...

Он не дал договорить:

— А, шампанское во всем виновато. Ну конечно...

— Да нет, не шампанское. Я, я сама виновата, только ведь ничего не было! Выслушай меня — ничего не было, ничего! И быть не могло, ведь он совсем мальчишка! А я не Пугачева, меня дети не интересуют. Он меня даже не поцеловал, он только набросил на меня пиджак, и все! Пиджак, понимаешь? Или пиджак — это уже измена?

В глазах Русакова засветилась надежда. Совсем чуть, едва заметным огоньком, но это была надежда.

И тут снова вмешалась подлая Лариска. Знала, что, не будь ее рядом, вся афера может лопнуть, а потому стояла у самой двери, подслушивая каждое слово сквозь неплотно прикрытую дверь. Встряла в разговор, едва почувствовала, что Сергей готов поверить жене:

— Пиджак, говоришь? Честная, говоришь? А что ж ты, такая честная, без мужа по вечерам шляешься?

— Вон отсюда, дрянь! — сорвалась Ирина.

— Это ж корпоратив. Только для сотрудников, — недоуменно произнес Русаков.

— Это она тебе сказала? — в глазах Лариски плескалось торжество. — Дурак ты, Серега. Легковерный дурак. У нас уже три года народ парами приходит. Если, конечно, не имеют особых причин скрывать мужей-жен от общества. А некоторые, имея большие планы на этот вечер, скрыли от законных супругов, что приглашение выписано на семью, а не на одного. Не веришь — спроси у кого угодно, хоть у самого Шолика! Любой подтвердит, что Новый год у нас в тресте праздник семейный. По крайней мере, последние три года.

Еще надеясь, что Лариска все придумала, Русаков с надеждой смотрел на Иру: скажи, что она лжет, ведь это не может быть правдой, скажи!

Ирина лишь виновато отвела глаза в сторону, не в силах встретиться с взглядом мужа.

В эту минуту ее мир рухнул навеки.

— Как, ну как я могла ему сказать, что почти двадцать лет стеснялась его профессии? Как смешно это выглядит теперь. Какая же я была дура! Профессия?! Руки в машинном масле?! Отсутствие высшего образования?! И я ведь знала, всегда знала, каждую нашу минуточку, что это мелочи, абсолютные пустяки! Главное — что я люблю только его, а он любит только меня, понимаете? Только меня! Вернее, любил...

Ирина вновь замолчала. Однако потребность высказать наболевшее давила изнутри, слова сами выплескивались наружу:

— Я даже сейчас не смогла бы ему признаться в том, что стеснялась его рук. Не смогла бы обидеть, унижить этим стеснением. Мне легче было оставить все, как есть. Измена — это больно, но не так унижительно, как если жена стесняется мужа. Понимаете? Я слишком сильно его люблю... Боялась унижить правдой, а из-за этого он за правду принял ложь.

Николай терпел. Эта дрянь издевалась над ним. Мстила ему за его благородство. Он спас ее от позора, женился на падшей женщине, пригред в доме байстрюка, зачатого от безродного кобеля, увивавшегося за дармовой сукой. И за это она, подлая, мстила ему изо дня в день. Вернее, из ночи в ночь. Но Николай мужественно терпел ее издевки.

Дни он проводил в мечтах, в воспоминаниях незабываемой оргии. Со стороны выглядел хорошим офицером, воспитывающим желторотых мальчишек, впервые надевших шинели, и болтавшихся в них, как карандаши в стаканах. Офицером, отдающим долг Родине, готовым в любой момент защитить собственной грудью отчизну от возможного неприятеля.

То, что творилось у него в душе за наносной серьезностью и положительностью, знал лишь он сам и отчасти Паулина. Его тело денно и ночью требовало любви. Не той, пресной и холодной, бесчувственной, которой каждую ночь вынужденно одаривала его супруга. Он всею душой, всем телом, каждой волосинкой жаждал той распутной любви, которую познал единственный раз в жизни, устыдившись свидетелей своей необузданности.

Он опустил до того, что просил (!) о такой любви жену. Он, офицер, унился до того, что просил одолжения у шлюхи! Ползал у ее ног, роняя на пол слюни: сделай так, как тогда! что тебе стоит? сделай, как делала другим. дай еще хотя бы раз попробовать это!

И что? Прочувствовав ответственность момента, она дала ему желаемое? Как же, дала. Она-то дала, да не то, чего жаждал Черкасов. В очередной раз 'одарила' супруга ледяным отвратительным сексом, буквально крича каждой своей клеточкой, как он, Николай, противен ей со своими притязаниями.

Порой он готов был убить подлое создание, отравляющее его жизнь. Удушить подлюку шлюху с ее беспородным прибудышем, избавиться от позора одним махом и забыть, забыть эту развратную бабу раз и навсегда.

Иногда даже обдумывал детали предстоящей расправы, решая, как лучше обыграть алиби. Но мысли об убийстве оставались мыслями, так же, как мечты о безудержном сексе оставались мечтами. А ведь он женился на шлюхе не только из любви к красивой картинке под названием 'Паулина Видовская'. Пока еще не познал близости с нею — любил как картинку. Но познав...

Собственно, идея о женитьбе возникла у него именно той памятной

ночью. Убит был ее доступностью. Но тем, как художественно отдавалась стае мужиков, она привязала его к себе насмерть. Тогда и понял: этот праздник тела должен принадлежать только ему. И будет принадлежать, чего бы ему это ни стоило. По его расчету, ночные праздники с большим перевесом должны компенсировать неуютные воспоминания о разгульном прошлом Паулины.

Памятуя о неадекватном действии алкоголя на ее организм, он несколько лет не позволял жене прикасаться к спиртному. Даже на свадьбе не дал выпить ей хотя бы бокал шампанского, опасаясь, как бы молодая супруга ни устроила стриптиз прямо на праздничном столе.

Та поначалу кочевряжилась, требовала шампанского. Ну да Черкасов с ротой солдат одной левой управляется — что ему безмозглая баба? Хук слева, хук справа — урок усвоен навсегда. Теперь при слове 'шампанское' Паулина спадала с лица, как лабораторная мышка при виде электрода.

Запрет постепенно вошел в привычку. Даже на Новый год, в компании сослуживцев и их жен, когда пили все, когда даже язвенники и трезвенники позволяли себе хотя бы пару бокалов шампанского, Паулина обходилась лимонадом.

У всего есть начало. И всему приходит конец. Пришел конец и Паулининой трезвости.

Пацан был еще маленький, лет шесть всего. Значит, семь лет прошли впустую.

В тот день они обмывали долгожданную капитанскую звездочку Николая, дом был полон гостей. И гости, и виновник торжества порядком набрались — Паулина лишь успевала выставлять на стол все новые и новые бутылки, да обслуживать гостей.

Надо сказать, постаралась на славу: не опозорила мужа. Уж когда все успела, но меню было, как в столичном ресторане. И накрыто красиво — салфеточки, шпажки, еще какие-то затейливые ерундовины.

Едва за последним гостем закрылась дверь, Паулина облегченно вздохнула и кинулась собирать со стола. Николай тоже вздохнул — сам с трудом дождался, когда все разойдутся. Но уборка волновала его в последнюю очередь. Новоиспеченного капитана поздравили все, кроме родной жены. Слова, красиво накрытый стол — не в счет.

Не этого ждал от нее Николай. В голове приятно шумело — так же, как в ту памятную ночь, когда Паулина единственный раз одарила его настоящим блаженством. Если одарила тогда — почему не сейчас? Почему нельзя повторить то, что было однажды?

Черкасов притянул жену, усадил на колени. Рука привычно скользнула под платье. Возбуждение достигло пика: если сейчас она не сделает того, что он ждал от нее все эти годы, он попросту ее прибьет. В конце концов, сколько можно ждать?! Муж он или нет? Офицер или кто?!

Едва сдерживаясь, чтобы не разорвать на ней платье, свободной рукой налил в рюмку водки из почти уже пустой бутылки. Не сказал — приказал:

— Пей!

Та побледнела — урок, видимо, не прошел даром. Даже в эту минуту Черкасов не мог не радоваться достигнутому успехам в деле воспитания офицерской жены.

— Нет, Коля, мне же нельзя! Да и не пью я водку.

— Я сказал: пей!

Она послушно выпила. Скривилась, дернулась, с трудом удержав водку внутри. Николай подсунул остатки шампанского, давно выдохшегося в чужом бокале:

— На, запей!

Некоторое время Полина истуканом сидела на коленях мужа. Податливо раздвинула колени, пропуская в себя его настойчивые пальцы. При этом на лице ее без труда читалась привычная брезгливость, за которую Николай когда-нибудь ее непременно убьет. Тварь! Ее любят, а она рожу корчит, будто не мужик в нее лезет, а отвратительная жаба.

Желание, страсть оказались сильнее обиды. Когда-нибудь он ее убьет. Наверное. Но не теперь. Не сейчас... Сейчас она может подарить ему блаженство. Пусть не такое, как тогда, но хоть что-то: с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Однако что-то произошло. Брезгливость на лице Паулины сменилась удивлением. Она словно бы прислушивалась к изменениям в себе, к новым — или хорошо забытым старым — ощущениям. Еще пара-тройка мгновений, и на лице ее разлилось блаженство. Заерзала на коленях мужа, лоя его выскальзывающие пальцы. Быстрее, быстрее...

Это была волшебная ночь.

Николай, наконец, получил то, о чем мечтал долгие годы. Правда, для остроты ощущений не хватало зрителей и соучастников. Но здесь, в гарнизоне, об этом и думать было непозволительно.

Лишь теперь он понял: то, за что он презирал жену, и заставило его полюбить ее.

Оказалось, ввергнуть ее в состояние транса не легко, а очень легко. Пятьдесят грамм водки — и из ледышки, из чопорной неумелой бабы

Паулина превращается в королеву, дарящую радость всем, кто оказался рядом в этот благословенный миг.

Но для полного кайфа Николаю не хватало компании. Еще совсем недавно он готов был убить жену за одни воспоминания о том, с какой готовностью и даже отзывчивостью Паулина отдавалась кому попало, не довольствуясь одним кобелем. Теперь выяснилось, что именно это и ввергло его в пучину сладострастия в ту незабвенную ночь.

Казалось бы — он нашел лекарство от ее фригидности. Паулина одаривала его собою до утра, отдавая все ему одному. Не с кем было ее делить, и потому вдруг ее стало много. Не так много, чтобы пресытиться. Однако несмотря на это 'много', ему ее не хватало.

Не хватало посторонних глаз. Не хватало звериной жадности, когда приходилось довольствоваться лишь зрелищем, и ждать, ждать своего часа, и жадно вгрызаться в восхитительно податливое тело на глазах таких же голодных псов.

Ему хотелось делить радость обладания Паулиной с другими. Хотелось, чтобы другие видели, с каким восторгом она принимает Николая. Хотелось видеть, с каким восторгом она принимает других. Видеть жирное удовольствие на лице 'молочного брата', и сходить с ума от ревности. Ненавидеть ее за все это, и желать, до умопомрачения желать ее: неправильную, ущербную, испорченную, пошлую до отвращения.

Николаю нужны были чужие глаза. Ему нужны были 'молочные братья'. Чтобы вернуться в ту ночь, он должен был разделить восторг обладания этой женщиной с друзьями.

Но нет, такое можно делить лишь с посторонними людьми, и лишь будучи абсолютно уверенным, что больше с ними никогда не пересечешься. Но откуда взяться посторонним в гарнизоне, где все друг друга знают?

... Он проснулся первым и с немым обожанием уставился на сопящую рядом жену. До чего же она хороша! И пусть давно уже обрезала шикарные волосы, пусть вместо ангела стала похожа на рыжую бестию — до чего же она хороша! Лицо белое, чистое, как у младенца. Пухлые губы приоткрылись, выставив напоказ зубки-жемчуженки.

Эти губы! Что они вытворяли всего несколько часов назад! А тело? Все-таки она божественно хороша, несмотря на дьявольскую сущность. Как после издевательств над телом, именуемого беременностью и родами, оно смогло остаться столь прекрасным? Грудки маленькие, упругие. Свежие, как у пятнадцатилетней девочки-подростка.

Не в силах сдержать восхищение и любовь — да-да, любовь. любовь к

падшему ангелу! — Николай впился губами в сосок, втягивая, всасывая в себя жену, словно крокодил, заглатывающий жертву целиком. Сейчас она проснется, ответит на его призыв, одарит тем, чего он жаждал столько отвратительно голодных лет.

Она проснулась. Он ждал продолжения безумной ночи, но вместо этого Паулина вскрикнула:

— Что ты делаешь?! Больно!

Странно. Еще несколько часов назад она рычала от удовольствия, когда он проделывал тот же фокус.

Николай отпустил грудь и принялся целовать жену, лаская ее языком и опускаясь все ниже и ниже к заветному темному треугольнику. Яростно отбросил мешавшее одеяло, и снова накинута на Паулину, словно не наслаждался ее телом всю ночь. Вот он, заветный треугольник. Вот оно, блаженство.

Но блаженства не получилось. Вместо восхитительной Паулины Видовской рядом лежала холодная, неживая Паулина Черкасова.

После бесхитростного, пресного секса, набрасывая на восхитительные плечи халат, она спросила:

— Что вчера было?

— То есть?

— То и есть, — раздраженно ответила супруга. — Ты мне вчера наливал водку, или мне это приснилось?

— Наливал.

— Ну?

— Что 'ну'?

— Что ты разнукался, как маленький? Я спрашиваю: что вчера было? Я выпила водки, и что?

Николай искренне удивился:

— Ты что, ничего не помнишь?

— Если бы помнила, не спрашивала бы. Так что было?

Вот оно что. Она не помнит...

Он-то был убежден, что алкоголь раскрепощает ее, отпускает тормоза. А оказывается, он напрочь отшибает ей мозги. Она просто не соображает, что с нею происходит. Поэтому и не сопротивляется ничему. Неважно — муж ли ее бесстыдно пользуется, или бригада монтажников-высотников.

Она ничего не помнит.

На какую-то долю секунды Черкасов замешкался. Сказать правду? Сказать, что она была восхитительна в своей вседозволенности? Что это была волшебная ночь, лучшая за все их совместные годы.

Как она на это отреагирует? Или начнет выпивать каждый день для 'расслабления мышц и функций сознания', или, напротив, замкнется в себе раз и навсегда, и он больше никогда не заставит ее сделать спасительный глоток спиртного.

Нет, ни к чему ей знать о вчерашней ночи!

— Ничего не было. Посидели, поговорили. Помечтали о будущем...

— О будущем? — в ее глазах сквозило недоверие: с какой бы стати она обсуждала с ним свое будущее?! Николаю снова захотелось ее убить. Он ведь муж ей! С кем еще ей обсуждать будущее, как не с ним?! — И о каком же будущем мы мечтали?

— Ты что, и правда ничего не помнишь, ни словечка?

Она на мгновение задумалась и уверенно покачала головой.

'Еще бы, — усмехнулся Николай. — Конечно, не помнишь ни словечка. Там ведь слов-то и не было. О чем с тобой, шалавой, говорить? У тебя другое хорошо получается!' А вслух сказал:

— Мечтали, как Вадим вырастет, как отдадим его в военное училище. Как офицером станет, продолжит семейную династию...

— Врешь, — неожиданно зло и дерзко заявила Паулина. — Вот тут ты врешь! Не могла я мечтать об этом! Я никогда в жизни не соглашусь, чтобы Вадик стал военным! Врешь, ты все врешь! Ты просто скрываешь от меня...

На ее глазах выступили слезы, и Николай испугался, что не выдержит ее слез и признается во всем. В том, какая чудная это была ночь, какой раскрепощенной и даже сумасшедшей была Паулина, с каким трудом ему удалось удержать ее дома, когда она в безумном порыве ненасытности рвалась к соседу отпраздновать торжество здорового секса.

— Вру, — с легкостью согласился он. — Вру. Ты и вчера говорила то же самое. Сказала, что в семье достаточно одного дуба. За что и получила от меня хук слева. Мы поссорились. А утром понял, что неправ, и решил извиниться. Я не буду настаивать, чтобы Вадим стал офицером. Но и ты его не отговаривай. Вырастет — сам решит, без нашего вмешательства. Согласна?

Что-то было не так. Паулина чувствовала это буквально кожей, всем телом. Все было не так, как всегда. Не только поведение Черкасова, но даже ощущение собственного тела. Будто накануне она сдала нормы ГТО.

Эта сволочь накачала ее водкой. Все понятно. Она никогда в жизни не пила водку. Несколько раз пробовала коньяк, но легкости в теле, как от шампанского, он не давал, а пился намного противнее. Водка же — напиток

плебеев, пить ее — дурной тон. А эта скотина, видимо, на одной рюмке не остановилась — недаром же у Паулины все тело гудит.

Зато голова чистая, свежая. И хорошо. Зачем ей лишние воспоминания о хуке слева? И об очередном скандале.

И все же странно. Чтобы она закатила ему скандал?! Невероятно. Видать, здорово он ее водкой накачал. Обычно она ему слова сказать не смеет. А сегодня осмелела почему-то. Наверное, хмель еще не весь вышел.

Видать, одним хуком он вчера не обошелся. Паулина опьянела, и забыла об осторожности. Начала качать права. Ну и получила офицерских щедрот.

А может, хуками Черкасов не удовлетворился? Опять к сексу принуждал, скотина ненасытная. То-то тело какое-то странное. Вроде тяжелое, но в то же время ощущается приятная легкость. Тяжесть понятно — водка плюс побои. А легкость? Тоже от водки?

Но как-то подозрительно легко он отказался от видов на Вадика. Слишком легко. Впрочем, Паулине это только на руку. Не хватало еще сына превратить в такого же солдафона.

Остаться дома Ира не могла.

Теперь ей не было там места. В их новой просторной квартире нашлось место всем, кроме нее. Сергей закрылся в спальне, не желая слышать оправданий предательницы-жены. Маришка, вся в слезах, закрылась в своей комнате, бросив на предательницу-мать полный презренья взгляд. Вероника Николаевна осталась за столом, не произнеся ни слова, лишь с немым укором и бесконечной жалостью глядя на предательницу-дочь. Предательница-подруга сидела напротив, нагло ухмыляясь в лицо жертве оговора.

Всем в этом доме нашлось место. Всем, кроме Ирины.

Еще три дня назад, в тот проклятый день двадцать восьмого декабря, шел снег, создавая иллюзию праздника. Дурманил головы подвыпивших людей, заставляя верить в сказку. Жухлые листья, не упавшие на землю по странному капризу природы и все еще цеплявшиеся за ветки деревьев, укрылись под неровным слоем снега. Тогда все вокруг выглядело нарядным и праздничным.

Теперь же, в новогоднюю ночь, с неба не упало ни одной снежинки. Даже тот, предательский, снег растаял, превратив сказочно-прекрасный город в мегаполис-помойку. Москва горела миллионами огней и огоньков, переливалась тысячами цветов, а под ногами прохожих булькала грязная

жижа.

Впрочем, прохожих как раз не было. Она была одна. Одна во всем безумном, грязном, лживом мире. За окнами домов веселился народ, где-то уже пели, где-то с балконов шумно выстреливали фейерверки. Кругом стреляли, гремели взрывами петарды, но это был лживый мир.

На самом деле нет никакого праздника. Нет в мире радости и веселья. Нет счастья. Нет музыки. Нет цветов. Нет запахов. Есть грязь и ложь. И все веселье, происходящее вокруг, ни что иное, как обман зрения, стереофильм: очень похоже на правду, но ложь. Иллюзия жизни вместо самой жизни. Одна сплошная иллюзия. А на самом деле кругом одна только грязь, и пахнет не мандаринами под елкой, а опять же — грязью.

Ирина шла, не выбирая дороги и направления, не зная конечного пункта маршрута, не ведая цели. Вернее, цель у нее была. Умереть.

Это единственное, чего ей сейчас хотелось. Она не собиралась кончать жизнь самоубийством. Не из страха. Вернее, страх был. Но боялась она не боли и осуждения, а того, что там, где она окажется после самоубийства, уже никогда не сможет встретиться с Сергеем и объяснить ему ложь и нелепость обвинений в измене.

Сережка, родненький, как ты мог поверить? Разве нужен ей тот мальчишка? Он никогда ей не нравился, скорее наоборот — был ужасно неприятен. Как получилось, что на фотографии они так близко? Почему она буквально пожирает его глазами, готовая сию минуту броситься в его постель? Ведь этого не было!

Не было. Не было... Ничего не было...

Все кончено. Сергей никогда не простит. Не поверит, что ничего не было. Не поверит, что всю жизнь она любила только его, и никто другой ей никогда не был нужен. Что на самом деле влюблена в Черкасова не она, а Лариска. Что отомстила, подлая, как раз за то, что на нее саму Черкасов не клюнул, а давно заглядывался на Ирину. А на Лариску никто никогда не заглядывался, вот она и бесится.

Трегубович — дрянь, но у нее есть доказательство Ириной неверности. Фотография. А у Ирины никаких доказательств нет. Ни доказательства своей верности, ни доказательства Ларискиного предательства. Пусто.

Все кончено... Ее никогда не простит Сергей. Ее никогда не простит Маришка. Ее никогда не простит мама. Мама могла бы понять, но... Она слишком уважает Сергея, чтобы простить дочери подлость, которой та не совершала.

Они никогда не простят ее за то, чего она не делала. И доказать, что

она ничего предосудительного не сделала, невозможно.

Нет, мама, наверное, простит со временем — на то она и мать. Но осуждать будет до последнего вздоха. Это бы полбеды, с этим можно было бы жить дальше.

Но ее никогда не простят Сергей с Маришкой. Это беда. С этим жить нельзя. Когда любимые муж и дочь считают тебя предательницей и изменницей — с этим жить нельзя.

Ирина шла и шла, твердя про себя:

— С этим жить нельзя...

Она не просто так повторяла эти слова. Она кликала на себя гнев Божий, кару небесную. Ей нельзя больше жить, все кончено. Так почему она еще жива? Ведь ночь, пустынно и страшно, она одна посреди враждебного города, в шикарном шубе, с бриллиантами в ушах и на пальцах.

Где вы, разбойники-грабители, убийцы-потрошители? Куда попрятались в самую важную ночь в году? Вот же я — берите, режьте, стреляйте, забирайте бриллианты, снимайте меха с моего хладного трупа! А самое главное — заберите мою жизнь, мою никчемную, никому не нужную жизнь!

Где вы, убийцы?! Зачем попрятались по норам? Ау!

Убейте меня, ну пожалуйста. Кто-нибудь, смилуйтесь надо мною! Убейте...

— Не у-би-ли...

Ирина произнесла это с таким бесконечным разочарованием, что у невольной слушательницы едва не разорвалось сердце. Будто и ей было жаль, что подлые убийцы сплеховали. Поймав себя на этой мысли, собеседница тряхнула головой, избавляясь от наваждения, и произнесла:

— Вижу. А что было дальше?

Ирина горько вздохнула:

— Звонок...

Было уже начало шестого, когда тишину новогоднего утра прорезали аккорды 'Вальса цветов' из бессмертного 'Щелкунчика'.

Ирина достала мобильный из сумочки, посмотрела на дисплей. Сердце радостно екнуло — высветился номер Сергея.

Он волнуется. Возможно, он уже простил ее? Или, по крайней мере,

готов выслушать?

— Алло, — голос дрожал от надежды.

— Мама умерла. Иди домой, ее еще не увезли. Нужно что-то решать с похоронами...

Надежда умерла, поселив свои останки в горле. Ира хотела спросить: чья, чья мама умерла?! Но голос, кажется, умер вместе с надеждой. Тещу Сергей обычно называл Вероникой Николаевной. Значит, умерла его мать? Тогда почему 'иди домой, ее еще не увезли'?

Неужели?.. Нет!!! Господи, нет, прошу тебя, пожалуйста. Нет, нет, нет!!! Не надо, Господи, не так, только не так! Это я должна была умереть, я, слышишь, я! Ты все напутал! Я, Господи, я... Меня! Пожалуйста, Господи, меня, меня!..

Хоронили Веронику Николаевну третьего января. Виновата в ее смерти была, конечно же, Ира. Сердце матери не вынесло подлости дочери.

Так думали все кругом. Так думала и сама Ирина. Это она убила маму. Своим легкомысленным поведением, тем, что дала повод думать о себе плохо. Тем, что выпила в тот проклятый вечер слишком много шампанского, а потому пришлось выйти на тот проклятый балкон с тем проклятым Вадимом...

Она убила свою мать. Уничтожила свою семью. И теперь она одна.

Одна в целом свете.

Сергей подал на развод. Маришка категорически отказывалась разговаривать с матерью даже по телефону.

Ира переехала в мамину квартиру, откуда тридцать первого декабря, радостная и веселая в ожидании праздника, нагруженная подарками и судками с голубцами и заливным языком, вышла Вероника Николаевна. Вышла, и не вернулась. И уже никогда не вернется.

В первый же рабочий день Ирина уволила Лариску Трегубович с должности своего секретаря. Надеялась избавиться от мерзавки навсегда.

Не тут-то было. Та подала иск за незаконное увольнение, и Ирине снова пришлось терпеть эту дрянь в своей приемной.

Развод был простым и быстрым. Протестовать Ирине не хватило наглости.

Мамина смерть подкосила ее под корень. Так бы она, может, и боролась. Но теперь она была не просто изменницей, а убийцей матери. А потому прощения не заслуживала даже теоретически.

Если Сергей решил — так тому и быть. Да и все равно, семья уже

распалась, время вспять не воротишь. Нет больше семьи, нет больше мамы.

Зато осталась мамина квартира, а потому Ира отказалась от размена. Зачем? Она не на улице остается, а усугублять и без того тяжелые отношения с мужем и дочерью не хотелось. Зачем еще больше портить жизнь любимым, вынуждая их менять привычный образ жизни?

На том и порешили — Ирина забрала только свои вещи. Остальное, в том числе машина, осталось Сергею с Маришкой. Ире машина не нужна — водить не умеет. Куда надо, доедет на служебной.

Привыкнуть к новой жизни было нелегко. Спасала работа. Только там Ирина теперь могла существовать. Вопреки указанию Шолика, жалюзи в ее кабинете отныне были закрыты — чтобы ни Ларискину подлую физиономию не видеть, ни призывно-сочувственные взгляды Черкасова.

Жить не хотелось. Есть не хотелось. Спать не получалось.

Ирина осунулась, под глазами залегли темные круги. К ней стремительно возвращался ее реальный возраст.

— И меня это, представьте, нисколько не волновало. На внешность мне было наплевать. Я умерла внутри. Хотелось одного — чтобы и снаружи была такая же мертвая пустота.

Ларочка торжествовала. Вот он, миг удачи!

Отмщена подлая подруга. Пришел долгожданный праздник!

Получилось даже лучше, чем Ларочка задумывала. Вероника Николаевна, умница, очень вовремя откинулась со своим инфарктом. Теперь-то уж Ирке точно из дерьма не выбраться: как же, мать угробила своими загулами.

Было бы еще лучше, если б старушка не откинулась в праздничную ночь, а крепко сдружилась с кондратием: так, чтоб Ирке еще много-много лет из-под нее говно пришлось выгребать. Вот это было бы ей достойным наказанием за те подлости, что Ларочка терпела с раннего детства.

Но... Лучшее — враг хорошего. Так тоже нормально. Спите спокойно, Вероника Николаевна, ваш мужественный поступок оценен на пять баллов!

А Ирка еще мстить вздумала. Наивная! Нет бы с достоинством кару принять. Уволила преданную, честную подругу. Ха, уволила! Это еще надо посмотреть, кто кого увольнять будет. Суд Ларочку в должности восстановил, да еще и обязал трест выплатить ей зарплату за невольные прогулы. Плюс компенсация за моральные страдания: как же, оставили

порядочную дочь, единолично тянущую на себе мать-инвалидку, без средств к существованию. Вот и спасибочки нашему самому гуманному в мире суду. А мы теперь, благо в приемной сидим, на начальницу еще компромата нароем. Посмотрим, кто кого уволит! Из семьи мы тебя уже уволили, дай срок — проченько на твоём месте водрузим нашу личность.

Сладкие мысли о мести грели Ларочкину душу, и она с удовольствием потирала руки: подожди, мол, гадюка, я тебе еще устрою, ты у меня еще умоешься горячими слезами, это только начало!

И так радостно было на Ларочкиной душе, так восхитительно пьянило ее чувство победы, что она и сама не замечала, что давно уже думает вслух. Поняла, только когда услышала слабый вздох из-под горы одеял:

— Ох, доченька, разве я тебя такому учила?

Радость молниеносно развеялась, опустив из заоблачных далей в земную обыденность. Грымза старая, сколько же она еще будет отравлять Ларочкину жизнь? Помечтать спокойно, победе маленькой порадоваться — и то никакой возможности.

— Не воняй, дерьму слова не давали. Ты мне еще советы давать будешь. Да если б ты меня учила правильно жить — разве б мне пришлось теперь дерьмо твое разгрести? Скажи, какого хрена я училась на пятерки, зубрила тысячи страниц? Что мне толку с красного диплома, о котором ты так мечтала? Лучше б я не мозгами крутила, а жопой — глядишь, и получше устроилась бы в этой жизни. Это ж тебе мои хахали не нравились — мордой, видите ли, не вышли. Или фамилией. Из-за тебя теперь одна кукуя. Ирка вон, не слишком-то в морды да дипломы заглядывала. Теперь и при муже, и при должности. Впрочем, муж уже в прошлом...

— Лариса Трегубович, как ты можешь?! Ирочка же такая славная девочка...

— Нашла славную девочку, дура старая! Это я у тебя славная, забыла? А как, ты думаешь, эта славная девочка таких высот добилась? Она же училась на одни тройки, она же дура набитая! Как еще дуру могут взять на такую должность? В то время, когда я науки наизусть заучивала, эта сучка из чужих постелей не вылезала. Вот и доскакалась на простынях до должности заместителя генерального! А я, пай-девочка, у нее в секретарях прозябаю. И это с моим-то красным дипломом! Так кто из нас двоих славная девочка? Я вот тебя, калеку, пару дней забуду покормить, да жопу твою обосранную помыть — тут же вспомнишь, что это дочь твоя хорошая, а не та сука!

Софья Исааковна тяжело вздохнула и зарылась поглубже в одеяла. И правильно: не в ее положении спорить с единственной кормилицей.

— То-то, — осклабилась дочь. — Ничё, мать, потерпи чуток. Ты еще на моей свадьбе отпляшешь. Ты еще Серегу сыночком назовешь. Скоро приведу тебе зятя.

Николай нашел панацею от фригидности супруги.

Однако не злоупотреблял — ни-ни. К этому лекарству старался прибегать как можно реже, когда уже совсем не вмоготу было.

Не то чтобы берег Паулину, чтоб на дольше хватило. Просто...

С одной стороны — да, кайфом она его редкостным одаривала. За такое все на свете простить можно.

С другой... Чувствовал он себя при этом животным. Хоть и властвовал над порочной бабой в полном одиночестве, но неизменно представлял, что они не в укромной спальне угару греховному предаются, а где-нибудь на людях. В Клубе Офицеров, например. Прямо на сцене, в лучах прожекторов. А за кулисами стоит очередь пускающих слюни мужиков...

Противно было до смерти, и наутро он в сердцах одаривал жену парой-тройкой легеньких хуков — она даже не понимала причины его гнева. Однако прогнать эти видения Николай не мог. Одна коллективная ночь навсегда отравила его сознание.

Когда припекало, на шампанское он не тратился. Обходился водочкой: и дешевле, и экономия продукта, а заодно и времени. Как показала практика, шампанского Паулине нужно было не меньше трех фужеров, да и то эффект выходил не стойкий — дула его, как лимонад. Хочешь, чтобы подольше в себя не приходила — наливай снова и снова. Да и пучило ее от шампанского.

Зато водочки хватало одной рюмашки. Попробовал однажды увеличить дозу — сам не рад был: разошлась Паулина так, что насилу уgomонил. Отвязная супруга все рвалась на улицу — одного Николая ей было явно недостаточно. И то сказать — он же не автомат по обслуживанию ее безграничной похоти! Ему же в себя нужно прийти, силенок поднабраться, прежде чем ко второму заходу приступать. А потому на будущее он строго ограничивал дозу 'лекарства от фригидности' одной рюмкой водки.

И еще он заметил, что Паулина не только раскрепощалась под воздействием алкоголя, не только забывала к утру пережитый накануне ураган сексуальных страстей. Оказалось, она напрочь переставала узнавать его, принимая за случайного любовника. Наверное, потому и теряла бесстыдство, исчезали все запреты и табу.

Это, пожалуй, бесило Николая больше всего. Вот же дрянь! С мужем бревно бревном, как бы он ни просил добавить жару. А как чужому мужику — так ни в чем отказа нет. Шалава беспутная!

Не просто обидно — до смерти больно за такую несправедливость. Но терпимо, если чужой мужик и родной муж — одно лицо, одно тело. Зато вытворять можно буквально что угодно: до чего бы ни додумалась извращенная от вседозволенности фантазия — отказа не последует. На любые эксперименты Паулина шла с безграничной готовностью и желанием.

А наступит утро — и она не будет помнить ничего, абсолютно ничего из того, что вытворяла ночью. Утром это снова будет добропорядочная мать и жена, образцовая офицерская супруга, надежный тыл защитника отечества.

Все было отлажено в их быту и сексуальной жизни: длинную череду бесцветных ночей сменял короткий фейерверк вседозволенности. Несколько месяцев пресного, безвкусного секса, когда приемлемой считалась лишь поза миссионера, а Паулина, скривившись, с нетерпением ждала, когда кончится очередной сеанс выполнения ею супружеских обязанностей. Одна фантазмагорическая ночь. И снова преснятина.

Теперь эта преснятина не раздражала Николая. Напротив, стала доставлять ему истинное наслаждение. Радостно было сознавать, что в тайную свою игру он играет один, и только от его желания зависит, с кем спать: с ледяной ли супругой, или с отъявленной шлюхой, способной на любые крайности и эксперименты. Он был единственным и полновластным повелителем этой женщины. А потому в моменты холодной близости получал нынче едва ли не большее удовольствие, чем в отвязные ночи.

Ему нравился контраст холодная-горячая, скромница-шлюха. Терзая фригидное тело жены, он представлял на ее месте школьницу-шестиклассницу, впервые предоставившую юное свое тело в пользование мужчине, да не сопляку-однокласснику, а зрелому, многоопытному гиганту секса. Иногда он мнил себя учителем юной кокотки, плохо написавшей годовую контрольную по алгебре и древним способом отрабатывающей желанную пятерку. В другой раз представлял Паулину одноклассницей сына, зашедшей узнать домашнее задание по географии, но вместо Вадима заставшей его изголодавшегося по женской ласке отца. Лежит под ним глупышка, боясь противиться грозному дяденьке, предоставив неумелое свое, неготовое еще к плотским утехам тельце в полное распоряжение взрослому дяденьке. А когда дяденька отпустит ее, молча оденется и уйдет. Она не скажет об этом ни маме, ни папе. А потом придет на день рождения

к Вадиму, и будет стыдливо отводить глаза от жадно-насмешливого взгляда отца именинника. Услышав тихо-приказное: 'Приходи завтра утром', кивнет послушно и испуганно. И утром, когда все дети будут в школе, она снова придет к нему, молча разденется и покорно ляжет в постель, и уже не будет стыдливо прикрываться одеялом.

Еще Николай любил представлять на месте равнодушной супруги невесту солдата, умоляющую командира отпустить жениха для срочного бракосочетания. Животик у юной прелестницы приятно округлился, а потому со свадьбой тянуть нельзя:

— Не могли бы вы, товарищ командир, отпустить рядового Фесенко хотя бы на три дня?

— Не положено, гражданочка. Ваш жених нынче принадлежит государству в моем лице, и от одного меня зависит — состоится ваша свадьба или нет.

— А может, мы как-нибудь уладим эту проблему, товарищ командир?

— Не как-нибудь, а через постель.

— Что вы, что вы?! Я же верная жена, я не могу...

— Какая ты на фиг жена? Ты пока что бесправная шлюшка. И только от меня зависит, будет у твоего байстрюка отец, или прочерк в метрике.

Придуманные ситуации доводили Николая до экстаза. Холодность супруги уже не омрачала, а доставляла истинное удовольствие. То, чего он не сможет позволить себе никогда в жизни, а именно изнасиловать школьницу, невесту подчиненного, жену друга или начальника, он с восторгом проделывал в мечтах, трудясь над безответным телом жены. И ее неотзывчивость уже не оскорбляла, не доводила до отчаяния, а становилась весьма логичной и даже возбуждающей.

А когда надоедало играть в маньяка-насилника, растлителя малолетних соседок и дочерей высшего офицерского состава, Николай прибегал к замечательному, спасительному эликсиру. И имел тогда офицер Черкасов совершенно дикий, разнузданный секс с родной женой, искренне считающей его первым встречным кобелем.

Завидное разнообразие с одной-единственной женщиной! И полгарнизона перетрахаешь, не подхвативши срамной болезни, и скромницу-жену увидишь в такой ипостаси, в которой она никогда в жизни не рискнула бы показаться мужу. Главное, чтобы волшебный эликсир она принимала строго дозировано, только в присутствии мужа и исключительно по его высочайшему указанию.

Сергей переживал развод трудно. Пожалуй, не переживал — пересуществовывал. Потому что жить он перестал в новогоднюю ночь. Если не умер еще окончательно — только из-за Маришки.

Ира, самый родной, самый верный человек, его настоящая половинка, без которой хоть в петлю, хоть в огонь — только бы не просыпаться по утрам, зная, что прошлому возврата нет — ударила под дых. Коварно, исподтишка. Ударила та, от которой он и не думал защищаться. Ударила второй раз — первый в чисто мужскую 'душу', теперь в самую настоящую, человеческую.

Там навечно поселилась боль. Казалось, лучше бы жена умерла — по крайней мере, ему не пришлось бы делить любимую ни с кем живым. Со смертью делить не стыдно.

Но Ирина жива. Мать ее от позора умерла на месте, а этой хоть бы хны. Сергей лишь поражался: где были его глаза? Почему не видел, с кем рядом живет? Кого пустил в сердце? Бездушную предательницу. Поистине — любовь слепа.

Тут же одергивал себя — да нет же, Ира вовсе не бездушна! Она живая, настоящая!

Настоящая настолько, что польстилась на симпатичную мордашку пацана, годящегося в ухагеры подростковой Маришке?

Нет. Самая настоящая предательница. Бездушная пустышка.

Тяжело было начинать новую жизнь в окружении старых вещей. Вроде ничего вокруг не изменилось, все осталось таким же, а воздуха почему-то не хватало.

А тут еще Лариска присосалась, как рыба-прилипала. Лезла с назойливым сочувствием. Едва ли не каждый день докладывала, как Ирина с молодым любовником милуется прямо в кабинете, не стесняясь открытых стеклянных стен. В подробностях рассказывала про свое незаконное увольнение, про судебный иск против треста. Радовалась, когда ей удалось посадить Ирину в лужу.

Сказать, что Русакову были неприятны ее визиты — ничего не сказать. Он и раньше не жаловал Лариску, вынужденно терпел в своем доме. Раньше она была подругой жены. Теперь...

Кем она стала теперь? Явно не Ириной подругой, коль сдала ее под фанфары. Вернее, под бой Курантов. Тогда кем? Свидетельницей беды Русаковых? Утешительницей, с плотоядным удовольствием ковыряющей в кровоточащей ране грязной кочергой?

В Лариске нынче сосредоточился весь его негатив. Она стала как бы

синонимом Ириного предательства. Однако в силу воспитания Сергей пытался держать антипатию в себе. В конце концов, в чем виновата Трегубович? Если бы она не рассказала об Ириных художествах, он еще долго ходил бы с ветвистыми рогами на потеху публике. Как водится — муж обо всем узнает последним. У него ведь и мыслей ни о чем таком не возникало. Радовался, дурак, как славно они живут.

Однако Ларискина назойливость переходила разумные границы. В стремлении утешить брошенного мужа она кидалась из крайности в крайность. Об Ирине говорила только гадости, и много. В глазах ее при этом сверкала такая ненависть, словно подруга не мужа предала, а саму Лариску. Словами плевалась, будто гадюка ядом.

Зато когда начинала утешать Сергея или Маришку, слова лились плавненько, тягучим медом. От сюсюканья даже щурилась: 'Ути-пусеньки, мои хорошие!'

Мягко говоря, это раздражало. Сергей начал роптать. Сперва намеками: дескать, мы с Маришкой не маленькие, не надо нас жалеть. Постепенно смысл его слов приобретал более конкретный оттенок: хватит, отстань, ты была Ириной подругой, но та здесь больше не живет.

Ларочка — святая простота! — не понимала, что ее не желают видеть в этом доме. Или лишь делала вид, что не понимает. И упорно именовала себя членом семьи.

По выходным от нее вообще отбою не было. Как в субботу утром приходила, так до позднего вечера воскресенья толклась у Русаковых. Убирала квартиру. Перебирала одежду в шкафах, ревностно выискивая забытые Ириной вещи и демонстративно уничтожая следы чужого разбитого счастья. Готовила обеды и ужины, радостно мурлыкая незатейливые песенки под урчание микроволновки.

Сергей устал бороться с нею — это казалось бессмысленной тратой слов и нервов.

— Лариса, я не безрукий инвалид и сам могу убрать квартиру.

— Знаю я, как ты убираешься. За месяц так засерешь квартиру, что я ее за год не отскребу.

— Если уж и засру, то выскребать ее придется не тебе.

— А кому же, интересно?! — выставив торчком отвратительно худую задницу, Лариска елозила тряпкой под шкафом.

— Ну, во-первых, как я уже сказал, у меня и самого еще руки не отсохли...

— Ага, я вижу!

— Во-вторых, Маринка уже взрослая и тоже не без рук...

— Не смейся. На Маринку где сядешь, там и слезешь.

— В-третьих, я могу пригласить сотрудницу из 'Бюро добрых услуг'.

— Ага, они там все добренькие-добренькие, в этих услугах. Только после них несчастных ложек не досчитаешься, не говоря уж о настоящих ценностях.

— В-четвертых, я, в конце концов, могу жениться, и разгребать, как ты говоришь, все это будет моя будущая жена.

Трегубович распрямилась. Лицо неприятно побагровело — то ли от гнева, то ли оттого, что долго стояла в позе алкаша, пытающегося подняться с четырех точек.

— Что?! Жениться?! Я надеюсь, это шутка? Ты соображаешь, что говоришь? Представляешь, что с Маришкой будет? Да в ее-то непростом возрасте?! Ты хочешь, чтобы у ребенка был нервный срыв? Ты хочешь, чтобы она свою жизнь закончила в психушке?

— Что ты несешь? Какая психушка? Она уже взрослый человек и все прекрасно понимает!

— Вот именно — понимает. Слишком много понимает! Ты думаешь, ей сейчас легко? Ты думаешь, ради кого я стараюсь? У меня, между прочим, мать-инвалид дома одна, беспомощная, а я у вас днюю и ночую! Чтобы вы меньше переживали, чтоб Маринка не считала себя никому не нужной. Чтоб ты не был одиноким — я ведь вам не чужая, я же всю жизнь рядом. Вы ж мои родные, у меня ж кроме вас — никого! Да я ж Маринке — вторая мама. Первая из ее жизни ушла, исчезла, сдохла, так что теперь — я ее мама. А ты хочешь в дом постороннюю тетку привести? 'На, доченька, получи новую мамочку'. Так, да? А я? А меня — на помойку?

Здрасьте, приехали! Это что же, он теперь должен отчитываться перед самозванкой?

— А ты чего ждала? Раз Ирина мне больше не жена, то ты займешь ее место?

Ему показалось, или она действительно кивнула? Бред!

— Прости, но у меня другие планы. Ты — подруга моей жены. Вернее, бывшая подруга моей бывшей жены. Так?

— Нет, не так. Это когда-то я была ее подругой. Когда вы поженились, я стала вашей подругой. Вашей, общей. И теперь, когда она уже моя бывшая подруга, я осталась только твоей. Твоей, понимаешь?

Русаков не стал уточнять, что она подразумевает под этим интимным словом. Сколько можно нянчиться с нею?

— Извини, Лара, но моей подругой ты не была. Я всегда воспринимал тебя, как Ирину подругу. И теперь, когда Ира осталась в прошлом, твоё

место там же — в архиве истории. По крайней мере, я воспринимаю тебя именно так.

Он говорил намеренно жестко. Намеков не поняла — значит, надо так. Чем дальше тянешь резину, тем больнее она бьет тебя по рукам.

Но Лариска неожиданно расплакалась. Русаков не ожидал такой реакции. Только слез ему не хватало.

— Ты неправильно воспринимаешь! — в сердцах она зашвырнула половую тряпку на телевизор. — Все не так, ты лжешь! Я не чужая вам. У вас теперь, кроме меня, никого нет! Вы без меня пропадете! Кто же еще о вас позаботится, как не я? Кто же позаботится о Маринке? Девочке нужна мама...

Сергей перебил. Впрочем, резко говорить уже не осмелился — кто знает, как она отреагирует? Подпустил в голос фальшивой заботы:

— У нее есть мама. Они поссорились — да, но ее мама жива. А чужая мама ей не нужна. Ты не совсем посторонний нам человек — да, ты много лет была рядом с нами. Но теперь тебя стало слишком много. Слишком. Это утомительно. Ты же не хочешь нас утомлять, да? Вот и дай нам отдохнуть. Тебе и без нас есть, о ком заботиться. У тебя мама дома не кормленая, кроме тебя ей и воды подать некому. Ты иди, Ларочка, иди к маме, да?

Видимо, фальшь Лариска понимала лучше. Шмыгнула носом, улыбаясь сквозь слезы:

— А потом? Я ведь смогу прийти потом? Ты же не выгоняешь меня?

Такая щенячья преданность светилась в ее глазах, такая надежда на нужность кому-то, кроме больной матери, что Сергей не смог лишить ее этой надежды:

— Конечно. Потом, когда-нибудь потом...

— Лариска, бесспорно, дрянь. Но было бы нечестно виноватить ее одну. По большому счету, виновата не она. Я. Я сама.

Рассказчица провела кончиками пальцев по щекам, подбородку, едва касаясь кожи, будто опасалась причинить себе боль, или испачкаться. При этом лицо ее на мгновение дернулось, перекошенное отвращением.

— Это лицо... Я его ненавижу! Оно вроде бы мое, и в то же время чужое. Проклятая операция! Почему я слушала Лариску, а не мужа?! Не доктора, наконец? Как он оказался прав! Вторая молодость в моем возрасте — наказание. Дьявольский подарок.

Взглянула на руки. Ухоженные, со свежим маникюром на коротких

ногтях, они, тем не менее, хранили истинный возраст Ирины.

— Я люблю свои руки. После операции стеснялась их — как же, по ним запросто можно было вычислить, что я совсем не так молода, как стараюсь казаться. А теперь только они у меня и остались — все остальное фальшивка. Операция изменила меня не только внешне. Крыша поехала. Раньше я совсем чуть-чуть стеснялась Серегиной профессии — по большому счету мне было плевать, кто что об этом думает. А после операции вроде остальные проблемы улетучились. Меня больше всего волновало, как бы кто посторонний ни узнал, что у меня муж рабочий. Казалось бы — кому какое дело? Какое дело мне до того, кто что подумает о нем, обо мне? Но нет! Для меня это приобрело невысказанную важность. Глупо?

Взглянула на собеседницу, словно от ее ответа зависело что-то важное. Не дождавшись реакции, удовлетворенно кивнула:

— Глупо. Теперь я понимаю, что имел в виду доктор, говоря о побочном эффекте. Дурь он имел в виду. Вместе с морщинками пропал накопленный жизненный опыт. Я превратилась в наивную дуру. Любила мужа, но мне перестало хватать его молчаливой любви. Хотелось комплиментов, искры в глазах. Но какая искра после девятнадцати лет совместной жизни?!

Она долго избегала ситуаций, когда ей пришлось бы остаться один на один с Черкасовым. Он и раньше вызывал в Ире не лучшие эмоции. Теперь же, после той жуткой новогодней ночи, с ним были связаны слишком неприятные воспоминания. Слишком... Такие воспоминания не способна аннулировать никакая красота.

Периодически им все же приходилось оставаться тет-а-тет по производственной необходимости. Как ни крути, а курировать работу маркетолога должна именно она — потому что именно она занимается экономической политикой треста. Ира вынужденно принимала его в своем кабинете. Как бы ни старалась она сократить эти визиты, но иногда вопросы оказывались слишком важными и серьезными, и тогда они оставались вдвоем относительно долго.

Эти посещения доставляли море радости секретарше — будь проклят тот день, когда Ира выбила эту штатную единицу! С нескрываемым удовольствием Трегубович появлялась в дверях кабинета и с тошнотворной слащавостью в голосе произносила:

— Ирина Станиславовна, к вам Вадим Николаевич. Примете?

Ирине хотелось размазать подлую дрянь по стенке, но, как показала практика, она ничего не могла поделывать: поводов для увольнения по статье та упорно не давала.

— Пусть войдет, — сухо отвечала Ира, стараясь не подать виду, как неприятны ей и Трегубович, и этот красавчик Черкасов, будь он неладен.

— У-ху, — многозначительно кивала секретарша. Мол, знаем-знаем, зачем он к вам пожаловал. И добавляла отрешенно: — Как скажете...

И уже Черкасову:

— Входите, Вадим Николаевич, вас примут, — подчеркнуто холодно, с открытой неприязнью и даже презрением.

Не успевал Черкасов переступить порог, как Ирина в спешке крутила ручки управления жалюзи. Всех принимала в приватной обстановке — плевать ей нынче на забубоны Шолика! Только при Черкасове открывала прозрачные до безобразия стены, чтобы ни один, самый крошечный уголок кабинета не оставался скрытым от любопытных глаз секретарши.

Беседы и совещания с Черкасовым были для нее откровенным мучением. Она понимала, что пришел он к ней не просто так. Не по доброте душевной, не из личной прихоти — сугубо по делу. И решать эти дела ей все равно придется. Но взглянуть в его глаза никак не отваживалась.

Слишком много в ее жизни было связано с ним. А главное, Ира до сих пор не могла понять — когда впустила его туда? Она же не обращала на него внимания! Даже не видела в нем мужчину — настолько он был ей неприятен. И вдруг именно из-за него ее жизнь оказалась разрушенной.

Одергивала себя: нет, не из-за него — из-за подлой Лариски!

Так-то оно так. Но фотография...

Лариска, конечно, дрянь — Ира всегда это знала. И сама во всем виновата — она должна была научиться говорить 'нет'. Но фотография настоящая. И там, на этом снимке, запечатлена совсем другая Ира. И совсем другой Черкасов. Тот, другой, нисколько ее не раздражал. Помнится, какое-то мгновение она едва сдерживала себя, чтобы не оказаться в его объятиях...

Если бы не это фото — она бы, пожалуй, даже не вспомнила теперь о коротких минутах, проведенных в обществе Черкасова. Если и проскочила какая-то едва заметная искорка между ними — то лишь на мгновение. Наутро Ира даже не думала о нем.

Собственно, она заметила эту искорку лишь на фото. А, заметив, не могла заставить себя посмотреть в глаза Черкасова, стыдливо отводила взгляд, будто провинившаяся школьница перед строгим завучем.

Зато Черкасов не сводил с нее глаз. Ирина чувствовала его влюбленный взгляд, и он парализовал ее еще больше. Она краснела и бледнела, заикалась, теряла необходимые слова и термины, и еще больше терялась. Руки и голос дрожали. Ира до обморока боялась, что он увидит ее дрожь, и что это увидит подлая секретарша. Что в любую минуту в приемную может войти кто угодно из сотрудников, даже сам Шолик, и они тоже станут свидетелями ее волнения и страха. И тогда все, кто пока еще не в курсе ее семейной драмы, узнают, что муж ее бросил из-за минутного адюльтера с подчиненным. Даже нет — всего лишь намек на адюльтер, из-за невинного взгляда. Почти невинного.

От волнения и страха руки опускались, и выскальзывали из них деловые бумажки, ручки, карандаши, и все валилось на пол.

Вот и сейчас она не смогла удержать принесенные им на подпись документы, и стояла беспомощно, глядя на них.

Черкасов наклонился, поднимая рассыпавшиеся листы, сказал в пол, не поднимая головы, так же остерегаясь любопытных секретарских глаз:

— Не волнуйтесь так, Ирина Станиславовна, не надо. Хотите, я позже приду, когда вы успокоитесь? Или, может, давайте я оставлю бумаги, вы их просмотрите, а потом мы все обсудим по телефону?

От этой его понятливости, от своей беспомощности, от хищных Ларискиных глаз слезы катились по Ирениным щекам. Она старательно отворачивалась от прозрачной стены, но краем глаза видела, как радостно потирает руки Лариска: так-так, и после этого ты смеешь заявлять о своей невинности?

— Хорошо, Вадим Николаевич, оставьте бумаги, я все просмотрю...

В понедельник, восемнадцатого апреля, у Ирины все валилось из рук. Это был один из самых знаменательных дней в году. В этот день они всегда собирались за праздничным столом. Приходили обе бабушки, дедушка, приходили ближайшие друзья.

Семнадцать лет назад появилась на свет самая замечательная девочка на свете, Марина Русакова. Маришка. Доченька.

Но в этот раз обычного праздника не будет. Больше нет мамы. И нет больше семьи. Раскололась семья на два неравных куска. Или нет, не так. Семья осталась, но откололся от нее кусок под названием мама. Она больше не член семьи. Она теперь бывшая жена. А мама? Тоже бывшая?

Дрожащей рукой Ирина набрали до боли родной номер. Трубку сняли после первого же гудка.

— Оллё, — радостно прощепетала трубка Маринкиным голосом, и Ирино сердце ухнуло в пропасть.

— С днем рождения, доченька.

Ответом ей была короткая тишина. Потом трубка словно очнулась и саркастично выплюнула:

— Хм, это кого же к нам в гости занесло? Что за добрая тетенька о нас вспомнила?

— Зачем ты так, Мариша? Думаешь, мне легко без вас?

— А нам? О нас ты подумала? Ты думала обо мне, когда целовалась со своим молокососом? А о папе думала? Тогда мы тебе не были нужны? А теперь вдруг вспомнила. Что так? Любовник бросил, нашел себе помоложе?

— Не надо, Марина, ты ведь ничего не знаешь... Вы даже не дали мне объяснить. Я приду вечером, поговорим...

— Чего объяснять, и так все понятно, — дерзко прервала дочь. — И вообще — на день рождения приглашают друзей и родственников, а ты теперь никто!

Ирина не нашлась, что ответить. Да и некому было — трубка красноречиво пищала короткими гудками.

Сердце остановилось от боли. Как трудно дышать. Если бы Ира могла заплакать — глядишь, и сердцу стало бы полегче.

Но спасительные слезы не приходили. Глаза были сухи до неприличия, будто она вдруг стала древней старухой, разучившейся плакать лет двести назад.

Боль рвала на куски. Чтобы остановить ее, нужно было всего лишь выйти на балкон и сигануть вниз, разрубив проблемы прыжком в вечность. Да какая уж тут вечность — третий этаж. Вместо вечности окажешься в инвалидной коляске, и только.

Остается лишь собрать волю в кулак и идти на работу. Нельзя рассупониваться. Если пережила новогоднюю ночь — теперь обязана жить долго. Даже если этого хочется меньше всего на свете.

На работе стало чуть-чуть легче. Круговорот неотложных дел отвлек от личной трагедии, и Ира смогла не то что забыть об утреннем разговоре, но хотя бы абстрагироваться от него, отодвинув на задний план мыслей.

Потом. Она подумает об этом потом, когда будет уже не так больно. Ради самосохранения. Ради выживания она будет руководствоваться девизом Скарлетт О'Хара. Правда, Скарлетт плохо кончила. Неважно. Потом, все потом...

Но потом не получилось. В начале двенадцатого в кабинет вплыла подчеркнуто-радостная Лариска и с издевательской улыбкой заявила:

— Ирина Станиславовна, не отпустите ли вы меня после обеда? У моей девочки сегодня день рождения, очень ответственный день. Придут родственники и любимый юноша — как раз сегодня она решила представить его семье. Ах, так много дел — сами знаете, как нам, женщинам, достаются эти семейные праздники. Все приготовь, убери, погладь рубашки да платья. Да и себе перышки почистить — не могу же я перед потенциальным зятем выглядеть золушкой! Так вы не возражаете?

Ирой владело одно желание — придушить тварь голыми руками. Тварь, забравшую ее жизнь, нагло присвоившую себе право находиться среди любимых Ирой людей. Самозванку, называющую себя матерью ее дочери.

Но именно этого ждала тварь, питающаяся чужим счастьем. Ждала всплеска эмоций и истерики. Чтобы потом подать в суд иск за нанесение оскорблений или даже побоев. Чтобы с ехидной ухмылкой рассказать за праздничным столом, как вопила от слепой ярости Ирина в собственном кабинете.

Нет, тварь, не дождешься! Ира не станет лить воду на твою мельницу.

— Я вас, Лариса Моисеевна, не задерживаю. Можете уйти немедленно. Можете даже не возвращаться — трест без вас не остановится.

— Ну что вы, — парировала та. — Трест без меня, конечно, не остановится. А как же я без треста? Без вас, Ирина Станиславовна? Кто же станет за вами приглядывать? Вот отгуляю сегодня, поздравлю доченьку, познакомлюсь с зятем, приласкаю мужа — а завтра, как штык, на работе! Так я убегаю? До свидания, Ирина Станиславовна, приятного вечера!

Секретарша покинула кабинет, подчеркнуто мягко прикрыв за собою дверь.

Ирина едва сдержала ярость. Давила в себе безумный крик раненной тигрицы.

Нельзя. Тварь услышит. Нельзя доставить ей удовольствие.

И все же из груди вырвался тихий протяжный стон, полный смертельной тоски и боли.

Квартира сверкала чистотой и идеальным порядком. Стол ломился от яств. Это все Ларочкина заслуга. Сергей пытался испортить ей праздник — дескать, без тебя справимся, тебе тут вообще не место. Ну да она понимает — ему нелегко, первый праздник без Ирки. Вот и кочевряжится. Ничего,

пусть выпендривается, пока есть возможность. Скоро она впряжет его в свою телегу — тогда уж не подергается.

Нарядное голубое платье ей очень шло. Цвет только подкачал — с рыжим не слишком сочетается. Зато по цене вполне приемлемое. Волосы Ларочка заплела в косу, но хитро, только с середины, оставив свободной верхнюю их часть. Лишний объем исчез, и оттопыренные уши спрятались. Жаль, что она раньше так не попробовала. Глядишь, Черкасов бы клюнул, и сейчас она была бы вся в шоколаде. Впрочем, лучше синица в руках — что ей толку от пустых мечтаний о красавце Черкасове? Русаков тоже ничего. Не настолько хорош, конечно, зато практически в кармане.

Ирке она чуток приврала — не ожидался сегодня никакой потенциальный жених. Очень уж хотелось уесть бывшую подругу. Пришли, как обычно, родители Сергея да Маринкины подружки.

Именинница дежурно чмокнула тетю Ларису в щечку в благодарность за подаренный симпатичный джемпер, и после недолгого застолья умотала с подругами на дискотеку. Родители сидели допоздна, сокрушаясь по поводу преждевременной кончины свахи. Об Ирине не было произнесено ни словечка: эта тема в их доме табу.

Ларочка радостно щебетала, подкладывала гостям салатки, суетилась. Делала это намеренно утрированно, демонстрируя, что от отсутствия предательницы семья не пострадала — и без нее найдется, кому позаботиться об осиротевших дочери и муже. С нетерпением ждала, когда же, наконец, старище умотает домой. И тогда...

Именно сегодня все должно произойти! Недаром же она старательно подливала водочки Сергею. Она давно все спланировала. Именно сегодня все решится. Он должен будет признать, попросту обязан, что без Ларочки ему никуда.

Словно прочитав ее мысли, старики засобирались. Потоптались в коридоре, в который раз желая сыну спокойной ночи, да и отбыли, наконец, восвояси.

Ларочка картинно плюхнулась на стул:

— Фу, устала! Давай, Сережик, выпьем, а то я ни поесть как следует не успела, ни выпить. Теперь уж можно расслабиться.

Тот не возражал. Налил в две рюмки водки. Не дожидаясь красивых тостов, буднично пожелал:

— Будь, — и выпил, даже не чокнувшись.

Ларочка обиделась, но виду не подала. Ничего-ничего, покочевряжься еще немножко. Все равно тебе деваться некуда — как в старой-престарой песенке: 'Никуда не денешься, влюбишься и женишься, все равно ты

будешь мой!

— Давай, что ли, музыку включим, потанцуем? А то сидим с тобой, как пенсионеры.

В ответ на ее предложение Русаков демонстративно потянулся к пульту телевизора, включил какую-то аналитическую чепуху:

— Не хочу. Устал.

Кочевряжмся? Сколько ж можно? Ларочка тебе и так три с половиной месяца на раскачку дала. Не пора ли, дружок, делом заняться?

— Бедненький, совсем измотался на работе. Давай-ка я тебе массажик сделаю — здорово помогает, расслабляет.

Не дожидаясь согласия, встала позади него, и давай наминать холку:

— Я в массаже толк знаю. У меня рука набитая. Я ведь маму столько лет выхаживаю, каждый вечер массирую, чтобы пролежней не было.

Он не ответил, но голову опустил, предоставляя Ларискиным рукам поле для деятельности.

Вот и умница, одобрила она про себя. В благодарность за послушание то мяла, то ласково поглаживала мощную его шею. На одном месте не топталась: ей должна принадлежать не только шея, он нужен ей весь! От шеи спустилась ниже, добралась до плеч. Дальнейший путь затруднял жесткий ворот сорочки.

— Сними рубашку, — сказала она как можно безразличнее — не спугнуть бы. Мужик, а ведет себя аки девочка нецелованная. — Через ткань сложно работать, вся сила пальцев в нее уходит.

План сработал: Сергей послушно снял рубашку. Ларочка усыпила его бдительность. Или, может, не просто усыпила — а разбудила его, как мужика? Дошло до него, наконец, что перед ним женщина. Женщина, которая не просит, а вполне достойна его внимания. А главное — которой достоин он сам.

Она старательно массировала, вкладывая в руки все свои чувства. Так, чтоб до него дошло, наконец, чего от него хотят.

Видимо, переборщила: Сергей дернулся от очередного движения. Ларочка тут же ослабила давление и теперь не столько массировала, сколько гладила. Иногда, словно невзначай, руки ее скользили вниз, делали несколько ласковых поглаживаний в самом низу спины, потом, словно опомнившись, возвращались к плечам. В другой раз будто соскальзывали нечаянно от шеи к груди, и тогда она прижималась к его спине и замирала так на несколько сладких мгновений.

Она умела выжидать. Ее терпение будет оправдано уже очень скоро. И тогда — триумф! Ларочка будет радоваться, а Ирка умоется слезами. И

наступит в мире справедливость.

Сергей закрыл глаза и, кажется, забылся. Усталость, сытный ужин, алкоголь. Да и руки Ларискины действовали усыпляюще. Он уже забыл, что это Ларискины руки. Казалось, что там, позади, стоит Ирина. Это она прижимается грудью к его спине, это ее руки ласкают его живот. Ее губы нежно щекочут шею.

И так ему было хорошо, так уютно под ее нежными руками, что он все глубже погружался в грезу, словно проваливался в гипнотический сон. Ира, Иришка... Почему мы так давно не делали это? Ничего, мы сейчас все исправим, мы сейчас нагоним все, что упустили.

Руки уже потянулись за спину, обхватили ноги той, что требовала от него любви. Запутались в ткани, пытаюсь найти вход туда. Туда, где...

Обман! Это не те ноги! Его любимые ноги гладенькие, шелковистые. А эти жилистые, масляные. И короткие. Чужие.

Внезапно он все вспомнил. Очнулся, вскочил резко:

— Ты! Ты... Ты что? Что ты задумала?

— Ничего, Сереженька, что с тобой? Успокойся, все нормально. Я просто делала тебе массаж.

— Массаж? Да ты меня чуть не изнасиловала!

Она улыбалась. Мерзко, даже не пытаюсь прикрыть фальшь:

— Что ты, милый! И в мыслях не было. Это всего лишь массаж. А если тебе чего-то захотелось, тут уж не моя вина.

Русаков хотел обойти ее, спрятаться в спальне. Нет, она поймет это как приглашение. В ванную. Точно — там и закрыться можно.

Но Лариски снова было слишком много. Ее буквально невозможно было обойти: куда бы он ни повернулся — всюду была Лариска. Он от нее, она к нему. Оставался один путь — назад. И он вынужденно отходил шаг за шагом.

А Лариска наседала:

— Ты четыре месяца один. Кто ж такое выдержит? Ничего, Серенький. Я тебя не осуждаю. Мы взрослые люди, к тому же не чужие. В этом нет ничего постыдного, поверь мне. Я же вижу, как ты этого хочешь...

Ему уже отступать некуда — спиной уткнулся в стену. Лариска воспользовалась этим: приблизилась вплотную, зашептала прерывисто:

— Я чувствую это даже через ткань брюк... Не стесняйся, Серенький, меня не надо стесняться. Ты можешь сделать это со мной. Я никому не скажу. Я хочу тебе помочь. Я — твоя скорая помощь, я всегда буду рядом...

Настойчивые руки уже расстегивали его брюки. Отступать некуда —

сзади стена, впереди Лариска. И ее руки, наглые вездесущие руки...

— Прекрати! — истерически заорал Сергей. Мужика такой крик не красит, но сейчас ему было наплевать на это. — Немедленно прекрати!

Резко оттолкнул Лариску — та едва не упала. Жаль, что не упала. В эту минуту ему действительно было жаль.

Он вернулся к стулу. Застегнул молнию, потуже затянул ремень.

— Прекрати, слышишь? Прекрати, — повторил тише, все еще не придя в себя от пережитого шока. Ничего себе — едва с Лариской не переспал!

— Да что с тобой, Сережа? — закудаhtала та, останавливаясь перед ним столбом.

По крайней мере, руки к нему уже не тянет — и то хорошо. Русаков перевел дух, и присел на стул.

— Я просто делала тебе массаж. Ты же знаешь — я всегда делаю то, что ты хочешь. Сначала ты хотел массаж — пожалуйста, мне не сложно. Потом захотел большего — ну что ж, на то и друзья, чтобы помогать в трудную минуту. Что случилось-то? Чего ты испугался? Думаешь, я хочу тебя прибрать к рукам?

Она нервно хихикнула, а Русаков едва удержался, чтобы не кивнуть согласно: думаю, именно так и думаю!

— Не бойся, в загс не потащу, — продолжила она оправдываться. — Я хотела тебе помочь. Ты четыре месяца один — мужику-то без бабы, поди, не сахар? Что ж я, не понимаю? Прекрасно понимаю. Это не говорит о твоей распушенности. Это всего лишь физиология. Тебе это нужно. Для здоровья. Сам посуди — не пойдешь же ты ради здоровья на Тверскую? Это как раз чревато обратными последствиями.

До Тверской он еще не докатился. И не докатится. Однако Лариска права — четыре месяца одному и в самом деле не сахар.

— А мне совсем не тяжело. Я же забочусь о своей матери? Забочусь. И о Маришке забочусь, и о тебе. Мне это не составит труда, не стесняйся! Для меня главное, чтобы вам было хорошо. Чтобы вы были живы-здоровы. Неужели ради твоего здоровья я не пожертвую такой малостью?

'Малостью'? Для тебя, может, и малость переспать с кем попало. А Русаков себя не на помойке нашел.

Выставил вперед руку, вложив в жест весь протест. Будто защищался от нападения, хотя Лариска стояла спокойно и нападать вроде не собиралась.

— Что тут такого?! Что страшного произойдет, если ты получишь то, что нужно каждому мужчине? Когда ты болеешь — принимаешь лекарство

из любых рук: будь то мать, дочь или доктор. Сейчас точно такой же случай, рассматривай его с точки зрения медицины. Я — твоя скорая помощь. Тебе понадобилась прививка — я доктор, я готова ее сделать. Что тут страшного? А ты поднял истерику. Как ребенок, честное слово!

Надо сказать, ей удалось его удивить. Не тем, что требовала от него секса. У Сергея уже случались подозрения на этот счет. Больно уж она любила в его присутствии мыть полы. Выставит угловатую задницу, и водит ею из стороны в сторону. Думает, что очень сексуально при этом выглядит. То халатик супер-короткий нацепит — дескать, в нем удобнее хозяйством заниматься. Сколько уж раз говорил: нам не нужна домработница! А ты и подавно не нужна!

Удивила Русакова ее изобретательность. Не подозревал он в этой дуре находчивости. Смотрите-ка, философию под свои эротические фантазии подвела: прививка, медицинская процедура! По ее логике выходит, и правда — ничего страшного. Получил таблетку из рук доброй тетеньки, утолил жажду стаканом воды, поданным чужим человеком — в чем крамола? А потом и переспал черти с кем — опять же ничего зазорного. Диссертацию можно писать о пользе сексуальных отношений с кем попало.

— Шла бы ты домой, 'скорая помощь'. Я уже говорил: тебя стало слишком много.

Сволочь! Тупая трусливая сволочь!

Она четыре месяца его дерьмо прибирала. Двадцать лет мечтала, как отобьет его у Ирки. Уже ведь почти получилось! Вернее, получилось почти все — последний штрих остался. А теперь все ее труды насмарку? Она зря старалась? Он ее банально выгоняет? Сволочь!

Ну нет! Ее место здесь! Это ее дом! Это ее семья!

— Что ты, Сережа, здесь еще столько дел, — поменяла она тактику. — Со стола убрать, посуду вымыть. Нужно салаты в холодильник вмонтировать — как их все там уместить?..

— Без тебя управлюсь. Да и Маринка скоро придет, поможет. Иди.

Ларочка поняла, что вот сейчас, в эту минуту решается ее судьба. Или она останется здесь хозяйкой, или в следующий раз ей даже не откроют двери.

Унижаться и молить о любви? Нет, только не это! Ларочка гордая!

Не велика гордость — умывшись проигрышем, возвращаться к материному дерьму. Она шла к победе всю сознательную жизнь. Терпела унижения от Ирки.

От врагини терпела, а от мужика, которому всю себя посвятила,

гордость не позволяет?

Кинулась на колени, прижалась к ногам Сергея:

— Не прогоняй меня! Я тебе еще пригожусь... Пригодюсь...

Он пытался сбросить ее, но не тут-то было: Ларочка цепкая! Ножки тоненькие, как лапки пауэчи. Раньше-то она их стеснялась, и лишь теперь поняла, что это совсем не недостаток, а дополнительный бонус в борьбе за выживание.

— Сerezик, миленький, неужели ты не видишь, как я тебя люблю? Что еще тебе нужно? Я хорошая хозяйка, буду самой лучшей матерью Маринке — а потом и своих родим. Тебе женой буду верной, не как та шалава!

Попытки сбросить ее с завоеванной территории стали более энергичными, и Ларочка пошла на последнюю уступку:

— Не хочешь жениться? Не надо! Я и так согласна. Могу приходить, когда нужно. Как сегодня: захотел, а я раз — и здесь, и вот она. Ну пожалуйста. Что тебе стоит? Чем я хуже? Хочу быть рядом с тобой! Кем пожелаешь. Женой. Любовницей. Хочешь? На меня, возьми прямо сейчас. Я вся-вся твоя! И никаких обязательств. Я сделаю все, что ты захочешь. Не стесняйся, проси! Нет, приказывай! Я раба твоя, твоя скорая помощь... Я столько лет терпела эту сучку только ради того, чтобы быть рядом с тобой. Теперь ее нет, она нам уже не мешает...

Нет, слов мало. Нужно делать то, что все мужики любят — только это может подействовать. Словам грош цена.

Пальцы судорожно пытались расстегнуть ремень, но, захлебываясь словами, Ларочка никак не могла с ним сладить. Боялась замолчать — вдруг в наступившей тишине он опомнится, и оттолкнет ее?

Войдя в раж от собственных признаний, от впервые высказанных в голос слов, не дававших покоя много лет, начала рвать ремень зубами, рискуя сломать зубы. Руки царапали голую грудь Сергея, будто пытаясь сгрести его в кучку, унести с собой.

Что-то мерзкое копошилось внизу, подвывало. Он всегда ее терпеть не мог. Теперь же отвращение достигло апогея.

Сбросить ее с себя более-менее деликатно не получилось — Лариска лишь еще крепче вцеплялась в него. Что ж, он пытался по-хорошему.

Двинул ногой как следует, отпихивая назойливую дуру:

— Намеков не понимаешь? Пошла вон! И возвращаться не смей. Предупреждаю — с порога спущу.

Несколько мгновений она смотрела на него с щенячьей преданностью.

Но уже скоро лицо ее приобрело выражение мстительности. Поднялась с ковра. Оправила собственноручно разодранное в пылу страстей платье:

— Дурак ты, Серенький. Пожалеешь. Но я дважды не предлагаю. До сих пор сучку подзаборную любишь? Да она с ним прямо на рабочем столе трахается! Жалюзи закроешь, и трахается! А я в дырочку подглядываю. Народ прикалывается: 'Русакова проводит очередную пятиминутку'! Я жалела тебя, не хотела говорить. Они заявление в загс подали. А ты терпи, онанируй в тряпочку. Козел.

Накинув пальто на разодранное платье, Лариска вышла в ночь.

— Сегодня!

Решение назревало давно. Он сразу заметил — что-то не так. В первый же рабочий день наступившего года Черкасов понял: что-то произошло. Что-то серьезное и негативное.

Впрочем, негативное для Русаковой. Вадиму ее неприятности могли сулить большие приятности. А могли ничего не сулить.

Русакова изменилась резко и конкретно. Не заметить это мог лишь слепой. Мало того, что она резко прибавила в возрасте — как раз это Вадима только радовало. Но, что много хуже, изменилось отношение Ирины к окружающим. А возможно, и к самой жизни.

Раньше она не была благосклонно настроена разве что к Вадиму, но с остальными сотрудниками была приветлива и улыбчива. Тогда от нее исходили флюиды довольства окружающим миром и собственной жизнью. А теперь за версту чувствовалась неуверенность в себе, ненависть опять же только к себе одной, и презрение к жизни в целом. Подмять под себя такую соперницу — невелика заслуга. Вадим с детства не терпел игру в поддавки. Соперник должен быть серьезным противником — только тогда можно ощутить настоящий вкус победы.

Если раньше Русакова подчеркнуто демонстрировала равнодушие к Черкасову, за которым легко угадывалась неприязнь — чем очень сильно ранила Вадима, но и раззадоривала еще больше — то теперь равнодушие распространялось на всех сотрудников. На всех. За исключением Черкасова и секретарши.

Он не знал, радоваться или огорчаться тому, что теперь в его присутствии она терялась, робела и судорожно искала предлог поскорее закончить явно тяготившую ее аудиенцию.

Впрочем, он довольно скоро решил, что эти перемены к лучшему. По крайней мере, для него. И еще он заметил, что недавние подружки

превратились в отчаянных врагов.

О судебной тяжбе секретарши против треста знали все. Вряд ли нашелся бы кто-нибудь, сочувствующий истице. За несколько лет работы в тресте та сумела настроить против себя едва ли не всех. Ее увольнение было принято с откровенным восторгом. Многие злорадствовали, довольно потирая руки: получила по мозгам, ехидина! Однако, как говорят в Одессе: недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Очень скоро секретарша победоносно воцарилась за своим рабочим столом, как овчарка в будке под дверью хозяина.

С того дня плотно закрытые жалюзи в кабинете Русаковой стали обычным явлением. То, чего не позволял себе даже Шолик, для его заместительницы стало привычным делом. Однако, что неприятно, стоило Вадиму объявиться на ее пороге, как жалюзи незамедлительно распахивались.

Атмосфера сгущалась. Что-то будет...

— Сегодня, — повторил под нос Вадим. — Сегодня или никогда.

Работать Ирина не могла. Но и домой идти не хотелось — там одиночество чувствовалось в миллион раз острее. Так и просидела до вечера в кабинете, спрятавшись за спасительными жалюзи от чужих сочувствующих взглядов, убивающих самолюбие пуще презрительных.

Лишь в начале десятого вызвала машину. В супермаркет заезжать не стала — аппетит ей отбили еще за новогодним столом. Кажется, в холодильнике осталось немножко кефира — хватит, чтобы не умереть до завтра.

Подъезд встретил тревожным полумраком: одинокая лампочка, одетая в металлическую решетку, горела лишь на первой площадке. До третьего этажа пробивались лишь ее жалкие отсветы. Идти было не только неприятно, но и откровенно страшно.

Еще в машине Ира достала ключи — в случае необходимости ими вполне можно обороняться. Ригельный, неудобный и острый, зажатый между пальцами в виде стилета, давал некоторое чувство защищенности.

Она уже открыла свою дверь. Уже почти захлопнула ее за собой. Но чья-то тень метнулась от стены, просочилась вслед за нею в квартиру, обхватив сзади одной рукой, обездвигив, второй же закрыв ее готовый вскрикнуть от ужаса рот:

— Тссс...

Вот он — гулко отдалось в сознании. Убийца, грабитель,

потрошитель... Его звали на Новый год, а он явился в апреле. Все равно хорошо. Это лучше, чем страдать в мучительном ожидании встречи с мамой.

Сердце от страха готово было выскочить из ушей, а мозг радовался: хорошо, очень хорошо. А главное, так вовремя. Больше не будет боли...

Видимо, поняв, что жертва не собирается кричать, злодей отпустил сначала ту руку, что сжимала ей рот:

— Не бойтесь, Ирина Станиславовна, это я, Вадим. Не кричите — не надо сообщать о моем визите соседям. Включите свет, — и только после этого отпустил вторую руку.

Щелкнув выключателем, Ира увидела знакомое лицо. Вздохнула облегченно и одновременно с тем возмущенно.

— Вы с ума сошли? Перепугали до смерти. Что вы здесь делаете?

Не обращая внимания на ее слова, Черкасов снял куртку, аккуратно развесил на плечиках. Уже войдя в комнату, не то спросил, не то сказал:

— Я пройду.

Несколько мгновений Ирина, все еще скованная страхом и обескураженная наглостью гостя, не могла шелохнуться. Лишь когда шок немного отпустил, сняла плащ и, забыв его повесить, прошла в комнату.

Черкасов стоял посреди гостиной и оглядывался. Улыбнулся вошедшей хозяйке:

— Вы считаете меня слишком настойчивым?

'Наглец', - подумала Ирина. Вслух ответила не слишком дружелюбно:

— А вы?

— Я? Скорее нет, чем да. Нет, определенно нет. Думаю, мне давно следовало это сделать.

— Наглец, — уже вслух констатировала она.

Устало присела на диван. Лишь теперь заметила, что до сих пор держит в руках плащ. Усмехнулась нервно, снова повторила:

— Наглец.

Не дожидаясь приглашения, Черкасов устроился в кресле, демонстрируя, что пришел надолго:

— Что вы, Ирина Станиславовна, какой же я наглец? Я глупый нерешительный мальчишка, который слишком долго ждал хотя бы намек на позволение приблизиться. Но сегодня понял — пора. Именно сегодня. Не знаю, что сегодня произошло, просто чувствую, что вам очень плохо. Ужасно, невероятно плохо. Боюсь, если меня не будет рядом, вы сделаете какую-нибудь ужасную глупость. Непоправимую.

Он будто читает ее мысли. Неприятно, когда кто-то копается в твоих

мозгах. Вдвойне неприятно, если это делает сопляк, разбивший твое счастье одним удачным жестом.

Улыбнулась натянуто:

— Ошибаетесь. На глупости я уже не способна. Последнюю свою глупость я совершила двадцать восьмого декабря. С тех пор я смертельно, безвозвратно повзрослела.

Сказала — и пожалела об этом. Теперь этот мальчишка возомнит о себе невесть что.

— Я догадывался, что ваши неприятности каким-то образом связаны со мной. Вернее, с тем вечером. Я могу как-то помочь вам?

Так и есть! Нужно срочно брать себя в руки.

— Нет, — быстро ответила Ира, подпустив в голос фальшивой бодрости. — Я не нуждаюсь в помощи, тем более в вашей. Благодарю за участие — считайте, что я его оценила. А теперь можете оставить меня в покое.

— Не могу. Я вам нужен.

Она не сдержалась и прыснула со смеху. Вот уж кто ей сейчас нужен меньше всего, так это Черкасов!

— Наглец!

— Повторяетесь, Ирина Станиславовна.

Его самоуверенность разозлила ее. Неожиданно для самой себя Ира потеряла контроль:

— Наглец! Напыщенный павлин! Самовлюбленный болван!!!

— Уже лучше.

— Индюк! Высокомерный придурок! Мальчишка! Сопляк!

— Совсем хорошо. Еще немножко, и вам станет легче.

Ира понимала, что совершает глупость. Не надо показывать ему свою слабость. Мало у нее проблем без Черкасова? Без этого Нарцисса, поломавшего ее жизнь своим повышенным вниманием. Однако остановиться уже не могла. Ругательства будто сами слетали с ее языка:

— Малолетний ловелас! Альфонс! Думаешь, я не вижу, что тебе от меня нужно? Нашел устроенную, не совсем еще противную старушонку, и присосался, как пиявка. Да, пиявка! Ты, ты... Это ты во всем виноват, это ты...

И тут ее прорвало. Всё горе, свалившееся на нее в новогоднюю ночь, все неизлившиеся по утраченному счастью, по незаслуженно умершей маме слезы, вся боль, накопившаяся внутри — всё выплеснулось на Черкасова в потоке грязных оскорблений, в брызгавшей ядом слюне:

— Гад, козел! Ты, ты во всем виноват! Ненавижу! Слюнтяй,

маменькин сынок! Ты, ты! Откуда ты взялся на мою голову? Откуда взялась та дрянь? Ты, вы... Вы оба: ты и Лариска — сладкая парочка идиотов! Ты, ты...

Словно дьявольская сила подхватила ее с дивана, бросила к креслу, в котором развалился Черкасов. Она била его руками по голове, но удары получались слабыми: она едва дотягивалась до его головы. Тогда Ира стала пинать его по ногам, по коленям:

— Ты, ты виноват! Вы оба!

Видимо, удары по ногам оказались весьма болезненными — Черкасов вскочил из кресла. Воспользовавшись этим, Ира стала молотить его кулаками, что было мочи:

— Ты, ты, ты!!!

Внезапно запал пропал, будто чаша гнева опустела. Ирина растерянно посмотрела на гостя, на свои руки. Закрыла ладонями лицо и заплакала.

Теперь уже он воспользовался преимуществом. Прижал ее к себе, стал покачивать, словно убаюкивая, легонько поглаживая по спине:

— Ччч...

Он не торопил ее, не успокаивал. Просто давал выплакаться. И Ира плакала. Плакала, как малолетнее дитя, выплескивающее обиду на дверь, прищемившую пальчик.

— Ччч...

Всхлипы становились реже. Когда они уже почти стихли, Черкасов отстранился от Ирины, заглянул в ее лицо. Улыбнулся ласково:

— Уууу, макияжик-то наш поплыл, — снова притянул к себе и поцеловал.

Поцелуй был не любовный — скорее отеческий. Хотя невинным тоже не был.

Ира не удивилась. Не возмутилась. Мысль о сопротивлении даже не пришла в голову. Напротив — показалось, что именно это ей нужно сейчас. Его поцелуй. Утешающий. Несущий в себе посыл: жизнь продолжается.

Она уже размякла, готовая к большему. Однако поцелуй оказался несуразно-коротким. Можно сказать — оскорбительно коротким. Ира опомниться не успела, как почувствовала, что стоит одна посреди комнаты. Открыла глаза — а Черкасов уже выходит из комнаты. Зачем, куда? Почему теперь? Теперь, когда...

— Вадим?

Он оглянулся. В глазах — ни грамма насмешки. Лишь теплота и забота:

— Жить будете. Вот теперь я могу оставить вас в покое.

Что это? И он так просто уйдет? Да, она просила оставить ее в покое. Но ведь это было еще до того, как...

Уже громко щелкнул, открывая дверь, ригельный замок, но спустя мгновение веселая физиономия Черкасова снова заглянула в комнату:

— Я буду настаивать на составлении брачного контракта. Если уж вы назвали меня альфонсом, то остальные тем более так подумают. А мне вашего не надо.

И снова исчез. Снова щелкнул ригель, ставя жирную точку на визите неожиданного гостя.

— Наглец, — уже не так уверенно произнесла Ирина. И впервые за долгое время улыбнулась.

— Он вернул меня к жизни. Если бы не он, меня в тот вечер не стало бы. Не думаю, что я покончила бы с собой. Скорее всего, сердце бы просто не выдержало боли и остановилось. Или разорвалось — не так важно. Важно то, что в тот вечер мои мучения должны были завершиться. А он продлил агонию.

Замолчала, припоминая события того вечера. Она так близка была к блаженству небытия...

— Если бы он ворвался ко мне в другой день — я бы просто выгнала его. Пусть в этот день, но если бы он не удовлетворился невинным поцелуем — я выгнала бы его чуточку позже. Непременно выгнала бы. Пусть бы произошло то, что обычно происходит между мужчиной и женщиной — я не придала бы случившемуся значения. Я бы использовала его. Я его — не он меня. И мне легко было бы его выгнать. Возможно, после этого я бы оправилась от новогоднего шока, и даже смогла бы жить более-менее нормальной жизнью.

— Но он пришел в тот день, — после короткой паузы продолжила она. — Он выбрал ту тактику. Беспроигрышную. Когда утопающему протягивают соломинку — он хватается за нее автоматически, даже если не желает спасения. Так и я. Казалось бы — жизнь кончена, ничего больше не нужно. И в этот момент происходит что-то, доказывающее: ты жива! После этого должно пройти много времени, прежде чем поймешь: это был обман. Не жизнь — одна сплошная иллюзия...

Нельзя сказать, что непосильный груз с души, с сердца упал и в одночасье растворился в небытие.

Душевная боль никуда не делась. Она продолжала разъедать нутро постепенно, клеточку за клеточкой. Однако визит Черкасова оказался для Ирины своеобразным антибиотиком.

Это только в фантастических фильмах о глобальных эпидемиях, грозящих вымиранием всему человечеству, ученые в последний момент находят лекарство, и жена главного героя, приняв одну-единственную таблетку, тут же излечивается от смертельной болезни. Жизнь человеческая — не кино и не роман автора-дилетанта. В ней так быстро от смерти не излечишься.

Но главное уже произошло — Ирина приняла спасительный эликсир жизни, и тот начал победоносный марш по ее душе.

После ухода Черкасова ей впервые за последние недели захотелось посмотреться в зеркало. Что он говорил о поплывшем макияже? Увидела собственное отражение и ужаснулась. Что макияж? Снял, и порядок. Но как снять с лица усталость? Несмотря на отсутствие морщинок, оно, кажется, конкретно позабыло о том, что ножом хирурга ему велено помолодеть на десяток лет.

Она словно впервые за прошедшие после операции полтора года увидела свое лицо. Глупости, конечно: Ира смотрелась в зеркало по несколько раз в день. Но оценить ущерб смогла только после визита Черкасова. Лишь теперь сообразила, что блестящие результаты труда пластического хирурга понесли невосполнимый урон, и если не предпринять немедленных действий, будет поздно — процесс станет необратимым. Лишь теперь поняла, что, оказывается, ей на это еще не наплевать, что еще хочется хорошо выглядеть, хочется кому-то нравиться.

Кому-то? Неуместная деликатность. Ей хочется нравиться конкретному человеку. Как ни прискорбно, мужу — бывшему мужу — она уже не нужна. Это очень больно. Но, кажется, не смертельно. Однако есть на свете еще как минимум один человек, в чьих глазах Ирине хотелось бы видеть свое великолепное отражение.

И пусть этот человек молод, пусть! Так даже интереснее. Завоевать сердце ровесника — невелика заслуга, хотя и это не всегда легко сделать. А в ее-то сорок один, да влюбить в себя двадцатипятилетнего мальчишку — вот это подвиг, это ли не станет подтверждением ее женских чар?

Конечно, мальчишка никогда не сможет заменить ей семью: Сергея и Маришку. Но последняя надежда на примирение с любимыми умерла не далее, как сегодня утром. Скончалась, не приходя в сознание, даже сама возможность остаться хотя бы приходящей, воскресной, мамой. Настоящей семьи у нее уже никогда не будет — ее место там заняла Трегубович. Как

Сергей мог допустить это? Он ведь терпеть не может Лариску!

Ирине не остается ничего иного, как попытаться заменить настоящее чувство суррогатом любви. Пусть так, пускай рядом будет нелюбимый — лишь бы не было этой отвратительной пустоты вокруг!

Не обязательно любить самой. Недаром говорят: из двоих обычно любит один, второй снисходительно позволяет себя любить. Что ж, пусть Ира будет этой второй — она позволит мальчишке любить себя.

Нет, это невозможно! Ему всего двадцать пять. Разница в возрасте — безумных шестнадцать лет. При известной доле фантазии Ирина могла бы быть его матерью.

И пусть, пусть! В конце концов, не собирается же она за него замуж. Зато она перестанет быть одна. Перестанет бояться вечеров и истерически ненавидеть выходные.

Безусловно, она даст почву для злых сплетен о себе. Но и сейчас о ней говорят много гадостей. Так какая разница? Лучше пусть говорят о том, что она обзавелась юным любовником, чем о том, что ее бросил муж. Пускай сплетницы сами попробуют заиметь себе такого поклонника.

Пусть завидуют, пусть! Пусть рядом будет, кто угодно — хоть малолетка, хоть пенсионер. Только бы не быть одной. Только бы ее отпустило это страшное когтистое чудовище под названием Одиночество.

Ирина достала маску-скраб. Пора восполнить причиненный лицу ущерб.

Следующим утром Трегубович опоздала на целый час. Ворвалась фурией в кабинет начальницы, 'извинилась' с торжествующей улыбкой на физиономии:

— Ах, Ирина Станиславовна, простите за опоздание! Больше такого не повторится. Вы же сами знаете, каково это — приемы устраивать среди рабочей недели. Этих гостей пока выпроводишь... Не будешь же выгонять? Особенно, если гости — будущий зять и родители мужа.

Прищурившись, взглянула на Ирину. Наверняка мечтала увидеть на ее лице растерянность или ненависть. Но Ира больше не позволит тебе торжествовать, не дождешься!

Помедлив секунду-другую, Лариска с удвоенными усилиями принялась терзать израненное Ирино сердце:

— Да, муж пока еще гражданский. Но уж вы-то, Ирина Станиславовна, лучше других знаете, что штамп в паспорте ничего не гарантирует. Вот был у вас штамп. И что? Сильно он вас от развода спас?

Чтобы не выплеснуть на секретаршу все мерзкие слова, имеющиеся в русском языке, Ирина сжала губы.

— Не это главное, дорогая моя, — менторским тоном произнесла Трегубович, явно издеваясь над начальницей. — Главное — любовь! Когда она есть — никакой штамп не нужен. А с этим у нас с Сережиком все в порядке. Вы бы порадовались за подругу, Ирина Станиславовна, а? Чего молчите-то?

Очень хотелось вырвать шикарные Ларискины волосы прямо с корнями, выцарапать эти торжествующие маленькие глазки. Пожалуй, вчера Ира не смогла бы отказать себе в этом удовольствии — набросилась бы на гадину, не задумываясь о последствиях.

Но Лариска просчиталась — сегодня перед нею была не та Русакова, не вчерашняя. Пусть выглядит так же — но это уже другой человек.

Голос подчинился Ире, не дрогнул:

— Не в вашем положении опаздывать, Лариса Моисеевна. Семейные проблемы оставьте при себе. А опоздание на час — административное нарушение. Официально предупреждаю: позвольте себе опоздать еще раз хотя бы на пять минут — будете уволены за систематическое нарушение трудовой дисциплины. Как секретарь, подготовьте приказ с выговором и предупреждением о тяжелых последствиях повторного опоздания, в двух экземплярах. На одном из них распишитесь в получении предупреждения. Все, я вас больше не задерживаю, идите работать.

Ларочка опешила. Не того она ожидала.

Ирка ведь должна горячими слезами умыться. Или визжать от бессилия на худой конец. А у нее ни один мускул не дрогнул, будто в самом деле наплевать.

Или и правда наплевать? У нее мужика уводят, дочку единственную, а этой хоть бы хны. Ну да, Ларочка всегда догадывалась, что Ирка — фальшивая сволочь!

Эх... Мало того, что не удалось уесть Ирку. Вместо торжества справедливости Ларочка серьезно подставила саму себя. Двух выговоров за опоздание формально будет достаточно для увольнения — на сей раз вполне законного.

Вот же ж блин, что ж такое? Кругом одни обломы! Сергей вчера все ее надежды превратил в прах — импотентом оказался, сволочь! Был бы мужиком — разве б отказался от шары? А теперь эта гадюка новым увольнением угрожает.

Много лет Паулина ждала возможности уйти от ненавистного мужа. Но возможность эта никак не подворачивалась. Они без конца переезжали с места на место, меняя гарнизоны. Из Иркутска в Хабаровск, оттуда на Камчатку. Потом опять Сибирь, Урал.

И никогда они не жили в городах. Города в их жизни представляли лишь вокзалами. Основная жизнь проходила в гарнизонах. Именно из-за этого Паулина не могла уйти от Николая. По крайней мере, ей нравилось так думать.

Ну как она без его помощи могла добраться до вокзала? Ладно бы одна — куда ни шло, можно рискнуть уехать на попутке или рейсовым автобусом. Но с вещами, с Вадиком? Разве ж она дотащит все их с сыном пожитки до дороги? А если и дотащит — кто даст гарантию, что она сходу поймает попутку? Что удастся взять билет на первый же проходящий поезд до Москвы. Если не повезет — это что же, тащить чемоданы обратно в гарнизон? Определенно, судьба над нею издевается, ни разу так и не предоставив возможности сбежать.

На самом деле все было не совсем так. Гарнизоны, попутки, вокзалы — ерунда, а не причина.

Причина крылась глубоко внутри Паулины. Настолько глубоко, что сама она вряд ли понимала ее.

Она боялась.

Боялась возвращаться в Москву. Это в гарнизоне она может жить под маской Паулины Черкасовой. Жить бесцветно и незаметно для окружающих. В Москве она может быть только Паулиной Видовской — яркой, знаменитой, всеми любимой и желанной.

Но Видовская канула в лету. Паулина слишком долго выжидала, когда забудется скандал. Он-то забылся, да. Но вместе со скандалом забылась сама Видовская. А начинать заново уже поздно. Николай во всем виноват! Он поломал ей жизнь!

Еще больше возвращения в Москву она боялась мужа. Боялась вызвать его гнев. Боялась побоев. Но больше не их самих — Николай никогда не бил ее сильно. Скорее, обозначал удар. Цель была не сделать Паулине больно, а унижить ее, указать на место. Унижений она и боялась. Но, боясь, не могла решиться на что-то кардинальное. Приятнее было думать о побеге: когда-нибудь она непременно сбежит! Но сбежать на самом деле? С чемоданами, с Вадиком? Вот если бы Николай заказал для них машину...

Несмотря на однозначное недовольство жизнью с мужем, Паулина, тем не менее, оставалась с ним. Злилась, ненавидела его, но... То ли назло ему,

то ли назло самой себе, то ли таким образом привлекая к себе его внимание, она раз за разом делала все ему наперекор. Будто находила странное удовольствие в семейных скандалах. И в этой от него зависимости. В унижениях. В безболезненных побоях. В бесконечных сексуальных истязаниях, когда так приятно скорчить гримасу отвращения, с наслаждением тыча в единственную болезненную точку мужа.

Оказалось, зависеть от кого-то — не так уж плохо. Теперь Паулина ни за что не отвечала. Не нужно было думать о чем-то, кроме как жалеть себя. Повседневностью пусть занимается Николай — ей некогда думать о глупостях. У нее жизнь разрушена — она должна думать об этом.

Ради него она бросила сцену. Ради этого мужлана, солдафона! Она была Паулиной Видовской, а кем стала? Офицерской женой, в которой никто не узнает бывшую знаменитость.

Месть доставляла ей невероятное удовольствие. Возможно, именно из-за нее она до сих пор оставалась с этим мужланом.

Самая главная месть, на которую только способна женщина — секс. Для Николая он очень важен — Паулина поняла это сразу, когда он только появился на ее горизонте. Столько чувств он вкладывал в бранные по сути слова, что можно было не сомневаться: именно от ее постельных умений и потерял голову. Значит, лучшей мезтью ему будет холодность. Отказывать ему в близости она не станет — это было бы слишком просто. Вот отвечать холодностью на его пылкость — самая изощренная месть.

Сама она к сексу была равнодушна. В былые времена относилась к нему вполне лояльно — но тогда в моде была свободная любовь, так что Паулина, вся из себя такая модная, вроде как вынуждена была получать от секса удовольствие.

Хотя... Она не всегда лишь демонстрировала это удовольствие. Иной раз и в самом деле получала. Но получала весьма своеобразно: не в момент близости, а просыпаясь поутру с незнакомым человеком. Это, мягко говоря, бодрило — никогда не знаешь, какой сюрприз тебя ждет, когда откроешь глаза. Когда-то сюрпризом оказался Николай. На ее несчастье.

Нет, мужа она определенно не любила. Хам, мурло, солдафон, а иногда и просто скотина.

Впрочем, днем она редко размышляла о незадачливой своей судьбе. Днем все было нормально: утром ненавистный муж уходил на службу и крайне редко появлялся раньше десяти вечера, что вполне устраивало Паулину. Пока сын был в школе, занималась хозяйством, получая от этого некоторое удовлетворение: это ее дом, она тут хозяйка!

Потом приходил Вадик, и жизнь вообще казалась подарком судьбы.

Неужели когда-то она не желала его рождения? Быть не может! Это ей привиделось, не иначе. Вадичка — ее жизнь, ее смысл, ее бог. Ее Вадичка.

Мальчик рос послушным и ласковым. Николай зашугал сына так, что не было нужды заставлять того делать уроки. Вадик быстро смекнул, что проще выучить урок, чем терпеть тяжелую отцовскую руку.

Да и память у мальчика была замечательная. Школьные предметы давались с легкостью. Он не столько учил уроки, сколько занимался самоусовершенствованием — даже не зная еще смысла этого слова.

Мог часами выработать каллиграфический почерк, многократно выписывая одну букву различными способами и оставляя на вооружении самый красивый вариант. По несколько раз переписывал домашнее задание, добиваясь идеального исполнения — ошибки, помарки или банальная небрежность воспринимались им как личное оскорбление.

Позже, когда в школе появились предметы, требующие определенных графических навыков — геометрия, физика, химия — он с видимым удовольствием вычерчивал всевозможные схемы и графики. У Вадима имелся целый набор деревянных линеек и лекал, которые он подолгу перебирал в руках, решая, которой из них стоит воспользоваться в каждом конкретном случае. Пластмассовые принадлежности не использовал: от них уже нанесенные линии могли размазаться, а грязь в тетради была для него абсолютно неприемлемой. Образно говоря, он, как Кай в гостях у Снежной Королевы, часами мог выкладывать из ледышек слово 'Вечность'. А мама часами же могла любоваться сыном, увлеченным любимым делом.

Паулина никогда не работала. Не из-за лени, хотя и не могла даже представить такую ситуацию, когда ей пришлось бы чем-то профессионально заниматься, кроме пения.

Но пение, увы, осталось в далеком прошлом. А потому она, не скрывая удовольствия, с чистой совестью сидела дома, прикрывшись уважительной причиной: приличной работы для женщин в гарнизоне не найти.

Дома хорошо: дома любимый сыночек. Вадичка. Вадюша. Когда он приходил из школы, Паулина словно просыпалась от зимней спячки. Порхала вокруг драгоценного сыночка, кормила не чем попало, а непременно чем-то изысканным. Даже если и готовила из обычных продуктов, то блюдо в обязательном порядке должно было выглядеть нарядным, и подано, как в лучших аристократических домах. Стол накрывался, как в ресторане, с полной сервировкой: тут тебе и белоснежные крахмальные салфеточки в ажурном серебряном зажиме, и целый набор тяжелых мельхиоровых приборов с затейливой головкой. Посуда непременно сервизная, фарфоровая — никакого фаянса, ни в коем

случае! Вадик должен воспитываться в лучших традициях интеллигентных семей. И окружать его должна лишь исключительная красота.

Пока мама прибирала после обеда, мальчик полчаса отдыхал с книгой в руках. После этого они вместе садились за уроки. Не было ни малейшей необходимости сидеть над Вадиком и силой заставлять его делать домашнее задание, или следить за тем, чтобы он выполнил его аккуратно и правильно — иначе он и не умел.

Это была традиция: мама непременно должна быть рядом с сыном. Паулина с удовольствием наблюдала, как мальчик пишет упражнение по русскому языку или решает задачки. Как ровными рядами из-под его руки выходят слова и предложения, или же столбики цифр, или схемы, рисунки. Наблюдала, непременно хвалила едва ли не каждую минуту, периодически целуя в щечку или в губы, нежно и одобрительно поглаживая сыночка по спине.

После письменных уроков они приступали к устным, слившись щеками в единое целое над учебником, и вместе зачитывая вслух заданные параграфы. После этого Вадик становился перед мамой в центре комнаты и декламировал выученный урок. Не для того, чтобы доказать маме, что он все запомнил. Это была репетиция перед завтрашним выступлением в классе. Он репетировал не только содержание ответа, но и осанку, и выражение лица, и интонацию в том или ином месте пересказа, выделяя самые важные моменты.

Паулина слушала внимательно, подсказывая время от времени, где именно, на каком факте лучше сделать упор, как выделить его: просто голосом, интонацией, или, может, кивком или гневным взглядом, если по теме следовало осудить историческую личность за коварство или скудоумие.

Когда с уроками было покончено, Паулина окончательно хвалила сына смачным поцелуем в губы, что означало переход к следующему этапу распорядка дня. Учебники и тетрадки уже отдыхали в портфеле или на полке, а Вадим с мамой начинали заниматься собой. Раздевшись до пояса, прятали волосы под эластичными повязками, и приступали к игре в красоту — именно так называла это действие Паулина.

Вадик обожал эти игры. Ничто не сближало их с мамой так, как игры в красоту.

Первым делом они очищали кожу: мама — специальным молочком, Вадик — глицериновым мылом, тщательно взбитым в густую стойкую пену. После этого на кожу лица и груди накладывались самодельные

питательные кремы. Чаще всего в ход шла сметана с полезными для кожи добавками, летом — с фруктами. Смесь долго взбивалась миксером, увеличиваясь в объеме и насыщаясь кислородом. Мама щедро мазалась ею до самого пояса. Так щедро, что маска едва не капала с нее.

Дальше начиналось самое интересное — массаж. Самая полезная полезность, по словам мамы. И просто очень веселое занятие по разумению Вадика.

Стоя на полу, мама усиленно терлась лицом о лицо Вадика и грудью о его торс. Именно от этого, утверждала она, грудь ее, несмотря на роды и долгое кормление, до сих пор выглядела девичьей.

Массаж был не только полезным и приятным, но и очень смешным мероприятием. Несколько минут они, хохоча и взвизгивая от удовольствия, возились, терлись друг о друга всеми частями тела. Под конец такого массажа даже их спины оказывались выпачканы сметаной.

После этого они принимали душ, опять же веселясь и пощипывая друг друга. Сначала мама отмывала чумазого сына. Потом Вадим нежно смывал с нее остатки сметаны. Под детскими ладошками расцветали нежные мамины соски. На мгновение она застывала, после чего смеялась низким, каким-то чужим смехом, и говорила всегда одну и ту же фразу, которую Вадик знал назубок, но все равно с нетерпением ожидал этого момента. Еще и еще раз, вчера, сегодня, завтра. Всегда, каждый день его жизни это будет повторяться: скользкая под руками жирная кожа маминой груди, вспухшие соски, задержанное на миг дыхание, короткий мамин смех и глубокий, взволнованный голос, выдававший смущение чувств сквозь нейтральную фразу:

— Привыкай, сынок, о красоте заботиться. Красота — она быстро проходит...

Не замечала Паулина, что сыну уже почти двенадцать, что не у нее одной дух захватывает от такого 'массажа'. Упорно не замечала, что не только у нее самой соски вспухают — организм сына тоже реагирует на их 'игр в красоту'.

Не замечала. Не до этого было.

До мелочей ли, когда дух захватывает от удовольствия?

Странное дело — невзирая на еженочные старания, Николаю не удавалось добиться того, чего с такой легкостью добивался его сын. Детская ладошка оказывала на Паулину куда более мощное воздействие.

Вытягиваясь от удовольствия в струну, застывая в неудобной позе, она понимала, что вообще-то это nepoтpeбcтвo. Опасаясь, что и сын это

поймет, прикрывалась отговоркой: мол, слишком уж быстро красота проходит, нужно тщательно о ней заботиться, чтобы раньше времени в старуху не превратиться. А потом старалась перевести все в шутку, насмешить Вадика, чтобы он не концентрировался на ее маленькой шалости.

Он еще маленький, он все забудет. Пока маленький — можно. Он ведь даже не понимает, что происходит. Что делать, если у отца — руки-крюки? Не может же она совсем забыть о себе!

Это же ее сын. Она тоже делает ему приятное. Паулина же видит, как ему приятно, когда она моет его под душем. И пусть Вадик уже достаточно самостоятельный и умеет мыться сам. Что зазорного, если мама ему поможет? Тем более что это приятно им обоим. А потом Вадик поможет ей. И это тоже будет приятно обоим. Приятное не может быть зазорным. По крайней мере, пока сын маленький.

После душа они занимались маникюром. Паулина весело смеялась, наблюдая за неловкими манипуляциями Вадика со специальными щипчиками. Сначала делала ему маникюр сама, потом некоторое время материнское сердце обливалось кровью, когда сын нечаянно обрезался до крови. Но все более ловкими становились движения Вадика, все лучшего результата он достигал. И руки его были столь же ухоженными, как и лицо. Ногти аккуратно подстрижены, заполированы так, что и без лака отсвечивали благородством.

А когда освоил сынок эту науку, Паулина стала учить его азам педикюра. Чтобы не делал себе больно, позволила учиться на своих ногах. Как водится, не обошлось без порезов и мелкого кровопролития, однако руки у Вадика были ловкие и нежные, и скоро Паулина уже не морщилась от боли, а тихонько балдела от наслаждения, когда ласковые детские руки массировали ее ступни, втирали крем в пятки, нежно мяли пальчики и подушечки: то поглаживая, то щекоча.

Вадика эти занятия тоже доставляли удовольствие — Паулина не сомневалась в этом. Он никогда не спешил поскорее покончить с педикюром. Каждый ее пальчик обрабатывал долго, сосредоточенно. Изредка, слегка поранив щипчиками нежную кожицу кутикулы, он зализывал ранку языком — мама еще в раннем детстве открыла ему секрет: слюна — лучшее заживляющее средство.

А потом приходил вечер, а вместе с ним на пороге появлялся хмурый отец.

Мамино лицо в одно мгновение прекращало светиться счастьем.

На этом волшебство заканчивалось, и Вадик отправлялся в постель. Но сон редко приходил сразу.

Вадим мучительно прислушивался к ритмичному поскрипыванию кровати за стеной. И обливалось кровью детское сердечко...

Возбужденное сыновней ревностью воображение рисовало картины кровавой расправы над отцом, подлым насильником любимой матери.

И плакал мальчишка, давясь горькими слезами, пряча слезы в подушку.

И упорно билась мысль в висок, не находя выхода: 'Гад, гад, что же ты делаешь?! Она же моя!!!'

Ларочка упивалась яростью.

Подлец, сволочь! Он отказался от нее! Побрезговал. Унизил отказом.

А ведь она не просила ничего особенного. Да любой нормальный мужик только счастлив был бы! Кто в здравом уме откажется от халявы? Кто?!

Разве что импотент. Но это ж глупость несусветная — Русаков, и вдруг импотент. Черкасов — почему нет? Очень даже да. Но Русаков?!

Она, правда, так и подумала сначала: как пить дать — импотент.

Но это со злости. Потому что отказался, сволочь. Вот именно — сволочь! Но не импотент: она ведь сама, собственными руками, да что там руками — всем своим телом чувствовала его налитую плоть. Так что...

Так что — просто сволочь. Побрезговал. Не хочет осквернять память о бывшей жене. Ну-ну.

Ничего, еще не вечер. Этот гад еще пожалеет. Ларочка ему устроит райскую жизнь. Она умеет мстить. Кто не верит — пусть у Ирки спросит.

Русаков до конца дней будет жалеть, что посмел отказать Ларочке. Дурак какой — не столько ей отказал, сколько самому себе. Она же видела, чувствовала, как ему хотелось. Ну и дурак!

Месть Ларочка выбрала не самую затейливую, зато верную. Стала названивать Русакову по ночам, и молчать в трубку. А тот наивный идиот с перепугу решил, что ему названивает Ирина. Вот умора-то!

А Ларочка с удовольствием подыгрывала — заодно Ирку лишний раз подставит.

— Але?

— ...

— Але? Але, Ира, это ты? Ира, не молчи. Это ты?

Ларочка начинала усиленно дышать, изображая взволнованность.

Трубка замолкала, то ли слушая ее дыхание, то ли возмущенная ночным звонком. Потом сердитым голосом Сергея ругалась:

— Прекрати! Или говори, или перестань звонить. От твоих звонков просыпаюсь не только я — ты же и дочери спать не даешь! Хочешь поговорить — говори. А лучше позвони вечером. Если только нам еще есть о чем говорить.

Ночь от ночи монологи Русакова становились более гневными:

— Прекрати звонить! Ты не даешь нам спать! У тебя что, от молодого любовника крыша совсем набок съехала? Оставь нас в покое!

А Ларочка только хихикала. Она и не думала, что так легко будет настроить Серегу против Ирки. Они-то, конечно, и так уже развелись, но кто знает, какая бредовая идея взбредет в Иркину голову? Вдруг надумает мириться, просить прощения. Вдруг он простит? Нельзя этого допустить. Друзья мои, вы еще очень горько пожалеете, что не оценили в свое время Ларочку Трегубович!

Однажды ночью, в очередной раз набрав знакомый номер и намереваясь вдоволь позабавиться гневом Сергея, она услышала женский голос:

— Але?

Опаньки. Это еще что за новости? Ларочка отлично знала голос Маришки, узнала бы и голос Серезиной матери. Но это определенно была совершенно посторонняя женщина!

— Але, — повторила трубка. — Вас зовут Ирина и вы хотите поговорить с Сергеем? Должна вас разочаровать: отныне вам придется говорить только со мной. Меня зовут Евгения. Ну что? Будем говорить или дышать?

Впервые за два месяца еженощных звонков Ларочка первой положила трубку.

Неожиданный визит Черкасова ничего не изменил. Они по-прежнему оставались начальницей и подчиненным.

Человеку невнимательному могло показаться, что не происходит ничего необычного. Лишь особо пристрастный взгляд уловил бы, что не все так просто.

Жалюзи в кабинете Русаковой по-прежнему были закрыты весь день. Однако теперь иной раз Ирина забывала открыть их на время визита Черкасова.

И происходило это все чаще. Тем не менее, любопытная секретарша

после подробнейшего изучения обстановки сквозь щель в жалюзи вынуждена была констатировать: в кабинете не происходит ничего интересного. Да и после визитов Черкасова Ирина уже не выглядела выбитой из колеи. И Трегубович разочаровано выворачивала губки: фи, так неинтересно...

Ира не замечала ее разочарования. Вернее, ей было плевать на него, как и на саму Лариску. Плевать, что та думает. Плевать, что делает. Главное свое зло Трегубович уже совершила, тем самым обезвредив саму себя.

Нельзя сказать, что Ирина окончательно выздоровела. От такой боли не выздоравливают. Однако теперь она могла дышать. Не полной грудью, конечно — полной грудью она уже никогда не сможет. Но теперь она не задыхалась от боли. Она снова могла жить. Пусть в полсилы — это уже большое достижение.

Она даже выглядела лучше, чем без малого два месяца назад. По крайней мере, сама была довольна отражением. Стало приятно заниматься своей внешностью: стрижки, укладки, маски, макияж. Коль уж она не умерла — должна выглядеть живой, а не ходячим трупом.

Делала это для себя. Однако в глубине души понимала: не только для себя. Может, даже не столько для себя. Но это нюансы, которые никого не должны волновать.

Теперь визиты Черкасова в ее кабинет не пугали Иру. В некотором роде она их ждала. Не терялась в его присутствии, как раньше. Не становилась неуклюжей, роняя на пол все подряд, краснея и бледнея перед ним, как курсистка.

Они ни разу не обмолвились о том памятном вечере. Говорили лишь о работе. И вовсе не из боязни быть услышанными посторонними ушами. Просто они до сих пор были всего лишь сотрудниками.

Да, несколько недель назад один из них фактически спас жизнь другому, но стоит ли обращать внимание на такие мелочи, если можно обсудить более животрепещущие вопросы? Например, как повысить эффективность рекламы? Сколько процентов от прибыли имеет смысл вкладывать, дабы реклама или PR-акции приносили ожидаемый результат, но не съедали лишних денег. Какой процент рекламного бюджета пустить на телевидение, какой на печатную продукцию, а что пустить на биг-борды, и какой из этих вариантов, в конце концов, наиболее эффективен?

С языков слетали производственные фразы, а глаза жили своею жизнью. Диалог шел постоянно, но сугубо на визуальном уровне: многозначительные взгляды, мимика, жесты:

— Вы сегодня великолепно выглядите, Ирина Станиславовна!

— Знаю, Вадим Николаевич. Все равно спасибо.
— Как провели вчерашний вечер, Ирина Станиславовна?
— Замечательно!
— А не было ли вам скучно? Не было ли одиноко?
— Что вы, дорогой! В одиночестве есть свои прелести — никто не мешает смотреть любимый фильм, или предаваться фантазиям.
— Не обо мне ли были ваши фантазии, Ирина Станиславовна?
— Ах, Вадим Николаевич, как вы самоуверенны! Нет, дорогой, не о вас.
— Сдается мне, вы не вполне искренни. Что-то подсказывает, что в ваших фантазиях мне было уделено немало времени и места.
— Вы можете только догадываться об этом. А ответа от меня не получите: ни да, ни нет. Так и будете всю жизнь сомневаться: думаю ли я о вас. Скорее нет, чем да!
— Не верю, Ирина Станиславовна. А не поужинать ли нам вместе? Как вы на это смотрите?
— Смотрю положительно, Вадим Николаевич, но издалека.
— Это как, Ирина Станиславовна?
— Подрастете — поймете. А пока никак.
— Тогда, быть может, мне неожиданно нагрянуть к вам в гости? Как в прошлый раз?
— Нет, Вадим Николаевич, как в прошлый раз не надо.
— Тогда, может, немножко иначе?
— Интересная идея, Вадим Николаевич. Но давайте не будем спешить. И они не спешили.

Многочисленные исследования ученых показали, что при разводе мужчины испытывают гораздо больший стресс, нежели женщины. Хотя всю жизнь было принято считать иначе.

Сергей на собственной шкуре смог прочувствовать, что это такое — развод.

Разводы бывают разные. Иногда их причиной становится материальный недостаток: тот самый случай, когда мужик элементарно не в состоянии прокормить семью. Оно то, конечно, грош цена такому мужику, хотя Русакову всегда было интересно: и что, без горе-супруга женщине будет легче в материальном плане? Раньше муж приносил в дом всю зарплату, которой и так не хватало. Теперь же, после развода, она будет получать лишь четверть от его крошечной зарплаты, а траты останутся

прежними. Да еще придется покупать телевизоры-холодильники взамен отошедших по суду горе-мужику. В чем выгода?

Бывает, жена подает на развод из-за неверности мужа. Это уже серьезная причина для развода. Тут Сергей был вполне солидарен с инициаторшей такого развода: все правильно, не умеешь удовлетворяться одной женщиной — не женись. А уж коль женился, но без приключений жить не умеешь — будь добр, 'приключайся' так, чтоб жена ни о чем не догадалась.

Бывает, мужья сами подают на развод из-за неверности жены. В этой печальной когорте оказался Русаков. Теперь он познал на своей шкуре — каково это узнать, что самый родной человек предал так подло, так низко. Ничего хорошего Сергею этот опыт не дал, одну сплошную боль и потерю веры в человечество.

Предательство — это всегда больно. Сергея же Ира предала дважды: изменив с малолеткой, и обманывая его в течение нескольких лет. Кто знает, может, этот малолетка и не был первым? Ведь зачем-то ей понадобилось быть на предыдущих сабантуях без мужа? Значит, предательство началось еще тогда, и он все это время, как последний идиот, носил на себе ветвистые рога?

Предала... Все ложь и обман. Вот для чего ей понадобилась пластическая операции. Вот для кого омолаживалась. Молодежный период... Как это пошло!

А еще про мужиков говорят: седина в бороду, бес в ребро. А как то же самое сказать про женщин, если бороды у них нет, а седину закрашивают, чтобы вешать лапшу на уши зеленым пацанам?

А им, пацанам этим, что — ровесниц не хватает? Им-то зачем нужны бабы в два раза старше их самих? Неужели они, старые, слаще молоденьких? Тогда чего пятидесятилетние мужики на молодых девок кидаются, как с голодухи?

Как все это сложно. И как больно, Господи!

От коллег развод скрыть не удалось. Мужики деликатно молчали, не рвали душу вопросами. Это бабы любят посудачить, перемыть косточки всем подряд, дай только повод. Мужики народ серьезный. Да и некогда языками плескать — работы непочатый край.

Иной раз Русаков засиживался с ребятами в пивнушке. Однако палку не перегибал: нарвался однажды на укоряющий Маришкин взгляд — надолго хватило. До сих пор вспоминать стыдно. Оно-то конечно, шары заливши, вроде как перестаешь ощущать боль. Но утром она возвращается, прихватив за компанию похмельный синдром.

Да и не выход это — горе в водке топить. Что тогда Маришке делать? Тоже к бутылке присосаться?

Нельзя рассупониваться. Надо взять себя в руки и терпеть. Больно, но надо терпеть. Говорят, время лечит. Интересно, сколько времени должно пройти, прежде чем Русакову хотя бы самую малость полегчает?

Время шло, а легче не становилось. Уже и Лариску, вечно своей противной физиономией напоминающую об Ирине, из дому выгнал — а оно не легче. Эх, Иришка, зачем же ты змею эту на груди пригрела? Она же все эти годы только об одном и мечтала — как к Сергею в штаны забраться, как семью их разбить.

Вот и разбила. Не без Ириной помощи. Наверняка все знала с самого начала, с самой первой измены. Наверняка все Иркины художества на ее глазах развивались. А та молчала до поры до времени. Выжидала, когда подруга завяжет во лжи по самый хвостик, тогда и нанесла смертельный удар. Удар по их семье.

Без Лариски стало чуть-чуть легче. Самую малость, но все же легче. По крайней мере, никто теперь не отвлекал Сергея от мыслей и воспоминаний.

Маришка закрывалась в своей комнате и занималась там неизвестно чем. Девочка сильно изменилась, стала замкнутой и озлобленной. Немудрено после таких-то событий. В одну ночь, самую, казалось бы, праздничную в году, потерять сначала мать, а через несколько часов стать свидетельницей мгновенной смерти бабушки.

Бедная девочка, как она это пережила? Как долго останется в ней пережитый стресс? Какие изменения и проблемы он породит? Наверняка этот шок изменит Маришкин характер. И вряд ли в лучшую сторону. Юность эгоистична и жестока сама по себе. А тут не кто-то посторонний — родная мать под дых ударила. Эх, Ирка-Ирка...

Постепенно Русаков стал ловить себя на мысли о том, что чаще обычного поглядывает в сторону Женьки. Не без инициативы с ее стороны, конечно. Первое время не до нее было, не замечал ее призывных взглядов. А вот поди ж ты — таки обратил внимание. Видать, жизнь и вправду свое берет.

Женька — она симпатичная. Но не в лице дело: мало ли симпатичных вокруг? Было в ней что-то такое...

Раньше Сергей не позволял себе в ее сторону поглядывать — тогда у него была Ирина. А теперь-то уж чего? Теперь можно.

Что подкупало в Женьке — так это ее немногословность. Молчит себе,

в душу не лезет. Только смотрит как-то особенно, и все проблемы будто растворяются. Пожалуй, 'растворяются' — слишком громко сказано. Но кажутся не такими всеобъемлющими, что уже немало.

И взгляд такой интересный: вроде чуть насмешливый, но больше домашний, теплый.

Или это только кажется? А на самом деле причина в ином? Быть может, все проще? Как там Лариска говорила: 'Физиология. Исключительно ради здоровья'. Пусть не дословно, но что-то в этом роде. В самую точку попала, змея. Еще бы не физиология — полгода один!

Просчиталась тогда Лариска — хоть законы природы еще никто не отменял, и человек по-прежнему с точки зрения биологии считается животным, но не до такой же степени, чтоб на что попало бросаться.

Лариска определенно относилась к разряду 'что попало'. По крайней мере, именно так воспринимал ее Сергей.

А Женька? Она как — 'что попало' или родственная душа? О душе, пожалуй, пока что говорить рано. Родственная душа — это редкость, дар небесный. Такое он испытал лишь однажды — когда Иришка ему кулаком в 'мужскую душу' заехала. Но о предателях сейчас ни слова.

Сказать так о Женьке Русаков не мог. И более нейтрально пока тоже не мог. Не разобрался в себе. Одно знал наверняка: Женька не вызывала в нем резко негативных эмоций, как, допустим, Трегубович. Может, и слабоват повод для того, чтобы присмотреться к ней повнимательнее, но другого у него нет. Разве что совсем уж непристойный: природа требует. Так требует, что взгляд Женкин необыкновенным кажется.

А может, и в самом деле необыкновенный? Время покажет. А пока, как говорила Лариска — одна сплошная физиология.

В ту ночь Маришка гостила у его родителей. А потому Сергею не довелось лихорадочно соображать, куда вести Женьку после кафе.

Среди ночи их разбудил телефонный звонок. Сергей застонал:

— Опять...

Женя встрепенулась:

— Кто это в такое время? Что-то случилось?

Русаков не спешил поднимать трубку. Телефон звонил назойливо и тревожно, разрывая ночную тишину мелодичным треньканьем.

— Ничего не случилось. Это моя бывшая взяла моду звонить по ночам и дышать в трубку. Нервы вымотала...

— Хочешь, я ее вмиг отучу?

Не дожидаясь согласия, Женька сняла трубку и подчеркнуто вежливо

произнесла:

— Але? Вас зовут Ирина и вы хотите поговорить с Сергеем?..

Два месяца длилась их молчаливая игра. Но в одну из пятниц Черкасов не покинул ее кабинет после решения производственных вопросов.

— Ирина Станиславовна, может, хватит изображать нерешительных подростков? Как вы смотрите на то, чтобы отпраздновать окончание рабочей недели?

Ирина растерялась. Было в этой игре что-то волнующее, несомненно. Но все хорошо в меру. Хотелось прогресса, обострения ситуации, а его все не было. Она даже разуверилась в том, что Черкасов когда-нибудь решится пойти дальше игры в гляделки. Взгляды взглядами, пофлиртовать — это одно, а вот более серьезные отношения не каждому, видимо, по зубам. Испугался-таки мальчик разницы в возрасте.

С другой стороны, она была ему благодарна за то, что все остается на уровне взглядов. Тем самым Черкасов берег Иру от глупостей — которых, надо сказать, она и так уже натворила достаточно.

Однако поставить точку в неначавшихся отношениях она определенно не была готова.

— Вы застали меня врасплох, Вадим Николаевич. Даже не знаю, что вам ответить. А вы что, каждую пятницу торжественно празднуете наступление уикенда?

— Не прячьтесь за словами, Ирина Станиславовна. Оставьте это слабым женщинам. Так как вы смотрите на мое предложение?

— А что вы подразумеваете под таким празднованием?

— Например, поход в небольшой уютный ресторанчик. Выпьем хорошего вина, послушаем музыку. Может быть, потанцуем...

— И это вся программа?

— Это программа-минимум.

— Значит, существует еще и программа-максимум? — Ира явно провоцировала собеседника.

— А как же! Я же маркетолог, я просчитываю каждый свой шаг, оцениваю с точки зрения желаемого результата. Или вы считаете меня плохим маркетологом?

— Что вы, Вадим Николаевич! В ваших профессиональных качествах я не сомневаюсь. Так вы не ответили: что там насчет программы-максимум?

— Вам непременно хочется знать? Ну что ж, извольте. Сегодня мы

поужинаем в ресторане. Я отвезу вас домой, доведу до квартиры — уж больно у вас подъезд ненадежный. Вы откроете дверь и будете стоять на пороге, не зная, пригласить ли меня или же я возьму инициативу в свои руки. Инициативу я возьму: я нежно поцелую вас в губы, пожелаю спокойной ночи и уйду, как ушел в первый раз. Тем самым заставлю вас волноваться, сомневаться: хочет ли он меня или нет? Если да, то почему он ушел? Если нет — ради чего он все это затевал? Этого достаточно?

Его наглая откровенность ошеломила ее.

— Ну, если это вся ваша программа-максимум, то, пожалуй, достаточно.

— Обижаете, Ирина Станиславовна! Это была программа-минимум. Вам интересно продолжение?

— А вы не боитесь, что, узнав ваши планы, я не позволю им осуществиться? Что я спутаю вам карты.

— Не боюсь. Я парень настойчивый и привык добиваться поставленной цели любыми путями, любой ценой. Так вам интересно продолжение?

Он стоял слишком близко, и Ира вынуждена была смотреть на него снизу вверх. Его рост как бы диктовал, кто в данном случае хозяин положения.

Но рост можно было бы игнорировать. А как игнорировать его слова? Почему он так откровенен? Почему не скрывает, что просчитал ситуацию наперед? Почему не опасается, что она, узнав его намерения, сломает его игру?

Как получилось, что этот наглый мальчишка заставлял ее так волноваться? А главное — что им движет? Какие цели он преследует?

Впрочем, цель всегда одна. Но если это та самая извечная цель, то почему все так сложно? Зачем он строит лабиринты — ведь можно сделать все намного проще и быстрее.

А еще в ее душе вдруг заворочался противный червячок не то страха, не то сомнения. Словно озарение: а мальчик-то непрост, ох как непрост! Пожалуй, такой способен если не на все, то на очень-очень многое. От такого лучше держаться подальше.

Но нет, не сможет она удержаться подальше. Не сможет. Этот мальчишка — единственный, кто сейчас может спасти ее от одиночества.

— Ну что ж, если вы настаиваете, — ответила она, пытаясь унять дрожь в голосе.

Черкасов улыбнулся мило, почти бесхитростно. Но его мнимая бесхитростность уже не могла ввести собеседницу в заблуждение.

— Я не настаиваю — вы сами хотели знать. Вот вам программа-максимум: этим летом мы поедem отдохнуть на юг, и в день отъезда, плескаясь напоследок в волнах, я сделаю вам предложение. Не уверен, что согласие вы дадите сразу же. Но я чертовски настойчив. Потом мы заключим брачный контракт — это, как я уже говорил, обязательный пункт моей программы, на нем я буду настаивать, чтоб никто из окружающих не посмел меня упрекнуть в материальной заинтересованности. Потом — скромная свадьба и счастливая семейная жизнь. Как вам такая программа?

Не удержавшись, Ирина рассмеялась. Забавный мальчик! Уточнила:

— А почему же свадьба скромная?

Черкасов торжественно улыбнулся, чуть приподнял левую бровь, изображая легкое удивление.

— Вас смущает только прилагательное, — он не спрашивал, он утверждал! — Против самого факта свадьбы вы, как я понимаю, не возражаете.

— Я давно знала, что вы наглец, юноша, — она рассердилась. Не любила, когда над нею насмехались. Пусть даже беззлобно. — Теперь могу добавить: весьма самоуверенный наглец. Свадьбы не будет. Ни скромной, ни шумной. Как не будет и поездки к морю. Но объясните мне, почему вы планировали именно скромную свадьбу?

— Все просто. Во-первых, вы уже были замужем и вряд ли нуждаетесь в большом празднике, как если бы выходили замуж впервые. Во-вторых, вы непременно будете стесняться разницы в возрасте, а потому не захотите иметь много зрителей, обсасывающих подробности. В-третьих, вряд ли вам будет приятно иметь в свекровях почти ровесницу, и я не уверен, что это не отразится на вашем настроении. Потому сразу предлагаю организовать скромную свадьбу, на которой будут присутствовать только свидетели. Ну и мы, разумеется. Никаких гостей. Мои родители не станут исключением. Конечно, я предварительно представлю вас им, но в свадебной церемонии они не будут участвовать.

— Вы не просто наглец, Вадим Николаевич. Вы еще и хам! Указывать женщине на ее возраст может только крайне невоспитанный человек! — он разозлил ее окончательно. Но какие смелые строит прожекты?

Черкасова ее гневная тирада не взволновала. Он чуть склонил голову, сложив ладони вместе — ни дать, ни взять китайский болванчик — и смиренно проговорил:

— Или крайне близкий. Каюсь. Я бы никогда не позволил себе намеков на ваш возраст, если бы не имел окончательных намерений в отношении вас. А потому воспринимаю это не как дерзость, а как

констатацию факта. Я ведь давно об этом думаю. Естественно, не однажды вспоминал о разнице в возрасте. Не знаю точно, сколько вам лет, и, честно говоря, мне на это плевать. Меня бы даже обрадовало, если бы вы были постарше.

— Это уже слишком. Юный мерзавец!

— Хам! Вон из кабинета!

— Вы неправильно поняли, Ирина Станиславовна. Или, скорее, я неправильно выразился. Я не имел в виду, что вы выглядите на пятьдесят. Это же абсурд — посмотритесь в зеркало. Я сожалею о том, что вы недостаточно... эээ... скажем так — старше меня. То есть я подчеркиваю: меня не пугает разница в возрасте, меня лишь огорчает, что она недостаточно существенна.

Шутит? Или издевается? Не похоже ни на то, ни на другое — в глазах ни намек на смех. Значит, по Черкасову психушка плачет? Такой молодой, а уже... У-уу... Жалко парня.

— Вы страдаете геронтофилией? Вас возбуждают бойкие старушки? Или лучше, чтобы они были уже не слишком бойкими, а покоились на печальном одре?

— Вы еще себя причислите к старушкам! Не передергивайте мои слова. Я ревнив, а вы слишком молоды и красивы для того, чтобы я мог расслабиться. Мои планы в отношении вас крайне серьезные и долговременны. Я не собираюсь жениться на вас на год или на два, чтобы потом искать себе жертву помоложе...

— Или постарше.

— Или постарше! — легко согласился Черкасов. — Я настаиваю на том, что мне никогда не понадобится другая женщина, кроме вас. Неважно — сейчас, или через двадцать лет. Я однолюб, Ирина Станиславовна, и воспринимаю это, как данность. Так вот, в моей жизни существуют и будут существовать до моего последнего вздоха две женщины: моя мама и вы! Я очень люблю свою мать и искренне надеюсь, что вы с нею поладите. Кстати, вы очень на нее похожи, только моложе. На этом давайте закончим препирательства. Я изложил вам свою программу-максимум, которую вы желали услышать, и будьте уверены — выполню ее, чего бы мне это ни стоило. Я уже говорил — я всегда добиваюсь цели. Поймите и примите это, как факт, от которого вам никуда не деться. Карты я раскрыл не из бахвальства — для того, чтобы вы знали, что вас ожидает в будущем, и морально готовили себя к тому, что я стану вашим мужем. Так что, мы ужинаем сегодня?

Она была права. Он наглец, болван и напыщенный индюк.

Самонадеянный до полного отвращения. Все-таки нужно доверять первому впечатлению.

Не позволил ей погибнуть в тот жуткий вечер — спасибо. Больше ваши услуги не требуются, вы свободны, юноша!

— Кто поужинает, а кто и посмотрит. Вам не в ресторан надо, а к доктору.

Целый вечер Ира просидела одна, сердито уставившись в экран телевизора и даже не пытаясь вникнуть в смысл фильма.

Мальчишка, наглец! Он уже все расписал по полочкам. Без нее! Сам решил, сам женился. Никуда она с ним не пойдет! И уж тем более не поедет ни на какой юг. Об этом и речи быть не может. Он болен, он псих. Ему в психушке самое место!

Однако в следующую пятницу, бесконечно удивляясь самой себе, почему-то приняла приглашение.

И был ресторан. И было хорошее вино. И была музыка.

А потом...

Потом, как и обещал Черкасов, он проводил ее до самых дверей. Поцеловал так, что заныло где-то под ложечкой. Пожелал спокойной ночи.

И ушел.

Все, как и обещал.

А Ирина до утра вертелась с боку на бок, пытаясь понять, что же с нею происходит.

Зачем она приняла приглашение этого мальчишки, зная наверняка о его планах? Зачем, зачем? — корила она себя. Вместо того, чтобы окончательно разозлиться на него, вычеркнуть из своих мыслей, поставив жирный крест на его программе-максимум, вновь и вновь вспоминала его долгий страстный поцелуй.

Не только выходные, но и вся следующая неделя вплоть до очередной пятницы была отравлена воспоминаниями и, кажется, сожалениями о непроизошедшем.

Всеми фибрами души Ирина желала помешать дальнейшему претворению программы Черкасова в жизнь.

Однако каждую маленькую битву за каждую маленькую безымянную высоту она с треском, безнадежно проигрывала.

К ее ли сожалению, или к нескончаемой ее, но тщательно скрываемой от самой себя радости, пока что события разворачивались последовательно,

согласно проклятой этой программе. Будто по нотам.

Уже несколько раз они ужинали вместе. Иногда в ресторане, иногда у Ирины дома. Но ни разу еще Вадим не переступил границы дозволенного. Вел себя, как близкий друг, как поклонник, но ни в коем случае не более.

До сих пор их отношения ограничивались лишь некоторыми не совсем безобидными ласками, но той, заветной грани, они все еще не переступили. Причем Ирина вовсе не была уверена в том, что это ее доблесть. Иногда даже злилась на слишком щепетильного поклонника. Не потому, что он так долго не переступал эту грань. Не потому, что ей самой ужасно хотелось ее переступить, поставив тем самым их отношения на новую ступеньку.

Она злилась, потому что не она, а именно Вадим стоял на страже заветной грани. Не Ирина одергивала его, не позволяя заходить чересчур далеко, а он в момент, когда она уже готова была возразить против слишком настойчивых ласк, буквально на мгновение опережал ее. Переходил к обсуждению погоды ли, очередной ли голливудской экранизации бессмертной 'Анны Карениной', или еще чего-то столь же далекого от происходящего здесь и сейчас.

Какая-то секунда — и смысл перевернут с ног на голову! Будто не Черкасов Иру, а она, распутница этакая, пыталась соблазнить скромного мальчика из хорошей семьи.

Ведь это она хотела остановить его! Она!

Но он неизменно опережал ее на какое-то мгновение.

Ира боялась Черкасова.

Боялась, конечно, не его самого. Ее пугало то, как много места в ее жизни он стал занимать.

Ее чувства по отношению к нему можно было выразить фразой 'и хочется, и колется'.

Ей, несомненно, льстило его внимание. А его настойчивость и приверженность намеченному плану подчеркивали, что он воспринимает ее не как временную забаву для пополнения коллекции. Что имеет он на нее более чем серьезные виды.

Но это же и пугало. Эти страшные, неотвратимые шестнадцать лет разницы не были для нее пустым звуком.

Черкасов уже не казался ей выпендренным, вылизанным и чересчур красивым, производившим отталкивающее впечатление безоговорочным физическим совершенством. Ирина отдавала должное его красоте, чрезмерная ее неестественность уже перестала ее раздражать.

Теперь Вадим казался ей милым мальчиком, и все чаще она ловила

себя на мысли, что ей хочется назвать его не Вадимом, а Вадиком.

С ужасом стареющей женщины понимала, что он для нее слишком, до неприличия молод, и безмерно комплексовала из-за этого. Но в то же время это добавляло некоторого шарма, клубнично-перечной изюминки в их отношения. Он нравился ей, как мужчина: не каждый умеет одними руками заставить трепетать женщину. В то же время где-то глубоко внутри себя Ира чувствовала еще и материнскую нежность.

Все это было очень сложно. И страшно.

До безумия страшно было Ирине брать на себя ответственность за эти отношения. Но Черкасов вел себя именно так, как должен вести себя будущий супруг: корректно и уверенно, не позволяя хотя бы на миг усомниться в уже близком совместном будущем. Ира чувствовала, что скоро ей предстоит принять очень важное решение. Возможно, самое важное в ее жизни. И панически боялась момента, когда она вынуждена будет его принять.

Вадим ей импонировал. Ей было приятно его внимание. Но мысль, что этот человек будет рядом с нею всю оставшуюся жизнь, приводила в ужас.

Не такого мужа ей хотелось. Само слово 'муж' в ее понимании упорно ассоциировалось с Сергеем.

Ира боялась признаться себе, что допускает в свою жизнь Черкасова только лишь для того, чтобы избавиться от мучительных воспоминаний. О Маришке. О Сергее. О маме...

Когда Черкасов озвучил приглашение провести отпуск вместе на берегу Черного моря, прежде чем ответить ему 'да' или 'нет', вытащила из памяти мобильного номер, который прочно въелся в ее личную память:

— Сережа, давай встретимся сегодня. Мне очень нужно тебя увидеть.

Это была их первая после развода встреча. Тогда была лютая зима, теперь лето играло буйством красок, нещадно палило жаркими солнечными лучами.

Они сидели под тентом за ажурным столиком у придорожного кафе. Русаков пил пиво. Она крутила в руках бокал вина.

Разговор не клеился — Сергей не скрывал враждебности. Ира и не предполагала, что он с разбегу бросится в ее объятия, но такого отчуждения все-таки не ожидала.

Хотела попытаться объяснить то, что не удалось тогда, под горячую руку. Думала, что теперь, поостыв, Русаков с большей терпимостью выслушает оправдания из ее уст. Просчиталась — вместо понимания или

хотя бы внимания к ее словам наткнулась на холодную, даже высокомерную стену.

— Сережа, я очень сожалею о том, что произошло. Труднее всего объяснить то, чего не было. Ничего не было, понимаешь? Ничего. Лариска все подстроила, и вышло так, будто...

— Ага, Лариска виновата. Еще скажи, что это она же вас и поставила так. Чтоб фото вышло поэротичнее. Типа: подшутить хотели.

Прежде чем Ира подобрала слова, которые могли бы объяснить, как же они оказались так близко на той фотографии, Русаков выдал с нескрываемой злостью:

— Да что фото?! Можно подумать, ты когда-то была верной. Под нож легла — ах, я так постарела, ах, на меня перестали заглядываться мальчики. Тьфу! Спасибо Лариске, а то так и жил бы в неведении, рога наращивая.

— Нет, Сереж. Все не так. Не перебивай меня, я и сама собьюсь. Просто я выпила слишком много шампанского, а ты же знаешь — когда я выпью, меня в жар бросает. Вот я и вышла на балкон...

— А он уже стоял там, заранее подготовив пиджак, чтобы добрая начальница не заболела! Да ты же практически отдавалась ему! Пусть не физически, но фигурально. Ты этого хотела, ты готова была к этому! Готова прямо там же...

Ирина поморщилась. Не брезгливо, а словно ей больно было слышать его слова:

— Это неправда. Ты даже не выслушал меня.

— Неправда? А что правда? Что после развода не прекратила с ним отношений? Верю. А теперь вдруг вспомнила о семье. О бывшей семье. Что так? Мальчик наигрался в любовь и бросил тетеньку? Надеюсь, не у самого алтаря? Я вроде слышал, ты за него замуж собиралась. Или уже нет? Конечно нет — коль уж сосунок себе другую нашел, постарше — ты для него слишком молоденькая, зеленая совсем, ему ведь надо, чтобы непременно одной ногой в могиле.

Ира онемела — он что, говорил с Черкасовым? Откуда знает, что Ира для него слишком молода?

— Бросил. Конечно, бросил — кто бы сомневался? И вот тогда начались звонки по ночам, эротическое сопение в трубку. А теперь, услышав посторонний женский голос, испугалась, что можешь потерять нас насовсем. Да только ты нас уже потеряла! Прекрати звонить! Ты для нас умерла! Тебя больше нет!

Звонки? Какие звонки? В чем он ее упрекает?

А голос? О Боже! Неужели?.. Как он мог?!!

Нет, нельзя упрекать его в этом: она не имеет права, она ведь бывшая жена. Господи, как же далеко все зашло! У Иры Черкасов, у Сергея какая-то женщина... И из-за чего? Из-за безобидного фото! Почти безобидного. Ведь ничего же не было!

— Звонки? Ты о чем? Я позвонила лишь однажды — поздравить Маришку с днем рождения.

— Ага, конечно. Я и не сомневался. Зато с остальным ты согласна безоговорочно.

— Нет, Сережа, не согласна. Это все ложь. Я до сих пор тебе верна.

Про себя добавила: почти. Но ведь грань еще не преодолена, она еще по ту сторону, где находится порядочность и непорочность. Почти, опять же почти!

— Прекрати, — злобно зашептал Сергей. Таким Ира видела его лишь однажды — в новогоднюю ночь. Значит, ему до сих пор больно. Бедный... Но и ей тоже больно — как же он не понимает?! — Не смей фиглярствовать! Если для тебя верность — пустой звук, не оскорбляй чувства людей, которые верили тебе, которые любили. Не заставляй меня ненавидеть тебя. Хотя ты этого уже добилась. Прощай.

Резко встал из-за столика и пошел прочь. В высоком прозрачном стакане плескалось недопитое пиво.

Аккуратно, чтоб не заметили окружающие, Ира убирала ногтем готовые скользнуть по щекам соленые капельки горя.

Сергей был взбешен.

Где были его глаза? Как он раньше не замечал ее лживой натуры?

Дрянь, притворщица! Наглая, бессовестная дрянь.

В этот вечер он принял решение, от которого отказывался до сих пор, призрачно надеясь на что-то. Маришка уехала к подружке на дачу до самого папиного отпуска, когда они по давно заведенной традиции должны были отправиться в Ялту.

Но Сергей не остался один — рядом с ним теперь была Женька.

— Я опять не смогла объяснить ему, почему все три года ходила на новогодние вечеринки без него. Я всегда считала это такой ерундой, такой мелочью, что не задумывалась о реакции Сергея, если бы ему вдруг стало известно о моей маленькой лжи. Собственно, я это и ложью не считала. Не сказанная правда — вроде и не ложь. Я не хотела, чтобы нас делила принадлежность к разным социальным категориям: я — белый воротничок,

он — рабочий класс. Я любила его таким, каким знала. Не любила, люблю, — поправилась Ирина. — Вот такая дурочка — любила, но стеснялась. Если бы я только могла знать, к чему, к каким жутким последствиям это может привести!

В очередной раз замолчала. Однако пауза долго не продолжилась. Ей словно пришла в голову какая-то мысль. Она схватила книгу, до сих пор сиротливо лежавшую на ее коленях, настойчиво продемонстрировала ее собеседнице:

— Читали? 'Спроси у зеркала', - ухмыльнулась сама себе. — Хорошее название, как про меня. Спроси у зеркала — что ты есть на самом деле, оно все про тебя знает... Нет, я не про название. Вы вообще читали этого автора, Тамару Никольскую? Вот бы мне ее встретить! Ей бы эту историю рассказать. Пускай напишет, пускай все знают, какая я дура! Нет, не так. Пусть знают, что нельзя быть дурами, пусть знают, к чему могут привести такие, казалось бы, мелочи! И операция эта дурацкая, и стыдливость за профессию мужа. А доктор-то как оказался прав! Ведь предупреждал дуру: будь осторожна! Нет же, приняла его слова за попытку выпотрошить из меня побольше денег. Как правильно сказал: женщина чувствует себя моложе, и не знает, что с этим делать. Она ведь уже разучилась быть молодой, она уже мыслит по-другому. Возникает диссонанс между внешним видом, самооощущением и поведением. Вот он, побочный эффект! Пропади она пропадом, та операция...

В правильности выбора Ирина отнюдь не была уверена. Но на предложение Черкасова о совместном отпуске ответила согласием.

Не потому, что очень хотела к морю. Не потому, что хотелось отдохнуть. Не потому, что хотелось отдохнуть у моря с Черкасовым. Потому, что Сергей не оставил ей иного выбора.

Вернее, выбор был, но скудный: или с Черкасовым — неважно, в Москве, в подмосковной деревне, у моря — или одной.

Раньше в одиночестве был смысл — она еще надеялась на что-то. Теперь же Русаков объяснил на пальцах: Ира не заслуживает прощения. Не выслушал, не попытался понять. Он просто подвел черту под без малого двадцатью годами счастья. Вернее, черту подвела Ира — он лишь поставил последнюю точку.

Теперь, после встречи с бывшим мужем, она не могла быть одна. Не пыталась разобраться: не могла, или же просто не хотела? Это лишь игра слов. Смысл один — одиночества она больше не допустит. Потому что не

вынесет.

Но поехали они не в Ялту — в Анталию, в которой Ира до сих пор так и не побывала. Потому что каждый год вторую половину июля семья Русаковых проводила в Ялте, строго придерживаясь семейной традиции. Ира была уверена: Сергей с Маришкой наверняка не изменят традиции. А столкнуться с ними в обществе Черкасова ей совсем не хотелось. Да и вдвоем ли они там будут? Сергей ведь не просто так упомянул о другой женщине...

И был отпуск. И была Анталия. Было и синее море, и предложение руки и сердца в самый последний день отпуска, у ласковых волн, слизывающих песок с их ног.

Но вопреки ожиданиям Черкасова, не смогла Ирина ответить согласием. Пусть у Сергея другая — значит, он уже готов к этому. Ира пока не готова, нет.

В первый же после отпуска день в кабинет ворвалась Лариска:

— Ирочка, миленькая, прости меня! Сама не знаю, как это получилось. Бес попутал, не иначе! Ты же моя единственная подруга, я ж тебя люблю. Это он, он виноват! Он столько лет приставал ко мне со своими грязными предложениями...

Ира хотела было выставить посетительницу вон, ведь прекрасно знала цену ее штучкам. Но любопытство в очередной раз взяло верх: о ком это она? Кто это к ней грязно приставал? И она позволила предательнице продолжить.

— Я сначала стеснялась тебе сказать, не хотела, чтобы вы из-за меня поссорились. А потом... не устояла. Ну что мне было делать, Ир? Я же живая, мне же тоже счастья хочется! А на меня никто и не смотрит. Да даже если бы и глянул кто, куда мне его привести? В крошечную квартирку, провонявшую больной мамашкой? Трахаться практически на ее глазах? А Серега был так настойчив... Я однажды в субботу пришла, как раз незадолго до Нового года, ты еще с базара не вернулась. Маришка, как всегда, у бабушки по субботам. В общем, я сначала сопротивлялась, а потом... Ну кричи на меня, ругайся! Да, знаю, виновата! Ну не смогла я ему сопротивляться — я же живая!

Ира сжалась, как от удара. А ей, наивной, казалось, что Лариска уже не сможет причинить ей боль.

— Врешь, гадина, опять врешь! Он тебя всю жизнь терпеть не мог!
Собеседница на ее выпад лишь улыбнулась снисходительно:

— Ириша, ты так ничего и не поняла? Господи, это же так просто! Все мужики одинаковые. И твой такой же, не хуже и не лучше других. Им всем нужно разнообразие, не могут они одним борщом питаться. И икрой одной не могут. Не в том дело — борщ ты или икра, а в том, что им нужно разнообразие. Тебе-то хоть не так обидно — тобою он 'питался' двадцать лет, а мною — четыре месяца. Всего четыре месяца! Использовал в качестве бесплатной уборщицы, кухарки, вытрахал меня вдоль и поперек, и вышвырнул на помойку. Гад какой!

Слезы брызнули из Ларискиных глаз, и она, казалось, упивалась ими, словно получая физическое удовлетворение то ли от слез, то ли от очередной выдуманной истории.

Ире ни капельки не было жаль эту дрянь. Успокаивать мерзавку она не стала. Но и выставлять из кабинета пока не спешила.

Та выплакалась, и продолжила исповедь:

— Ты прости меня за ту фотографию, я ведь и не думала ее так подло использовать. Хотела тебе отдать, потому она в сумочке и оказалась. А потом увидела вас такими счастливыми. А этот гад ведь даже глазом не моргнул в мою сторону! Не кивнул, не чмокнул в щечку хотя бы формально. И это после того, что было буквально пять дней назад! После того, как он завернул меня в такую позу, о которой я даже не догадывалась. Сволочь! Зато могу тебя успокоить: супружеское ложе он не осквернил. По крайней мере, тогда, в тот раз. Нет, эта сволочь меня... прямо на Маришкиной кровати!!! Ты представляешь, гад какой!

Ну, хватит!

Ирина брезгливо скривилась и уже открыла рот, чтобы выставить Лариску за дверь. Та, испугавшись, что ее не выслушают до конца, затараторила скороговоркой:

— А потом, когда часы начали отбивать двенадцать, у меня вроде задвиг какой-то произошел. Мне казалось, что мы на свадебной церемонии, как в американских фильмах показывают. Ну, помнишь, там священник обычно говорит: 'Если кто-то знает что-то, что мешает этим людям вступить в брак, пусть скажет сейчас или молчит во веки веков'. Меня и поперло. Как пелена на глаза упала: не вижу ничего, только цель — Сергей. Твоим он побыл двадцать лет, надо же по-честному, теперь ведь, думаю, моя очередь пришла. Ленин говорил делиться. В общем, остальное ты знаешь. Да, знаю, я подло поступила, но ты при всем желании не сможешь наказать меня больше, чем Серега. Он ведь жениться обещал — Маришка не даст соврать, на ее дне рождения и сказал, прямо при родителях, представил меня будущей женой. А потом, потом...

Лариска опять зашлась слезами, и сквозь всхлипывания Ирина услышала:

— Он в дом привел другую бабу! При мне, при ребенке! Привел какую-то гаражную шалаву, такую же чумазую, как и сам. Керосином провонялась насквозь! И заявляет мне: все, мол, Ларочка, надоела ты мне, я от тебя и так поимел все, что хотел. Спасибо, говорит, тебе за доброту твою сердечную, за то, что помогла от супруги постылой избавиться, а теперь проваливай-ка ты по добру, по здорову...

Ирина словно очнулась от гипноза. Кого она слушает? Ей что, мало лжи?

— Шли бы вы работать, Лариса Моисеевна. Хватит меня сказками от дел отрывать. Такую ахинею несете — слушать гадостно. Да и не собираюсь я с вами личную жизнь обсуждать. Ни свою, ни вашу.

— Ахинею?! — Лариска подскочила на стуле. — Ахинею, говоришь? Ее Женя зовут. Она у них в гараже слесарем работает. Баба слесарем! Не веришь? А ты у Маришки спроси. Или у свекровки бывшей. Она тебе всю правду скажет. И про меня, и про Женю эту. Они заявление в загс подали, так что у Маришки твоей скоро официальная мачеха появится. Пожалуйста, можешь мне не верить. Просто позвони в гараж, и попроси ее к телефону. Она наверняка с удовольствием сама подтвердит про загс.

Выпалив это на одном дыхании, Трегубович покинула кабинет, явно довольная собой.

После новогоднего Ларискиного 'выступления' Ира не собиралась верить ни единому ее слову.

Сначала действительно не поверила. Однако чуть позже, в тишине кабинета, стала прокручивать некоторые слова предательницы. Теперь паззл сложился в четкую картинку. Нашли в ней логичное место и звонки, и посторонний женский голос, о котором говорил Сергей.

Значит, Лариска не врет. Вернее, не все ее слова вранье. То, что Сергей первым изменил ей с Лариской — чушь несусветная. В это Ира никогда не сможет поверить.

После развода? Вот тут ее уверенность растворялась в сомнениях. Кто его знает? Вообще-то, он Лариску терпеть не мог, с трудом переваривал ее присутствие в их доме. Однако после развода расстановка сил существенно изменилась. Конечно, о сердечной привязанности к Лариске, даже о банальной к ней симпатии и речи быть не может, но почему не допустить, что физические отношения между ними, как говорится, имели место быть? В конце концов, он же здоровый мужчина. Коль уж тебе предлагают тело на

тарелочке с голубой каемочкой — по закону жанра отказываться не должно.

Итак, допустим, в этой части рассказа Трегубович говорит правду. Что это дает Ирине? Боль, одну сплошную боль. И все-таки на этом этапе Сергея еще можно оправдать. Что ни говори, а к тому времени они уже числились в разводе, и разрыв между ними произошел именно по Ириной вине. То есть, это Сергей абсолютно уверен, что виновница развода — Ирина. А потому с чистой совестью принял 'подношение' от Лариски.

И то, что послал ее подальше через четыре месяца — тоже очень даже похоже на реальность. Тут можно лишь удивляться, что он выдержал Ларискино присутствие так долго. Зато разрыв между ними вполне закономерен.

Но то, что он привел в дом постороннюю женщину... Женя. Сергей что-то говорил о ней. Шутил: мол, смотри, уведет меня Женька, если будешь плохо себя вести.

Вот и увела.

Когда Сергей говорил о каких-то звонках, упомянул чужой женский голос. Женькин. Значит, правда. Женька добилась своего.

Вот почему бесится Лариска. Ее планы полетели коту под хвост. Она все это давно задумала: развести Ирину с Сергеем и женить его на себе. Но так тщательно просчитанный план не сработал. Она разыграла, как по нотам, первую часть, но дальше все ее надежды оказались разбиты вдребезги: не выдержал Сергей ее натиска. Пытаясь добиться своего, Лариска начала обрывать ему телефон. Как выразился Сергей: 'эротично дышать' в трубку. Забавно выразился.

Но почему он не догадался, что дышать в трубку и молчать — не в Ирином характере? Как же не понял, что звонила ему Лариска? А однажды, видимо, та нарвалась на эту Женю.

Наверняка именно так все и было.

Ирина уж было вздохнула облегченно: слава Богу, все разъяснилось! Надо сказать об этом Сергею. Он обязательно должен знать, что звонила Лариска — именно из-за звонков он и злится на Иру.

Или не только из-за звонков? Но ведь он и сам не без греха: и Лариска у него была четыре месяца, и Женя эта. Так что спорный вопрос, кто из них больше виноват. Рассорились с Ларискиной подачи, а потом по взмаху ее дирижерской палочки синхронно друг дружке изменили. Но хватит, пора уже поставить все на свои места. Раз Ира разобралась в ситуации, Сергей тоже все должен понять, ведь не дурак же!

Не дурак. И действительно, паззл сложился. Да только поздно. Уже слишком поздно: Сергей с этой Женей уже подали заявление в загс, значит,

у них все очень серьезно. У них тоже пазл сложился. Свой пазл.

Имеет ли Ира право вмешиваться в чужие дела? Не сделает ли только хуже, позволив себе вмешаться?

А может, Лариска опять все врет? Ну подумаешь, была Женя. Мало ли, развлекся мужик несколько раз — что ж, сразу жениться?

Едва воспрянула духом, как червячок сомнения заворочался с новыми силами. О каком минутном развлечении может идти речь, если Сергей сам — сам! — упомянул, что посторонний голос отвечал по его телефону. То есть по их с Маришкой общему, по домашнему. Стало быть, он привел Женьку в дом, к Маришке! Разовых девок в дом не водят. Неужели Лариска сказала правду?!

Вот что, решила Ирина. Голову можно ломать и до вечера, и до конца жизни. Не лучше ли сразу все выяснить и поставить точку? Только наводить справки у Сергея она не будет: ни к чему ей лишние унижения. Она и так уже достаточно унизилась, попросив его о той встрече и оставшись за столиком в гордом одиночестве под насмешливыми взглядами официанток. Нет уж. Как говаривал Володя Ульянов: 'Мы пойдем другим путем'.

Вечером того же дня Ирина заняла исходную позицию неподалеку от входа на станцию техобслуживания. Место выбрала очень удачное: сама не бросалась в глаза, изображая покупательницу у киоска 'Пресса', зато перед нею, как на ладони, открывалась площадка перед мастерскими. Машин там было немало, однако она без труда отыскала искомую Вольво.

Ждать пришлось долго. Давно истекли положенные восемнадцать ноль ноль. От напряжения у нее даже стали слезиться глаза. От непривычки долго стоять на одном месте, да еще и на высоких каблуках, ныла поясница.

Но ее долготерпение было вознаграждено сторицей. Если подтверждение опасений можно считать наградой.

Сначала к машине подошла молодая женщина. Издалека Ирина не могла хорошо разглядеть ее, лишь общий вид: светлые брюки, белая маечка-топик, светлые волосы забраны в простенький хвостик. Подошла к машине и стоит, оглядывается на мастерские. Буквально через минуту оттуда появился Сергей, еще издали щелкнул кнопкой блокировки на брелоке. Вольвочка радостно пискнула, признав хозяина, и Женя, не дожидаясь, пока Сергей, как истинный джентльмен, откроет ей дверцу, обслужила себя сама и юркнула на переднее сиденье.

Вроде уже можно было уходить — Ира увидела все, что хотела. Но она

продолжала стоять. Вот уже Вольвочка выехала с территории СТО, плавно развернулась, влившись в поток автомашин на главной трассе, и проехала мимо Ирины, обдав веселым ритмом незатейливой модной песенки из радиоприемника. В открытом окне отсвечивала неподдельным счастьем мордашка соперницы.

'Симпатичная', - отметила про себя Ирина и, вдребезги разбитая горькой правдой, покинула свое убежище.

— В ту минуту, когда они проехали мимо, я и приняла решение. Не потому, что хотела замуж за Вадима.

Помолчав, добавила с горячностью, будто убеждая саму себя:

— Не хотела. Никогда не хотела! Но... Надежды вернуть Сергея уже не было. Эта Женя так буднично, так привычно села в машину. Я бы сказала, по-хозяйски. Не захлопнув еще дверцу, принялась снимать защитные шторки от солнца, серебристые такие. Пока Сергей шел к машине, пока садился, она их уже сложила гармошкой и засунула под сиденье, поглубже, чтоб не мешали ногам. Она прекрасно знала, где они должны лежать. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Собеседница кивнула:

— Понимаю. Я вообще человек понятливый.

— Я тоже понятливая. Сразу поняла, что у них это не на один день. Они уже давно вместе, и явно не намерены прекращать отношения. Мне не нужно было их преследовать, чтобы убедиться — они едут к нам. То есть, к Сергею. К Маришке...

Черкасов до сих пор был приходящим любовником. Иногда оставался до утра, но жил пока еще сам по себе.

Он кое-что рассказывал Ирине о своей семье. Она уже знала, что в Москве они живут только последние восемь лет, с тех пор, как Черкасов-старший был переведен в столицу после многих лет служения отечеству в самых отдаленных уголках страны. Знала, что родина оценила его добросовестную службу двухкомнатной квартирой в доме-новостройке в Новогиреево — видать, не так много наслужил. Знала, что нет у Вадима братьев-сестер, зато есть замечательная мама, которую он любит горячо и беззаветно.

Об отце Вадим говорил мало. Ира и не расспрашивала — догадалась, что отца он, как минимум, любит не столь пламенно, как мать. Этого ей

было достаточно. Скорее, даже много. Ее не слишком-то волновала его семья. До поры до времени она надеялась, что ей никогда не придется считать его родственников своими.

Через неделю после возвращения из Анталии Вадим сделал ей повторное предложение. Как чувствовал, что на сей раз не нарвется на отказ. А может, ничего не чувствовал, просто действовал по намеченному плану, по той самой программе-максимум. По принципу 'капля камень точит': рано или поздно Ира ответит согласием. Получилось 'рано' — вот и славно. Но и 'поздно' не стало бы большой проблемой.

Замуж Ира не хотела. Муж в ее понятии — только Сергей. Но у того теперь новая жена. Или со дня на день появится. Как ни назови, а Женька у него уже есть.

Не то что опередить его хотела. Нет. Казалось, если она тоже выйдет замуж — будет не так больно от его женитьбы. Своеобразная прививка: немножко неприятно, зато гарантированно защитит от серьезной болезни.

Оказывается, брак может быть средством для повышения иммунитета.

Шестнадцатилетняя разница в возрасте доводила Иру едва ли не до помешательства. А теперь, собираясь знакомиться с родителями Черкасова, она готова была в любую минуту рухнуть в обморок.

Хорошо Вадиму — женится на сироте, ни под кого не нужно подстраиваться, никому, кроме будущей жены, не нужно нравиться. Ира же мало того, что была невестой на смотринах, так еще из-за проклятой разницы в возрасте, делавшей ее практически сверстницей будущих свекра и свекрови, чувствовала себя неполноценной, словно ущербной.

Заранее была уверена, что родители Вадима воспримут ее в штыки. Какая мать в здравом уме одобрит решение сына жениться на тетке почти в два раза старше?

Ее опасения сбылись ровно наполовину. Николай Вадимович, отец жениха, увидев будущую невестку, крикнул и проковылял на кухню, не особенно заботясь о чувствах гостыи. Вадим побледнел от гнева, но ничего не сказал, улыбнулся натужно:

— А это моя мама, Паулина Семеновна.

При этом глаза его горели неподдельным счастьем.

Паулина Семеновна едва ли была в восторге от знакомства, однако оказалась воспитаннее супруга. С ее лица не сходила вежливая, максимально приближенная к искренней улыбка.

Ирина удивилась: надо же, как будущая свекровь похожа на нее саму! Вадим что-то упоминал об их схожести, но Ира и представить себе не

могла, что такое сходство возможно между абсолютно чужими людьми. И тогда ей стало понятно, почему с первых минут в тресте Вадим уделял ей повышенное внимание.

Перед Ириной стояла миловидная женщина, на вид не намного старше ее самой. Стройная, моложавая, очень ухоженная — скорее даже холеная, как и сын. Голову венчала стильная короткая стрижка, открывающая безукоризненный овал лица. Не столь короткая, как Ирин 'ежик', и волосы не такие темные, как у нее — скорее темно-рыжие против Ириных почти черных. Но Ирины осветленные пряди давали рыжеватый оттенок, что еще более увеличивало сходство будущих невестки и свекрови.

Так вот по какому признаку он выбирал себе жену! Впрочем, ничего удивительного, если вспомнить его неоднократные теплые высказывания в адрес матери. Мужчины делятся на тех, кто ищет жену, похожую на мать, и на тех, кто желает абсолютной противоположности матери. Не стоило сомневаться: Вадим принадлежит к первой категории.

Вот почему он так серьезно и основательно ухаживал за Ириной, вот из чего произрастает его долготерпение и настойчивость.

Значит, Ире уготована роль жены-мамочки. А на что еще она могла рассчитывать, выходя замуж за мальчишку почти вдвое моложе себя? Неужели надеялась в его лице получить мужа-отца, каким был для нее Сергей?

Едва ли она имела моральное право упрекать Вадима. Что ж, может, иметь мужа-сына — не так уж плохо? В конце концов, Ирина давно потеряла контакт с собственной дочерью, а материнская нежность требует выхода.

Как и планировал Вадим, свадьбу отыграли более чем скромную. Ира в очередной раз подивилась его прозорливости: как верно все рассчитал!

Ей действительно совсем не хотелось публичной свадьбы. Хотелось спрятаться от всех, чтоб никто не видел, не знал, не осуждал: сорокалетняя тетка отхватила себе мальчишку, желторотого птенца, и радуется.

Свадьбу праздновали вчетвером: Ирина, Вадим, и свидетели. Но даже этой компании для нее было много. Особенно учитывая, что ей некого было позвать в свидетели.

Как же случилось, что кроме Лариски-предательницы не оказалось у нее ни одной подруги? Как Ира допустила, чтобы Трегубович полностью стала контролировать ее жизнь, разогнав потенциальных подруг и женихов, рассорив с любимым мужем, с единственной дочерью, фактически убив ее мать?

В свидетели пришлось брать влюбленную парочку, приятелей Вадима. Даже перед этими, бесконечно чужими Ире людьми, она чувствовала себя ужасно неуютно. Будто нарушила уголовный кодекс, похитив у общества достояние, не положенное ей по статусу.

Свидетели смотрели на нее с осуждением. Они, конечно, всячески пытались его скрыть, улыбаясь Ирине и добросовестно выискивая общие темы для разговора. Но непременно оказывалось, что говорить им, в сущности, не о чем — не привыкла молодежь откровенничать с посторонними взрослыми, они со своими-то родителями не слишком часто общались, а тут какая-то выскочка влезла в их круг и пытается стать своею среди чужих.

Посидели часок в ресторане, без конца предпринимая с обеих сторон бесплодные попытки сломать эту чертову стену отчуждения. 'Горько' не кричали — Ирина заранее попросила не делать этого, дабы еще больше не усугублять неловкость. Не хватало, чтобы все посетители ресторана смотрели на нее с сожалением и некоторой долей брезгливости. Хотя, судя по всему, Ирине следовало привыкать к таким взглядам.

Вадим перебрался в квартиру супруги. Однако прописываться у нее не стал: не желал давать повод думать о себе, как об альфонсе. Мол, не ради квартиры женился.

Зарабатывал он, конечно, меньше Иры, но вполне достаточно для того, чтобы прокормить небольшую их семью и при этом не ощущать себя ничтожеством. В этом плане Черкасов оказался крайне щепетильным: накануне свадьбы по его настоянию действительно был составлен брачный контракт, по которому в случае развода каждый из супругов оставался при том интересе, с которым вступил в этот брак. Совместно же нажитое имущество Вадим благородно отписал Ирине. Хотел отдельным пунктом уточнить, что в случае непредвиденной смерти Ирины все ее имущество отходит в пользу ее дочери, а его, Вадимово, имущество целиком и полностью должно достаться любимой жене. Однако, как выяснилось, вопросы наследования могут оговариваться только в специальном документе, то есть в завещании, а уж никак не в брачном контракте. Повозмутился немножко, но вынужден был смириться, пообещав, что непременно составит завещание в пользу драгоценной супруги.

Начались семейные будни.

После свадьбы Вадим не перестал восхищаться Ириной. Напротив, теперь ей открылись некоторые его черты, тщательно скрываемые до сих пор. Если раньше она делала маникюр в парикмахерской, то нынче уходом

за ее руками и ногтями с превеликим удовольствием занимался новоявленный муж. Педикюр, который раньше она делала кое-как самостоятельно, не слишком часто и уж совсем не качественно, тоже взял на себя Вадим, предварительно немало повеселившись над неловкими Ириными потугами в этой области. Нежась в ванне, полной розовых лепестков, тихо постанывая от ласкового колдовства юного Нарцисса над ее ступнями, она лишь диву давалась, наблюдая за откровенным удовольствием Вадима, получаемым от этого действия.

Не меньшее удивление в ней вызвало то, что, оказывается, он заботится не только о ее прекрасных ножках, но и о своих. Разница была лишь в том, что сам он обходился без лака, все остальное в процедуре педикюра соблюдалось 'от' и 'до': и общий массаж, и отшелушивание отмерших чешуек кожи при помощи пемзы и специальной щетки-пилочки, и вбивание крема в пятки, и опять же массаж, и обработка ногтей с непременно срезанием кутикулы.

Это открытие не имело для нее определенной окраски. Она не могла сказать, хорошо это или плохо. Конечно, приятно, что у него такие ухоженные ноги (о руках и говорить нечего — это Ирина отметила давным-давно). Однако наблюдать за тем, как мужчина столько времени отводит уходу за ногами, было несколько странно и даже, пожалуй, не совсем приятно. Невольно всплывало сравнение с Русаковым: тот, выйдя из ванны, аккуратно подстригал ногти на руках и ногах, и на этом весь уход был завершен. Да, в его пальцы въелась техническая грязь, а в кожу — запах металла, бензина и еще бог знает чего. Зато его нельзя было упрекнуть в женских наклонностях. В адрес же Черкасова эти обвинения могли вполне заслуженно полететь в любую минуту.

Раздражало Иру и то, как, придя домой, Вадим тщательно очищал кожу лица специальным жидким средством, после чего долго вбивал в кожу крем, одновременно массируя ее. По субботам он накладывал маски, причем, не только на кожу лица, но и на грудь. Больше того, стремился вовлечь в такой вот 'глубокий уход' и Ирину, причем, совершенно извращенным способом: обмазывался взбитой сметаной до пояса, а потом начинал мазать ее своим телом.

Такие косметические процедуры Ира отвергла категорически, предоставив Вадиму заниматься ими в гордом одиночестве. Мало того, что ей претило показываться молодому супругу в неприглядном виде, с маской на лице. Не менее неприятно ей было взирать на мужика, ведущего себя, как баба. И Ира ввела себе в правило еженедельное посещение салона красоты: уж лучше она будет делать маски под присмотром

профессионального косметолога, а заодно избавится от печального зрелища: субботнего блюда под названием 'юный муж в сметанном соусе'.

Все было не так, все было не то...

Даже поесть нормально теперь не удавалось: Вадим с крайним презрением относился к обыкновенной посуде. Хоть утро, хоть вечер. Хоть будний день, хоть выходной. Опаздываешь ли на работу, или изнемогаешь от голода и усталости — ему непременно требовалось накрывать стол по всем правилам сервировки, с обязательной крахмальной скатертью и сервизной супницей, которую так тяжело мыть. Не столько даже тяжело, сколько страшно: это мамин сервиз, а Ира теперь, после ее смерти, относилась к маминым вещам очень трепетно.

Зачем ему эта супница? Не проще ли из кастрюльки налить суп в тарелку и разогреть в микроволновке? К чему лишние телодвижения? Супница по размерам никак не вписывалась в микроволновую печь, и потому приходилось всю кастрюлю разогревать на плите, после этого переливать из нее в супницу, где суп или борщ довольно быстро остывали. А после обеда приходилось мыть и кастрюлю, и супницу, не говоря уже о полном наборе опять же сервизных тарелок и мельхиоровых — за неимением серебряных — приборов. Не в девятнадцатом же веке они живут, и не при дворе Екатерины Второй. Не обихаживают их толпы слуг и дворецких — чего корчить из себя аристократов?

Вечерами тоже не все было сладко. Вернее, поначалу Ирине это даже нравилось. Черкасов никогда не ложился в постель, не побрившись и не освежившись туалетной водой. Никогда — голым или в трусах. Только в шелковой пижаме темно-синего цвета, подаренной на свадьбу любящей мамочкой. После этого начиналась любовная игра.

Впрочем, с его любовными игрищами Ирина познакомилась до свадьбы, еще в Анталии. Ее весьма впечатлило то, как нежен был с нею Вадим, как долго ласкал ее тело, готовя непосредственно к таинству единения. Как непохоже это было на их с Сергеем привычный секс! Как долго любил ее Вадим, ласково терзая, десятки раз доводя до исступления...

После свадьбы праздник тела не закончился. Черкасов по-прежнему занимался этим часами. Но теперь Ире почему-то уже не так нравились затянувшиеся прелюдии. То, что изначально выглядело заботой о том, чтобы ей было хорошо, теперь казалось неестественным, 'чересчурным' — показательными выступлениями: посмотри, какой я заботливый любовник! А на деле, похоже, заботился не столько о любимой, сколько о

себе самом: Ире начинало казаться, что так много времени ему необходимо не для того, чтобы довести ее до точки кипения, а чтобы элементарно завестись самому. А что еще думать? За время бесконечной прелюдии она успевала несколько раз вскипеть и остыть. А к моменту, когда Вадим, наконец, приступал к непосредственному слиянию, она так уставала, что больше уже ничего не хотелось, и любвеобильность новоявленного супруга начинала раздражать.

С Сергеем было намного проще. Не столь затейливо, зато не в пример результативнее. И... приятнее. Да, приятнее. Ближе. Лучше. Роднее. Дороже.

Очень скоро запах туалетной воды приелся и стал раздражать. Это днем Ира любила этот запах. Вечером же, в постели, предпочитала запах свежeweымытого тела, смешанный с ароматом пенки для бритья — такой мужской и возбуждающий запах чистоты. И чтобы непременно едва уловимо пахло бензином и машинным маслом — именно так пахло от Сергея по вечерам.

А еще ей никогда не приходилось стаскивать с Русакова противную скользкую пижаму.

Уже почти четырнадцать лет они прожили вместе. Вроде и привыкла Паулина к этому мужлану, а полюбить так и не смогла. Боялась. Мстила ему мелко и даже мелочно. Но не любила. А раз не любила — то и не дорожила.

Грубый, хамоватый офицеришка, не отличающийся ни умом особенным, ни покладистым характером. На службе Николай, возможно, был хорошим командиром. Возможно, отличным подчиненным для вышестоящих по званию. Кто знает: может, начальство его так страшно долбало на службе, что дома ему непременно хотелось на ком-то отыграться? Или же давно вошло в привычку измывательство над подчиненными? Но в семье он неизменно был тираном и деспотом. Паулина с Вадиком старались не давать ему повода для критики, но Николай все равно находил, к чему придраться, и устраивал для домашних муштру похлеще, чем новобранцам на плацу.

Любить морального уроды может только моральный урод. Паулина же всегда причисляла себя к нормальным людям. Испытывая к мужу очень странный симбиоз чувств из ненависти, привычки, страха, и необъяснимого удовольствия от мелких ему пакостей и следующих за ними наказаний, всю свою любовь она сосредоточила на сыне.

Теперь уже не верила собственным воспоминаниям. То, что во время беременности нерожденное еще дитя вызывало в ней лишь море негативных эмоций, нынче казалось плодом фантазии. Может, и перечеркнул ребенок ее надежды на возвращение к нормальной звездной жизни, но взамен подарил нечто значительно большее.

Никогда раньше она не знала такого родства душ. Казалось, Вадик — не сын ее, а сама она, каким-то чудом вернувшаяся в детство. Вадик рос, и росла любовь матери к сыну. Паулина любила его настолько сильно, что от прикосновений к нему, совершенно невинных, или почти невинных, получала невыносимое, до слез и дрожи, удовольствие.

Она буквально купалась в любви к сыну, в его любви к себе. Когда-то мир был благосклонен к Паулине Видовской, и тогда ей никто не был нужен, кроме себя самой: хорошенькой, знаменитой, всеми любимой. Однако все изменилось: мир, такой добрый вчера, стал вдруг хмурым и злым. Лишь с появлением Вадика тучи рассеялись. Но свет нес только сын — в остальном мир по-прежнему оставался жестоким к вчерашней избраннице судьбы.

Как ей было не любить его? Любить — слабо сказано. Паулина его обожала. Обожала тискать его, целовать. Обожала нашептывать ему в ушко, какой он замечательный и сладкий. Обожала прижимать к себе, и вспоминать, как нежно, будто теленок, сосал он когда-то ее грудь. Обожала щипать за попку — упругую, еще по-детски округлую. Щипать мягко, аккуратно, чтобы доставить сыну не боль, пусть даже пустячную, а сплошную приятность. Обожала смачно, по-взрослому, целовать в губы: с некоторых пор это стали единственные поцелуи, доступные ей — не с Николаем же, чурбаном, целоваться? Обожала их игры в красоту. В эти моменты сын и мать становились близки как никогда, хотя и без того, кажется, были друг другу ближе некуда.

Вадик был красив с младенчества. Но не за это Паулина любила его. Хотя его красота ей очень даже импонировала. Потому что это ее красота. Пусть он похож на Черкасова — это все равно ее красота. Ее сын. Весь ее. Это она его родила. Она создала эту красоту. Значит, и принадлежать он может только ей одной. Безраздельно.

Сын вырослел, и мать стала ловить себя на ревности: когда-нибудь придет день, и у него появится жена. Какая-то хищница уведет у Паулины ее сокровище. Уже не маму Вадик станет любить. Смывать с него взбитую сметану станет не мама.

Пережить появление соперницы будет нелегко. Но Паулина найдет в себе силы. Она сможет полюбить его избранницу — это единственный

шанс не потерять сына. Ради него она вытерпит все. Если уж она умудрилась столько лет терпеть рядом с собой его отца — выдержит что угодно. Потому что она любит сына. Очень любит.

И сын отвечал ей такой же любовью. Паулина чувствовала — он тоже без ума от нее. Никто ему не нужен, кроме мамы: ни отец, ни друзья. Только наедине с матерью Вадик выглядел счастливым. И это сыновье счастье Паулина воспринимала наградой за сорванную карьеру, за бесконечные издевательства придурка-мужа. Ее страдания были оправданы и окуплены сторицей: у нее был Вадик!

Любовь, тишь да гладь в доме царили до десяти вечера, пока на пороге не объявлялся уставший и по обыкновению злой, как черт, Николай.

Днем мать с сыном, казалось, напрочь забывали о существовании мужа и отца вплоть до того момента, когда он напоминал о своем присутствии в их жизнях вечно недовольной физиономией. Смех и веселье моментально сменялись напряженным молчанием. Вадик старался побыстрее умыться и юркнуть в постель, пока отец не придрался к чему-нибудь. А уж если не успевал, и отец находил его не слишком аккуратно поставленный у входной двери ботинок, или же считал, что брюки сына висят на стуле недостаточно аккуратно, или портфель стоит не точно по центру стула, а чуточку скривился влево — это были веские основания для скандала.

Сначала разъяренный отец хлестал сына по щекам, обзывая при этом самыми унижительными словами. Войдя в раж, Николай распался все больше, и бальная брань с пощечинами уже казалась ему слишком легким наказанием. Тогда в ход шли кулаки. Но даже в пылу воспитательного процесса он не забывал, что следов на лице воспитуемого оставаться не должно, а потому бил, предварительно намотав полотенце на руку. Ну а уж после, для самоуспокоения и по привычке, заставлял отжаться пятьдесят раз: как он говорил, для здорового сна.

Мама вмешивалась в их разборки, стараясь уговорить разбушевавшегося супруга. Не тут-то было. Во-первых, в пылу борьбы Николай не слишком разбирал, в какую сторону направляет кулак, так что и защитнице иной раз доставалось не меньше Вадика.

А во-вторых... Во-вторых, после ее вмешательства Вадиму было еще хуже. Что физическая боль? Потерпел и забыл. А чудовищное унижение матери было для него самым страшным наказанием.

Полночи мальчик страдал, прислушиваясь уже не просто к скрипу кровати за стеной, а к тяжелому дыханию матери, к тяжким ее вздохам и

стонам. И, словно мало было насильнику физических унижений, страшные слова, произнесенные шепотом: 'билять такая!'

Со временем Паулина стала более легкомысленно относиться к безоговорочному табу на спиртное. Не то чтобы собиралась напиваться до поросычьего визга в отсутствие мужа — она же порядочная женщина, разве она может позволить себе нечто компрометирующее? Но уже и не считала чем-то из ряда вон выходящим выпить стаканчик-другой вина — что тут такого крамольного?

Николай ведь сам сказал, что ничего ужасного она в состоянии легкого подпития не вытворяет. Стало быть, бояться ей нечего. Иначе стал бы он ее спаивать? Ведь не то что разрешает — даже заставляет пить время от времени, не заботясь особо, хочется ей этого или нет.

Уж если водочка проходила без особых последствий, то стоило ли опасаться вина? Глупости! Как она вообще могла поверить, что она, Паулина Видовская, вся такая воспитанная и возвышенная, вела себя, как последняя шлюха?

Эх, дура. Ведь сразу поняла, что сплетни вокрун ее имени он же сам и подстроил. Нужно было сбежать от него в первый же день. Не по гарнизонам бы теперь моталась — по заграницам! Жила бы себе в пятизвездочных отелях, красовалась на обложках журналов.

А ее даже не узнает никто! Правда, она и сама не слишком этого хотела: как ни крути, а сплетни были слишком грязными — 'спасибо' мужу. Давно, правда. Но мало ли, вдруг кто страдает хорошей памятью? Вдруг да вспомнят подробности ее сладкой жизни? Поди докажи теперь, что Николай, подонок, выдумал всю эту грязь только ради того, чтобы жениться на ней!

Зато у нее есть Вадик. Значит, можно считать, что жизнь вполне удалась. А что Николай идиот — не такая уж беда. Ему же самому от этого хуже. А Паулина привыкла, как к неизбежному злу. Не так все оказалось страшно, как думалось в начале семейной жизни. Даже любимое шампанское стало более доступным.

Сухой закон для Паулины был нынче отменен как бы наполовину. Мало того, что муж периодически без всякого предлога заставлял ее пить — к этому она уже успела привыкнуть. Теперь даже в гостях он позволял ей немножко расслабиться. К сожалению, без странностей и здесь не обошлось: ладно бы с самого начала застолья позволил ей выпить бокал-другой шампанского, или водочки — почему нет, ведь дома не позволял — заставлял! Так нет же, только когда произносили тост 'На посошок',

вспоминал вдруг про Паулину: наливал ей полнехонькую рюмку, 'мужскую' дозу, и сразу уводил домой. Придурок ненормальный! Ведь в конце застолья уже никогда не оставалось шампанского, которое так любила Паулина! Приходилось, как плебейке, хлебать водку. Одна радость — иногда под хорошее настроение он сам покупал шампанское. В такие дни она даже склонна была считать его вполне нормальным человеком. Правда, случались такие радости нечасто.

Но пришел и на ее улицу праздник.

Когда у их приятелей случился юбилей, запланированное, было, мероприятие едва не сорвалось: практически весь мужской состав гарнизона отправился на учения, оставив лишь три смены караула для охраны. Большое гуляние пришлось перенести до возвращения мужчин в родные пенаты.

Однако вечеринка таки состоялась. Пусть не юбилей, а всего лишь его репетиция. Не настоящий праздник — а скромный девичник: нельзя же пропустить торжественную дату? Через неделю, когда мужчины вернутся — это будет уже совсем не то, всего лишь повод для пьянки. Дату нужно отметить день в день. Хоть как-нибудь.

По причине сугубо женского состава гостей хозяйка устроила сладкий стол: шампанское, фрукты, торт. Сидели, щебетали о бабских своих делишках, секретничали.

Паулина была в ударе — за столько лет впервые могла быть самой собой, а не ежиться под колючим взглядом Николая. Резвящиеся пузырьки шампанского баловались теперь не только в хрустальном фужере, но и в ее голове. Она чувствовала себя такой легкой, такой возвышенной! Так вдруг захотелось петь, захотелось всеобщего внимания и восхищения.

Сначала подружки не заметили, что с гостьей творится что-то не то. Подумаешь — стала чуть громче обычного смеяться. Подумаешь — шампанское хлещет, будто лимонад. Ничего страшного, хозяйка подготовилась к празднику на совесть: как-никак — десять лет, как-никак — юбилей, так что шампанского всем хватит.

Но уже скоро из уст Паулины полились странные речи:

— А чего мы, девки, без мужиков-то скучаем? Какого хрена нас тут одних собрали? По каким признакам нас отбирали в это сборище? Я не лесбиянка. Я мужиков люблю, а ваш бабский коллектив оскорбляет мое достоинство. Вы мне на хер не нужны! Может, вам мои прелести и не дают покоя — еще бы, кто откажется от Паулины Видовской? Но я предпочитаю, чтобы меня имели мужики! А вас я в гробу видала в белых тапочках. Извращенки!

За столом воцарилась тишина. Приятельницы уставились на Паулину, словно перед ними сидело внеземное существо.

Плевав на всеобщее внимание, Паулина встала из-за стола. Художественно оттопырив попку, смачно пукнула:

— Это вам от меня приятного аппетита! — ошалело, нездорово заржала, и покинула компанию. — Чао, крошки!

Дома было хорошо. Вадим любил дом. При условии, конечно, что в нем нет отца.

Но сейчас можно было расслабиться — тот уехал на учения, значит, о нем можно не думать, не смотреть на часы в ожидании ежедневной бури. Насколько проще было, когда Вадик был маленьким! Мама заботилась о том, чтобы он пораньше ложился спать и не видел рассерженного бог знает чем отца.

Взрослый парень в восемь часов спать не завалится. А потому теперь сын с отцом виделись дважды в день: утром и вечером. Получал ли от этих встреч удовольствие отец — тайна за семью печатями. Вадиму же эти встречи давали сплошной негатив.

Оставалось удивляться: как мама, его самая замечательная мама в мире, могла выйти замуж за этого урода?!

Думать о том, что, выйди мама за кого-то другого, Вадима могло бы и не быть, или это был бы совсем иной Вадим, думать не хотелось.

Его все устраивало в этой жизни. За исключением отца, конечно. Друзей нет? А зачем ему друзья, если у него есть мама.

Друзья... Вадим не разделял взглядов сверстников. Те могли говорить только о девчонках, и только мерзко. Ну и о стрелялках всяких, боевиках. Вадим не любил такое. Девчонки — глупость. Стрелялки-боевики — грязь. Не было в них ничего красивого.

Красота — это ведь не только женщины. Красивыми могут быть и банальные линии в тетрадке для геометрии, не говоря уж о цветах, деревьях, облаках. А одежда? А обувь? Мебель? Посуда? Да все вокруг может быть красивым — этому его научила мама. Они с ней могли часами разглядывать репродукции картин великих мастеров в тяжелых глянцевых альбомах, посвященных тому или иному художнику. Мама обещала, что когда-нибудь они непременно уедут в Москву, и станут ходить по музеям каждую субботу.

Может, Вадим и нашел бы себе товарища по душе. Но на это требовалось время. А где его взять, если каждые два-три года приходилось переезжать к новому месту службы отца?

Зато мама всегда была рядом. Его любимая, нежная, его необыкновенная мама.

Только сейчас ее не было дома. Ничего страшного — Вадим ведь уже взрослый. Каждый имеет право на отдых. Тем более мама. Часто ли ей удается побыть без отца? Этот урод наверняка и в компаниях ее унижает. Пусть уж хоть раз нормально повеселится.

В дверь позвонили. Наверняка очередная влюбленная дурочка — больше некому. Маме еще слишком рано возвращаться. К тому же она всегда открывает своим ключом.

Друзей у Вадима не было, зато от девчонок не мог отбиться: бегали вокруг него стаями, глупые. Никак не могли понять, что ему никто не нужен, пока рядом есть мама. Забрасывали дурацкими записочками, одаривали многозначительными взглядами. Дуры! Из-за них Вадиму без конца приходилось участвовать в разборках с пацанами. В каждом гарнизоне его ждали неприятности до тех пор, пока местные мальчишки не понимали, что его никто не интересуется, и не оставляли в покое.

Вот и сейчас, наверное, очередная дура приперлась, якобы за домашним заданием. Вадим открыл дверь, заранее нахмурившись.

Перед ним стояла мама. Какая-то странная, ухмыляющаяся. Легким щипком коснулась его щеки:

— Здравствуй, малыш!

Прошла в комнату, огляделась по сторонам. Не найдя ничего интересного, заглянула в спальню. Не обнаружив искомого, уставилась на Вадима ошалелым взглядом:

— Я не поняла — а где народ? Где стол, где поклонники? Где все, я тебя спрашиваю?! Это что же, меня пригласили ради того, чтобы выступить перед одним сосунком? Или я слишком рано пришла?

От ее чужого голоса, от странных слов у Вадима по коже пробежали мурашки.

— Мама, что с тобой?

— А вот хамить не надо! 'Мама!' Я, конечно, старше, но не до такой же степени. Хамло! Не знаю, что ты здесь делаешь — как по мне, ты еще слишком мал для этого. Ну да родителям виднее. Это папаша, что ли, решил тебя посвятить во взрослую жизнь? Ну-ну... Мне-то что? Мне без разницы, не мои проблемы. А сам-то папашка где?

— Как где? На учениях... Ты что, забыла, мам?

— Еще раз мамой обзовешь — накажу. Понял, козлик? Так где остальные?

Вадим был обескуражен. Что случилось с мамой? Почему у нее такой чужой голос? Почему она смотрит так отстраненно? И кого она все время ищет? Какие гости? Разве они собирались принимать гостей? Без отца? Но мама же ни о чем таком не говорила.

Ничего не понимая, но не желая еще раз нарваться на 'козлика', Вадик сел в кресло и взялся за книгу. Мама постояла среди комнаты, упершись руками в бока, поразмышляла о чем-то. Подошла к нему:

— Ну ладно, ладно. Обиделся! О'кей — взрослый, так взрослый, мне без разницы. Раз отец решил, что уже пора, пусть так и будет. Я не знаю, во сколько лет нынче принято посвящать мальчиков в такие игры. Тебе сколько лет, орел?

— Тринадцать, — не рискуя называть маму мамой, пролепетал Вадим. Неужели она забыла, сколько ему лет? Что с ней, почему она такая чужая?

— Тринадцать! Кому скажи — засмеют. Паулина Видовская лишает невинности тринадцатилетнего сыкунка!

С неприятным смешком опустила перед Вадимом на колени:

— Смотри, малыш, как это делается. Потом внукам рассказывать будешь, как Паулина Видовская твоему сморчку удовольствие доставляла.

Какая еще Видовская? Вадим слыхом не слыхивал эту фамилию. И о чем мама говорит? Боже, что она собирается делать?!

Отшатнулся, пытаюсь оттолкнуть мать, когда та стянула его домашние брюки.

— Не дергайся, пацан. Видишь, какие у тетеньки длинные ногти? Еще пораню ненароком. Не бойся, дурачок, это не больно. Эх, красивый парень растет! То-то девкам от тебя достанется.

Вадим вжался в кресло. Было ужасно стыдно и противно смотреть, как мать облизывает то, что обычно ласково называла краником. Теперь почему-то обозвала сморчком. Чтобы не было противно, зажмурился, сжал кулаки так, что заболели ногти.

А мама выдывала с 'краником' затейливые па. Однако противно не было. Это было... было... странно. Тепло, мокро, и странно. А потом...

От чего-то неведомого захватило дух, стало не хватать воздуха.

От неведомого? Да что там — Вадим ежедневно ощущал неведомую эту невесомость, когда сердце гуляет по телу, одновременно заполняя собою желудок, пах, горло и почему-то уши. Каждый день с наслаждением касался руками маминого тела, смывая с него остатки сметаны. Когда чувствовал, как расцветают под его руками мамины соски, 'краник' его вырастал если не в 'кранище', то в 'кран'. Мама смеялась, говорила, что Вадик стал взрослым. Почти взрослым — так говорила она.

Но о таком божественном наслаждении он даже не мечтал.
Да и как можно мечтать о таком? О таком?!!

— Доброе утро, мое сокровище! Как спалось?

Мама с любовью провела по его волосам, смачно поцеловала в губы.
Так они здоровались каждое утро, если рядом не было отца.

Вадик казалось, что он проснется в другом мире, где все иначе. А мама делает вид, будто ничего не произошло.

Как же не произошло? Ведь мир стал цветным, мама!

Хотелось прижаться к ней, как накануне. Хотелось сказать, как сильно он ее любит. Как благодарен за вчерашнее.

А вслух произнес банальное:

— Нормально.

— Вадюша, я вчера поздно пришла? Ты меня дождался или сам лег? Ты кушал? — вопросы неслись один за другим.

Он не знал, что отвечать. Это что, игра такая в 'ничего не случилось'? Или она специально засыпает его будничными вопросами, лишь бы не говорить о том, самом важном в их жизнях происшествии, которое им довелось пережить накануне?

— Нет, мам, не поздно. Еще и половины девятого не было.

— У, так рано? А что ж я так рано-то вернулась? Ты не знаешь? Я не говорила?

Вадим лишь диву давался. Придуривается? Но так естественно. И вообще — вранье не в мамином характере. Или на самом деле забыла? Забыла, как им было здорово вдвоем? Им, конечно, всегда здорово, когда нет отца, но вчера был особенный день. Совсем-совсем особенный. А она делает вид, будто все забыла.

— А ты что, ничего не помнишь? — спросил осторожно.

Мама неловко усмехнулась:

— Не помню, сынок. Как выпью немножко — все на свете забываю. Потому папа и не разрешает пить. Злится. Я хоть не слишком пьяная пришла? Не помню даже, много ли выпила. Я ведь ничего дурного не делала, правда, сыночек?

Она действительно ничего не помнит!

Не помнит!!!

Как ей рассказать о том, чем они занимались?

Он-то думал, что мама хотела сделать ему приятное — они ведь всегда делают друг другу приятное. Просто вчера она показала ему кое-что новенькое. То, что должны знать только взрослые. Потому что Вадим и есть

взрослый.

Как объяснить, что ничего страшного не произошло? Она же любит сына, и он ее любит — значит, ничего позорного и постыдного не произошло. Просто мама делала ему приятно, очень приятно. Что тут страшного?

И он пытался сделать ей приятно. Пытался. Но у него ничего не получилось: не успевал толком прикоснуться к обожаемой мамочке, как 'краник' испускал дух и повисал безвольным сморчком.

Разве мог Вадик рассказать об этом маме? Чтобы было стыдно и ей, и ему самому?

Он-то стыдился бы лишь того, что не смог толком отблагодарить маму, что такой еще неловкий и неумелый. Но она?! Она ведь придет в ужас не от его неловкости, а от того, что смогла позволить себе запретные отношения с сыном.

Глупости! Кто сказал, что такие отношения между матерью и сыном непозволительны? Мама — самое чистое и светлое, что может быть в жизни сына. И эти отношения... Вадим знал, что они называются сексом, но даже про себя не отважился употребить это слово. Эти отношения потому и зовутся мерзким словом 'секс', что изначально построены на запретной близости двух чужих людей. Чужой человек не может вторгаться в чужого! Это — грязь и мерзость.

А между матерью и сыном разве могут быть какие-то запреты?

Что постыдного произошло вчера? Разве Вадик раньше не принадлежал маме весь, до мизинчика ноги? Разве раньше она не целовала его везде? Он ведь весь — ее и только ее! И мама — его! Вся-вся — вчера между ними не осталось ни малейшей преграды.

Но это знает Вадим. Это он понимает: то, что произошло вчера, было истинной красотой. Почти истинной — к безмерному своему стыду, он не смог отблагодарить маму так, как она того заслуживала. Все-таки он еще не полноценный мужчина, а юноша, ставший лишь на первую ступеньку в мужской иерархии. Но он исправится, непременно исправится! Только бы мамочка дала ему второй шанс — тогда он не сплочует.

Как отнесется к произошедшему мама, если узнает? Поймет ли, что это — истинная красота, о которой она так часто говорила сыну? Может, и не это имела в виду, но Вадим понял ее слова именно так. Вернее, это вчера он понял, что такое истинная красота.

А мама? Поймет ли мама?

Поймет, наверняка поймет! Ведь их отношения и до вчерашнего вечера были особенными. И маму они не только устраивают — ей очень нравятся

их игры в красоту. Ей нравится купать почти уже взрослого сына. Она любит его — Вадим нисколько в этом не сомневается. Она не пропускает ни единого участка его тела. Пусть маска наносится лишь на лицо и торс — мама непременно обмывает и нервно подрагивающий 'краник'. Говорит, что гигиена должна быть полной, а интимные места нуждаются в особенном уходе.

Не меньше ей нравится, когда Вадим смывает с нее остатки сметаны. Он, правда, не отваживается заходить так далеко, как мама. Но видит, как она млеет от его прикосновений. Он касается ее груди ладонью: ласково, нежно. Им обоим это нравится. И что в этом неприличного? Материнская грудь и дитя — это же самый классический сюжет! Кто из художников обошел его вниманием?

Тем не менее, Вадим по наитию понимал — об их с мамой играх не должен знать никто посторонний, даже отец. В первую очередь отец!

Понимал, что должен скрывать эту сторону их с мамой отношений, но не понимал, почему. Они с мамой — одно целое. Он — плоть и кровь ее. Он весь — каждый его пальчик, каждая волосинка, каждая родинка — сотворен из ее клеток, из ее 'стройматериала'. Тогда что же тут постыдного?!

Постыдного не находил. Однако тайну хранил, хотя мама и не просила об этом.

А эту, вчерашнюю, тайну он не откроет даже маме. Он просто будет знать, что маме их вчерашняя игра тоже обязательно понравилась бы. Но она была бы смущена. Потому, что... Просто — она была бы смущена, несмотря на то, что игра эта доставила удовольствие им обоим.

Тогда и не стоит ей ничего говорить. Не нужно ее смущать. Вадик просто будет ее любить. Безумно. Вечно.

— Не волнуйся, мамочка. Вчера был замечательный вечер. Ты была веселая и смешная, рассказывала истории про свое детство. Я никогда тебя такой не видел, мамуль. Не беспокойся. Ты не умеешь делать что-то плохое. Я тебя люблю.

Та вздохнула с видимым облегчением.

— Но ты все-таки не говори папе. Ему не нравится, когда я такая веселая.

— Не скажу, мамочка, не бойся. Я никогда ему ничего не скажу.

Женя перебралась к Русакову настолько 'потихоньку', что никто и не заметил, когда же это произошло.

Они не обсуждали, жить ли им вместе. Сергей не предлагал ей ни женитьбы, ни чего попроще. Все произошло будто само собою. Пока Маришка жила у подружки на даче, ему не от кого было скрывать любовницу. А когда дочь вернулась домой, готовясь к отъезду в Ялту, оказалось, что в доме полно Женькиных вещей. Как-то так получилось, что приезжала она к нему в двух кофточках, утром уходила в одной. На следующий вечер прихватывала с собой платье, которое и надевала с утра, а брюки с маечкой оставались аккуратно сложенными на пустой полке шифоньера, где еще так недавно лежали Ирины вещи.

Нельзя сказать, чтобы Маришку радовало появление в доме постороннего человека. Но и особых 'фырков' в сторону новоявленной мачехи не демонстрировала. Любовницу отца Марина приняла, как неизбежное зло. На отца не сердилась. В ее понимании ответственность за все произошедшее полностью лежала на матери.

Женя поехала с ними и к морю. Русаков и сам не мог бы сказать, как это вышло. Просто сказала:

— А давайте я с вами поеду. Должна же рядом с вами быть женщина, а то тебя, Сереж, арестуют, приняв за Маришкиного любовника, растлителя малолетних.

Похихикал, приняв за шутку, а потом, увидев, как она укладывает свои вещи в его чемодан, не нашел слов, чтобы отказать ей. Маришка, правда, весь отпуск с ним не разговаривала, да поделаться уже ничего было нельзя: не развернешь ведь Женьку на сто восемьдесят градусов, не отправишь в Москву?

С отцом Маришка не разговаривала. Зато с Женькой, похоже, нашла общий язык. Не сказать, что они сдружились, но, по крайней мере, Маришка не относилась к ней слишком уж враждебно.

Постепенно и незаметно вросла Женя в семью Русаковых. О свадьбе не заикалась, удовлетворяясь — пока! — статусом сожительницы.

Хозяйствовала потихоньку, не скрывая удовольствия от домашних хлопот. Прибирала квартиру, готовила, обслуживала-обстирывала. Готовить старалась с фантазией, не позволяя себе кормить семью полуфабрикатами из ближайшего супермаркета. Играла на контрастах: 'Ирине некогда было готовить, не хватало для вас времени, а у меня вы на первом месте: если я вас не накормлю — никто не накормит'. Постирать в эпоху супер-навороченной бытовой техники — небольшая доблесть, зато после стирки Женя незамедлительно выглаживала все белье, вплоть до носков, демонстрируя: смотрите, какая я замечательная хозяйка!

Все было хорошо. Или ей это только казалось? Внешне Сергей всем был доволен. По крайней мере, никогда не демонстрировал, что что-то в их отношениях его не устраивает. И добрым был, и заботливым. Порой даже ласковым. А нет-нет, да и сыграет память злую шутку, нет-нет, да и назовет Женю ненавистным именем 'Ира'. Когда замечал оговорку — сильно смущался, но чаще не замечал. Крикнет в глубину квартиры:

— Ириш, завари чайку, — и сидит себе дальше перед телевизором, внимательно наблюдая за перипетиями матча 'Спартак' — 'Динамо'.

А Женя чайник на огонь поставит, и сидит на кухне, как пришибленная. Оно-то, казалось бы, ерунда — всего-то имя, набор звуков. Но ведь чужое! Имя, канувшее в прошлое! А он его забыть не может. Даже не замечает своих оговорок.

Как долго он еще будет Иру свою вспоминать? А ночью? Разве легче ей выносить его ночные оговорки? Ведь знала, чувствовала — не ее он ночью любит, не ее ласкает!

Но Женя терпела: Бог терпел, и нам велел. Дождется, когда Сергей заснет, и плачет в подушку: ну когда, когда он поймет, что я лучше?!

Ждала, когда их отношения станут более близкими, душевными. Поначалу, ясное дело, ни о какой близости, кроме физической, и речи не шло. Но на том этапе это было вполне оправданно. Так она же давно не любовница! Ведь и в отпуск вместе ездили, и живут вместе уже несколько месяцев. Даже его дочь ее приняла: пусть не визжит от восторга, не вешается на шею, не говорит Жене каких-то особенных слов — этого от нее никто и не ждет. Главное — вполне по-человечески с нею общается. Почти. А тот, который должен бы оберегать ее чувства от разочарований, с каждым днем, кажется, отдаляется все дальше. Почему, почему?!

Почему, проснувшись в одной с нею постели, Сергей хмурится, вместо того, чтобы радостно чмокнуть ее в щечку? Или хотя бы с улыбкой пожелать доброго утра. Но он все чаще прячет от нее свой взгляд: натянет тренировочные штаны, отвернувшись к стенке, и бежит из спальни, будто преступник от погони.

Почему, столкнувшись в дверях или в проходе, отодвигается бочком к стене, освобождая ей дорогу? Почему отводит взгляд в сторону и даже не улыбнется? Почему они молчат в машине всю дорогу от дома к гаражу? И когда обратно едут — тоже молчат. Сергей будто специально включает музыку на полную громкость, лишь бы не говорить. И все чаще и чаще Женя стала ловить на себе его затравленный, измученный взгляд. Почему?!

Почему вместо того, чтобы становиться ближе друг другу, они только расходятся все дальше, словно едут на эскалаторе в противоположные

стороны?

Это когда-то, в самом начале их отношений, им не о чем было говорить — однако тогда они все же находили общие темы. А теперь, спустя столько времени, Жене вместо того, чтобы мечтать о духовном сближении, все чаще приходится надеяться, что пропасть, возникшая между ними, не будет разрастаться, а останется хотя бы такой, как сейчас.

Давно чувствовала Женя, что надвигается что-то нехорошее. И сама иной раз готова была взорваться, так хотелось выяснить, наконец, отношения: кто она ему — кухарка, уборщица? Или кукла резиновая для отправления нужды определенного рода? Или любовница? Или все-таки жена, пусть хотя бы и гражданская?

Но одергивала себя в последний момент: не в ее положении качать права, ведь в любую минуту ей могут указать на дверь. А потому терпела, старательно подлачиваясь каждый раз, демонстрируя мнимую свою бестолковость. Мол, а разве у нас что-то не так, дорогой, разве есть какие-то проблемы? а по-моему, все нормально...

Вот и в тот вечер старательно изображала дурочку. Колдовала на кухне, пока Сергей смотрел боевик с участием Роберта Де Ниро и еще кого-то знаменитого, чью фамилию никак не могла запомнить. Придумала новый рецепт: десерт из ванильного мороженого, абрикосового суфле и шоколадного ликера. В комнату внесла торжественно, держа поднос на вытянутой руке, словно профессиональная официантка:

— Сюрприз!

Сергей дернулся, как от пощечины, отшатнулся. От удара головой о стену спас мягкий подголовник дивана.

— Я тебя напугала, милый? — ласково прощепетала она. — Прости, не хотела. Знаешь, у меня еще ликер остался. Может, мы его и без десерта попробуем, в чистом виде, а? А потом... Воспользуемся Маришкиным отсутствием — так надоело сдерживать себя, хочется оторваться на полную катушку! Ты же знаешь, я так люблю покричать, постонать... Мррр...

Потерлась щекой о шею Сергея, будто кошка, выпрашивающая ласки хозяина. Однако вместо того, чтобы поддержать игру, тот лишь отодвинулся недовольно, и снова уставился в экран.

— Ну, Сереж, я так не играю. Неужели тебя больше привлекает Де Ниро? А я? Смотри, какая я у тебя! И, между прочим, это все твое!

Схватила руку Сергея и сунула ее себе под короткую маечку, фактически вложив грудь в его ладонь. При этом губами ловила его губы: мой, мой, я тебя поймала!

Но нет, не поймала. Сергей грубо вырвался, вскочил с дивана, как ошпаренный:

— Прекрати!

Боевик был забыт. Русаков отвернулся к зашторенному окну и стоял посреди комнаты памятником, словно не зная, куда же ему теперь деваться.

— Ячто-то не так сделала? Извини, я не хотела тебя обидеть.

Хотя уж если и был среди них кто-то обиженный, так не он, а сама Женя. Это не она его обидела — он ей в душу плюнул. Вроде не к груди женской, теплой прикоснулся, а к склизкой жабе.

За что?! За то, что она любит его, дурака? Любит давно и навсегда? Он еще женат был — Женя уже тогда на все готова была ради слова его ласкового, взгляда нежного.

Что не так? Что еще ему нужно?

А может, нужно не ему, а ей? Встать, крикнуть во весь голос — Маринки дома нет, стесняться некого. Дать выход обиде, слезам. Пусть он поймет, как ей больно! Пусть станет мягче с нею. Терпимее.

Терпимее. Вот оно что. Не любит он ее. Терпит. Из последних сил терпит. И силы эти на исходе. Вернее, не осталось их больше. Сейчас, наверное, и произойдет развязка.

Женя это не столько поняла, сколько почувствовала. Сжалась в ожидании удара: не надо, миленький, не надо, давай все оставим, как есть. я не буду больше к тебе приставать, только не гони меня. потерпи еще немножко — ты скоро привыкнешь, ты полюбишь меня, обязательно полюбишь!

— Прости. Я не могу. Ничего не получается. Я не должен был это затевать.

Она готова была услышать эти слова. И все же они захлестнули едва переносимой обидой, унижением. За что?! Больно же! Больно!

Но даже через эту боль она чувствовала его боль. Ему тоже плохо. Женя любит его, а он любит бывшую жену, предавшую его. До сих пор любит. И, любя, причиняет страдания другой женщине — той, которая любит его. Порочный круг. Неправильный. Зачем любить женщину, предавшую тебя?

А зачем она сама любит мужчину, не любящего ее? Почему не может разлюбить? Ладно, не может. Но хочет ли? Нет, не хочет. Пусть даже эта любовь приносит куда больше страданий, чем радости — Женя не хочет терять ее. Она не хочет терять Сергея! Пусть даже знает, что он никогда не сможет разлюбить жену. Но ведь бывшую! Бывшую жену!

— Не надо, Сереженька, не надо. Ты прости меня, я была не права, я

не буду больше приставать к тебе. Ты смотри кино, а я тихонько посижу рядышком. Кушай десерт, мороженое растает.

Скороговоркой пыталась свести потери если не до нуля, то до минимума. Это не унижение, это всего лишь попытка остаться рядом с любимым человеком.

Но было поздно, безнадежно поздно — поезд тронулся с места: колеса, сделавшие первый оборот с трудом и скрипом, крутились все быстрее.

— Ничего не получается, — повторил Сергей. — Я хотел забыть ее, очень хотел. Ты хорошая. Я хотел полюбить тебя, я старался — не получается. Даже привыкнуть к тебе не могу. Эта твоя ласка, забота о нас — они же мне, как кость в горле!

Не будет минимума. Женя поняла: сейчас будет такой максимум, что она не забудет его до старости. Когда женщине говорят, что она хорошая — ничего доброго не жди.

А Русаков продолжал, распаяясь все больше:

— Я не могу чай пить из твоих рук! И вкусы твои в глотку не лезут. Мне не вкус важен, а то, какие руки это подают. А руки — не те, не ее руки!

Выставил руки перед собой, словно Женя не понимала, о чем он говорит. Посмотрел на них разочарованно, будто ожидал увидеть не свои руки, а той, кого не мог забыть. Безвольно опустил их. Присел на диван. Вроде и рядом, но Женя чувствовала — никогда еще он не был так далек от нее, как сейчас.

— Мне и подавать ничего не надо, я сам подавать буду — мне не тяжело, мне это только в радость. Для нее. Не для тебя! Так получилось. Мир не справедлив: ты хорошая, она — дрянь. Но только для нее я готов на все.

Женя уже все поняла. Хватит слов, хватит! От них еще больше. Не надо продолжать — она понятливая. Посидит еще минуточку — пусть дыхание восстановится. Соберет вещи, и... Только не нужно больше слов! Пожалуйста, не нужно.

А Сергей не видел, как ей больно. Не думал, что убивает ее своими словами:

— Я не могу любить тебя. Я вообще теперь могу только ненавидеть. Не тебя — ты хорошая...

Она хотела спросить: а хорошие не заслуживают ни любви, ни ненависти, да?

Но говорить не могла. Было слишком больно — когда так больно, даже на крик не остается сил, не то что на слова.

— Ненавижу ее. В том числе за то, что она сделала с тобой. Это из-за нее я не могу любить тебя. Боюсь глаза поднять — потому что увижу не ее. Боюсь тебя. Потому что ты никогда не сможешь стать ею. Я могу сколько угодно ненавидеть ее, но ее место никогда не сможет занять другая женщина. Я пробовал, я честно пытался — ничего не получается.

А ведь ему больнее, чем Жене. Она не знала, что такое счастье — не успела узнать. Сергей дал ей лишь надежду на счастье. Но того, что пережил он со своей предательницей, она не познала. И никогда не познает.

Ей не с чем сравнивать. Поэтому не так больно, как, должно быть, больно ему. А он? Разве можно жить с такой бедой в сердце? Когда ненавидишь, но любишь даже больше, чем раньше? Сережка... Глупый, глупый Сережка... Бедный мой...

— От твоей ненависти есть только одно лекарство, — прошептала, собрав последние силы. — Прости ее.

Уж лучше бы она молчала. Ему легче было говорить, когда она молчала. Вроде не Женьку обижал, а пустоту.

А она ведь живая. Бедная девочка. За что ей это? Зачем он ей? Прилепилась бы к другому — помоложе, посимпатичней.

Красивая умная девочка. Почему же ты такая несчастная?

Умная. Лучше его поняла, что единственный выход — простить Ирину.

Он тоже это понял. Надо простить, надо. Не ради того, чтобы вернуть ее — разбитую чашку можно склеить, но трещины ничем не замажешь, не замаскируешь: при каждом прикосновении будут резать по живому.

Нет, не ради того, чтобы вернуть. Ради того, чтобы жить. Просто жить. Надо простить как можно быстрее — тогда боли будет меньше.

Надо простить. Но как простить того, кого любишь больше жизни?!

Может, за себя бы он и простил. Но она ведь не только его предала. Она предала и Маришку. У той сейчас такой сложный возраст. Случись это раньше или позже — возможно, предательство Ирины принесло бы меньше вреда дочери. Но теперь...

Даже если он и простит жену — увы, бывшую — дочь никогда не сможет забыть предательства матери. Пусть даже предала та совсем не ее. Ничего не поделаешь — юношеский максимализм. Сергей подозревал — она Женьку восприняла благосклонно исключительно в пику матери. Дескать, пусть тебе будет хуже.

Ох, Ирка-Ирка, натворила дел... Как же жить теперь без тебя?

За все в этой жизни приходится платить. Вадик давно знал эту азбучную истину, но теперь она подтвердилась буквально.

Как бы ни хотелось ему, чтобы отец до конца жизни пропадал на учениях — тот все равно вернулся домой. А вернувшись, узнал о 'выступлении' жены на девичнике.

Знал об этом и Вадик — слухи в гарнизоне распространялись быстро. В школе над ним подтрунивали: мамаша-то у тебя, братец, чокнутая! Сами вы чокнутые, отвечал Вадим, и приходил домой в синяках.

Но что синяки? Они были получены в честных боях, а потому морально нисколько не давили. На удары Вадим отвечал ударами, отстаивая честь матери. Обиды на пацанов не держал. Жалел их: что те могли знать о настоящей материнской любви?

Ад ждал его не в школе, не на улице. Ад был дома.

Узнав о выходке жены, отец будто с цепи сорвался. Вадим догадывался, почему — уж кто лучше отца мог знать, как алкоголь влияет на маму? И можно не сомневаться — пользовался своим знанием на полную катушку. Вечерние посиделки родителей за бутылочкой нынче приобрели для Вадима совсем другой смысл.

Время шло, а отец злился, кажется, с каждым днем все сильнее. То ли сплетники не оставляли в покое, тыча в него пальцами, то ли сам себя накручивал подозрениями. Вслух тему не поднимал, зато третировал домашних с многократно возросшей агрессией.

Тяжелее всего было видеть, как отец все чаще наливает маме рюмку водки на ночь. При этом приговаривает: мол, полезно для хорошего сна.

Но Вадим-то теперь отлично знал, для какого 'хорошего сна' тот это делал. Знал, бесился, ненавидел все сильнее, но оградить маму от отцовских притязаний не мог.

Слыша чужой мамин смех за стеной, ее сладкие стоны, он едва сдерживал себя. Ревность душила днем и ночью, отравляя жизнь. Каждую минуточку таких ночей на месте отца Вадим представлял себя. Душа кричала: 'Не смей, гад, она моя, моя!!!' Чтобы не убить более удачливого соперника, представлял, будто не отца ласкает мама, а сына. Не отцу, а Вадиму дарит отзывчивое свое тело. Доводил себя шаловливыми ручонками до полного иступления — только бы не выдать отцу тайное свое, сокровенное знание.

Вскоре Черкасовы переехали в другой гарнизон, неподалеку от Челябинска. То ли так замечательно все совпало, то ли отец сам напросился

на перевод, не в силах вынести косые взгляды друзей и тем более недругов. Так или иначе, а переезд вся семья приняла с нескрываемым вздохом облегчения.

Здесь дружеских отношений с сослуживцами отец не заводил. Маму держал в ежовых рукавицах: той теперь позволялось выходить из дому разве что в магазин, или на склад за пайком. Даже в школу на родительские собрания ходил сам: чтоб мама ненароком ни с кем там не сдружилась.

Переживала ли мама из-за домашнего ареста — Вадик не знал. Она не говорила об этом. Не любила жаловаться на отца. Разве только взгляд кинет в сторону сына: мол, ты ведь меня понимаешь, ты же со мной, сынок? Вадик был с ней. Понимал, все понимал! Жалел. Но показать чувства мог не раньше, чем за отцом захлопнется дверь.

Взросшая озверелость отца сблизила их с мамой еще больше — если только могло быть что-то большее, чем их любовь. Мама стала еще нежнее и ласковее. И как будто беззащитнее — по крайней мере Вадиму нравилось так думать. Раз она беззащитна — долг защищать ее ложится на него. И он защищал. Но не от того, от кого ее нужно было защитить — против отца он переть не мог: куда самокату против танка?

Зато он мог защитить маму от мира. Мир — злой и жестокий. Миром для нее должен стать сын: любящий, заботливый, нежный. Вадим теперь ласкался к ней открыто. Мама отвечала едва ли не со слезами благодарности. Вроде и улыбалась, а глаза грустные-грустные, будто вот-вот расплачется от благодарности.

Он прижимал ее к чуточку возмужавшей груди — спасибо отцу за бесконечные 'упал-отжался' — и гладил, гладил едва подрагивающую под его ладонями мамину спину. А та дышала ему в шею горячо-горячо — Вадим уже в тринадцать был почти на голову выше мамы. Потом в благодарность за сочувствие она целовала его в губы. Он задыхался от счастья, и ждал, ждал: когда же отец снова уедет на учения?

Ждал. И тогда, мечтал он, и тогда...

Не находил приличных слов, чтобы даже самому себе описать то, что произойдет, когда они с мамой останутся вдвоем. Вадим знал, как это называется, но все существующие определения были грязными и отвратительными, а потому никоим образом не подходили ни к его мамочке, ни к тому, чем они стали бы заниматься в отсутствие отца.

Он мечтал так сладко. Так сильно хотел, чтобы уехал отец, чтоб оставил их с мамой вдвоем хоть на несколько дней, что судьба одарила их с мамой щедрой милостью, отправив отца в командировку за новобранцами.

Ах, как летел Вадик из школы! Ах, как билось его сердечко в

ожидании встречи с мамой. Ведь так много времени прошло уже с той памятной, восхитительной ночи, так давно это было. Вадик уже забыл, что сам-то, в отличие от мамы, оказался тогда не на высоте, не сумев доставить ей ответное удовольствие. Но уж теперь-то, сегодня, он сумеет! Он все сделает, как надо. И мамочка поймет, что он у нее самый лучший, самый замечательный. Что не нужен ей больше отец, ведь теперь у нее есть сын — взрослый сын, настоящий мужчина.

Но командировка отца прошла даром. Рассыпались прахом мечты.

Ничего не случилось. Ровным счетом ничего, если не считать обычных игр в красоту.

Только хуже стало, чем раньше. Вадик опять оконфузился. На сей раз конфуз имел трагические для него последствия.

Наигравшись вволю, помассировав друг друга от пояса и выше, они отправились в ванную. По обыкновению, сначала мама смывала остатки сметаны с Вадика. Пока мыла грудь и спину, его 'краник' заметно вспух. Она привычно улыбнулась, назвав сына 'почти взрослым', и продолжила гигиеническую процедуру. Едва взяла в руки 'краник', чтобы промыть его как можно тщательнее, как тот из просто вспухшего превратился в... в очень даже взрослый 'кран'. Не успела она отдернуть руку, как 'кран' протек, оставив в ее ладони скользкий мутный след.

Мама уже не смеялась. И не радовалась. Она почему-то расстроилась. Грустно сказала:

— Ты стал совсем взрослым, сынок.

На этом игры в красоту закончились.

Прошло два долгих года. Вадик продолжал мечтать о маме, напроочь отвергая ровесниц. Девчонки бегали за ним табунами, как юные гонористые лошадки. Некоторые, что понаглее, практически сами выпрыгивали из трусиков. Но не реагировал на них 'краник', висел бессмысленным кусочком плоти, приспособленным лишь для отправления малой нужды.

Мама радовалась необыкновенной серьезности сына: правильно, сынок, сейчас не о девочках нужно думать, а об аттестате — класс-то выпускной, летом судьба твоя решается, а для девочек еще будет время, никуда они от тебя не денутся. Вадик кивал согласно: да, мамочка, конечно, придет время — и будут девочки.

Но лишь об одной 'девочке' мечтал. Лишь одну хотел каждое мгновение своей жизни. Однако мечты оставались мечтами. Теперь в жизни Вадима не было даже безобидных игр в красоту. Максимум, на что он мог

рассчитывать — это постоять несколько мгновений в обнимку с мамой, прижать ее к себе тесно-тесно, чтобы стало жарко не только от ее дыхания, и стоять так, не смея шелохнуться, чтоб не спугнуть ее, ставшую вдруг такой недоступной. Несколько жалких секунд превращались в вечность. Иногда после этого мама по привычке целовала его в губы, как раньше. Но случалось это все реже. После таких поцелуев она отчего-то смущалась, будто теперь что-то изменилось в их отношениях. Но ведь ничего не изменилось, мама! Ничего!

А мама, видимо, считала иначе.

Если долго мечтать о чем-то, если очень сильно чего-то хотеть, то желание непременно исполнится. Исполнилась наконец-то и самая заветная мечта Вадика: на его день рождения выпали очередные учения отца.

Друзей здесь не было ни у Вадика, ни у мамы. Поэтому его шестнадцатилетие они праздновали вдвоем.

Настоящий подарок судьбы: он, мама, и шампанское.

Мама сама открыла бутылку, сама налила себе и Вадиму:

— Вот ты и взрослый, сынок! Наконец-то я могу выпить шампанского с самым дорогим человечком во вселенной. Будь здоров, Вадюша, будь всегда таким же красивым и послушным. Пусть удача всегда будет твоей союзницей.

Удача бы ему ой как не повредила. Спасибо за пожелание, мамочка!

Она выпила до дна, как и полагается за здоровье сына.

Вадик тоже выпил, но чуть-чуть. Не из соображений вредности алкоголя для растущего организма, а сугубо из практичности: сначала не мешало бы опытным путем установить, сколько шампанского нужно выпить маме, чтобы перестать быть мамой. А у них припасена всего одна бутылка. Кстати — не забыть бы сразу выбросить ее. Иначе отец обо всем догадается.

Мама повеселела сразу, после первого же бокала. Однако это все еще была мама. Вадик щедрой рукой подливал ей шампанского, не забывая отсчитывать: раз, два, три... Уже после второго ее взгляд слегка осоловел, язык начал выдавать странные речи про Паулину Видовскую.

Третий бокал оказался решающим. Мамин взгляд сфокусировался на Вадиме:

— Какой красивый малыш! Не 'голубой', случайно? Слишком красив для гетеросексуала. Мальчик, хочешь попробовать звездного тела?

Мальчик хотел. Еще как хотел! Без малого три бесконечных года мечтал об этой волшебной ночи.

На сей раз Вадим не подкачал, не опозорился. Он сумел отблагодарить маму за ее любовь. Сумел по-взрослому, по-настоящему. Она бы им гордилась, если бы вспомнила. Но, как и в прошлый раз, наутро мама все благополучно забыла.

Меньше, чем через год семья Черкасовых перебралась в Москву. Николай получил должность при главном штабе. Хоть и не большой начальник, но и не последний офицеришка.

Вадим, как и рассчитывал, окончил школу с золотой медалью, а потому без особых проблем стал студентом престижнейшего в стране университета — МГУ.

Командировки у отца теперь случались очень часто: практически каждый месяц мотался с проверками по стране. То на три дня уезжал, то на неделю. Иной раз таких командировок случалось и по две в месяц.

Без отца было лучше обоим: и маме, и Вадиму. Вадим был уверен: если бы мама знала, чем они занимаются в те моменты, о которых она ничего не помнит — обрадовалась бы. Для порядка, конечно, ужаснулась бы — не без этого. Но очень скоро поняла бы, что это самое прекрасное и самое чистое, что может быть между матерью и сыном.

Одно время он всерьез обдумывал, не рассказать ли ей правду. Наверное, больше всего в жизни ему хотелось, чтобы эта тайна была их общей. Вадиму не хватало маминого знания. Он чувствовал себя вором, тайком лезущим в чужой карман, пользуясь тем, что никто не видит. Ему нужно было, чтобы мама разделяла его восторг. Чтобы глаза ее, не смущаясь присутствием внезапно вернувшегося мужа, кричали сыну: 'Спасибо за прошлую ночь!'

Однако, взвесив все 'за' и 'против', Вадим отказался от этой идеи. Да, мама разделяет его восторг, но только тогда, когда даже не догадывается, что она его мама. Если рассказать ей, как им здорово вместе — она поверит сыну. Но 'поверить' и 'почувствовать' — слишком разные понятия, слишком далекие друг от друга.

Жаль, что мама ничего не знает. Но может быть, это к лучшему? Ей не придется мучиться угрызениями совести. А Вадима никакие угрызения не мучают. Кто лучше его знает, что их с мамой отношения — самые высокие, самые чистые, какие только возможны между людьми.

Значит, пусть все так и остается.

— Если бы я знала тогда. Если бы знала...

От тоски и безысходности Ирина издала такой вздох, что вслед за нею печально вздохнула и собеседница.

— Я ведь и правда думала, что он меня любит. Наивная. То, что не любила сама, казалось ерундой. Тогда казалось важным, чтобы меня хоть кто-то любил. Понимаете: хоть кто-нибудь! Меня ненавидел Сергей, презирала Маришка. Мама умерла. Единственную подругу я сама готова была придушить. Я оказалась одна на этом свете, совершенно одна, никому не нужная...

Она помолчала. Может, жалела себя. А может, отстраненно анализировала ситуацию.

— И тут вдруг, как глоток свежего воздуха — этот мальчик. Красив, как Бог, великолепно сложен. Он смотрел на меня такими глазами! Мне не было важно, люблю ли я его, понимаете? Для меня была важна лишь его любовь ко мне. Если бы не он — я бы давно разучилась дышать. Он был моим воздухом. Вот скажите, вы воздух любите? Не в смысле 'подышать свежим воздухом'. Любите ли вы каждый вдыхаемый глоток? Вряд ли. Вы наверняка просто не задумываетесь об этом. А ведь без воздуха человек умрет. Вот так и я. Я бы просто умерла без Вадима. И совсем не потому, что люблю. Я никогда его не любила, ни одного дня. Я просто позволяла ему любить, позволяла быть рядом, чтобы не оставаться одной. Потому что нет зверя страшнее одиночества. Человек не может жить никому не нужным. Меня отвергли муж и дочь. А Вадиму я была нужна. Думала, что нужна я. А на самом деле...

Золотые деньки как наступили, так и закончились.

Пять восхитительных лет Вадим наслаждался жизнью. Пять замечательных лет рядом с ним была Паулина Видовская: только дождись отъезда отца и налей маме три фужера шампанского. Вадим никогда не опускался до водки. Его мама достойна только самого лучшего.

По нетрезвым маминым возгласам он давно уже догадался, что в молодости она была певицей. Звездное прошлое оставило в ее душе неизгладимый след. Каждый раз, глотнув алкоголя, она неизменно возвращалась в то далекое время, когда была еще свободной и независимой. Потому и не узнавала сына: в пьяных грезах она была молодой, незамужней и бездетной.

Он прекрасно понимал, почему все эти годы от него скрывали звездное прошлое матери. Видимо, немало сплетен породила ее разгульная жизнь.

Сексуальная раскрепощенность мамы удивила бы самого завязатого

циника. Вадиму поначалу даже бывало неловко видеть ее такой. Однако неловкость прошла довольно скоро, едва он понял, что мамина амнезия весьма стойка и вряд ли когда-нибудь улетучится, тем более что лечить эту амнезию никто не собирался.

Необходимость стесняться отпала сама собою. Можно было расслабиться и получать удовольствие, позволяя себе любые, даже самые некрасивые вольности и шалости — мама, вернее, Паулина Видовская, принимала такие шалости с восторгом, не пугаясь самых смелых экспериментов.

Доступность и изобретательность Паулины никоим образом не влияли на любовь Вадима к маме. Мама — святая. Даже если бы сексуально раскрепощенной была она — Вадим принял бы эту ее особенность с благодарностью и уважением: он ведь по-прежнему был уверен, что нет ничего чище любовных отношений между матерью и сыном.

Тем не менее, поняв, что сексуальные изыски дело рук не мамы, а отвязной певички, сын вздохнул с явным облегчением. Мама в его понимании стала еще чище, чем раньше, ибо никоим образом не отвечала за деяния Паулины.

Он и раньше не особо парился из-за того, что якобы нарушает какие-то там табу. Кто эти табу придумал? Кто сказал, что табу эти — истина в последней инстанции? Почему следует придерживаться их слепо, без внятных объяснений?

Теперь же для этих табу вообще не имелось ни малейших оснований: мама — это мама, а ночная партнерша — разнузданная певичка.

Но когда разнузданной певичкой владел отец... Стены типовой панельной многоэтажки, отлитые из, судя по всему, специально для любопытных соседей выведенной марки бетона, не заглушали похотливых стонов Паулины. От ревности Вадим готов был убить обоих: и отца, и Паулину. Отца понятно за что. А Паулину за неразборчивость. За то, что не помнит, как хорошо ей было с Вадимом всего несколько ночей назад.

Как бы ни душила ревность, но Паулину неразборчивость он мог простить: что с нее возьмешь, глупой легкомысленной бабы? Куда тяжелее было выдержать приглушенные мамины охи — именно мамины. Когда мама оставалась мамой, а отец — все тем же ненавистным соперником. Охи эти совсем не были похожи на Паулинины сладострастные вскрикивания. Паулине, вне всякого сомнения, нравилось, что с ней вытворяли. Маму — Вадим чувствовал это — отцовы притязания напрягали. А может, ему просто хотелось, чтоб было так? Хотелось. Очень хотелось. Наверняка мама отдается отцу без удовольствия. Она всего лишь

выполняет супружеский долг. Терпит через силу — недаром ведь так тяжело вздыхает. Она ни в чем не виновата. Виноват отец — вечно голодная, ненасытная скотина, насилующая маму.

Странно было ловить себя на мысли, что маму Вадим любит значительно больше Паулины, хотя сама постановка вопроса казалась бессмысленной. И тем не менее. Паулина — доступная развратная женщина. Мама — святая. Святая и недостижимая во всех отношениях.

Много лет прошло с тех пор, как Вадик оконфузился со своим 'краником'. Много лет игры в красоту оставались под запретом — мама даже не вспоминала о них, будто и не было никогда их замечательных невинных шалостей. Теперь красотой она занималась в ванной комнате: брала с собой взбитую сметану, и закрывала дверь на задвижку. Вадиму оставалось лишь представлять, как она обмазывает нестареющее свое тело, как сама себя массирует... Но представлять и вспоминать — совсем не то, что самому участвовать в игре, от которой замирает сердце.

Ему не хватало этих игр. Не хватало близости. Не с Паулиной, нет — надолго он теперь без нее не оставался. А мама день ото дня становилась недоступнее. После конфуза она еще целовала Вадима в губы. Но это было уже не то: едва коснувшись сына, тут же отшатывалась. Получался не поцелуй, а ничего не значащий пустячок. Такие поцелуи не несут ничего, кроме оскорбления. Но и их вскоре не стало: не считать же поцелуями банальные 'чмоки' в щечку, да и те два-три раза в год — в дни рождения да на восьмое марта.

Ушли в прошлое и тесные их объятия, когда под ладонью Вадима трепетала чувственная мамина спина. Даже взгляды ее — и те изменились, стали более сдержанными. Он ластился к ней, а она отстранялась все дальше, раня сердце и эго.

У Вадима теперь была Паулина. А мама, хоть и была рядом, превратилась в мечту, в идола.

Зато у отца была и Паулина, и мама. Но что он, чурбан, понимал в женщинах?! Он ведь не ценил ни ту, ни другую. Брал, но ничего не давал взамен. Не любил. Не берег. Потреблял.

Одна радость: все реже отец потчевал маму перед сном рюмкой водки. И без водки терзал уже не так часто. Возраст. Вадим потирал руки: так тебе и надо, старый козел!

Хотя не такой уж и возраст, чтоб напрочь забыть о телесных удовольствиях: некоторые и в более старшем возрасте умудряются наследников 'строгать'. Так что поводы для ревности у Вадима оставались существенные.

Как он мечтал, чтоб отец превратился в импотента! А лучше вообще к праотцам отправился: там ему, злобному солдафону, самое место.

И вновь мечта сбылась. Да так сбылась, что лучше б уж не сбывалась. Наполовину. На первую половину: мужиком отец быть перестал. Стал инвалидом: кондратий в глотку вцепился крепко.

Потекла безрадостная для всех жизнь. Вадиму и раньше было не слишком сладко: то Паулинины выкрики из-за стены, то мамины сдержанные охи. Но тогда у него была отдушина: пару-тройку раз в месяц ему перепало от щедрот. Не хватало мамы, но Паулина компенсировала недостачу хотя бы частично.

Теперь Паулина оказалась такой же недоступной, как и мама. Хоть кричи, хоть в петлю лезь — никакого выхода.

Оставалось искать утешения на стороне. Вадим несколько раз пробовал забыться в объятиях ровесниц. Недостатка в доброволицах не испытывал: только свистни — девки валом бегут на симпатичную мордашку. Однако результат каждый раз был плачевным: не реагировал 'краник' на посторонних дам, как бы те ни старались.

Мучительны были такие провалы Вадиму — ужасно стыдно мужчине чувствовать половую беспомощность, пусть даже знаешь, что больше не встретишься со свидетельницей своего позора. А потому эксперименты пришлось прекратить: чужая баба — не выход. Ему нужна только мама. Или Паулина. Но никто другой.

Ирония судьбы — двадцать два, а он уже практически евнух.

Не сказать, что без секса невозможно прожить. Возможно. Наверное. Даже когда тебе чуть за двадцать. Нужно только сделать так, чтобы не было рядом объекта страсти. А в самом крайнем случае, когда уж совсем невтерпеж, использовать собственные руки. Главное — не видеть маму. Тогда, наверное, будет легче.

Вадим снял квартиру. Попробовал жить вдали от мамы. Но в первую же субботу примчался к ней: лучше видеть, но не иметь возможности прикоснуться, чем не видеть совсем.

Мука адская. Он проклинал немощного отца: что ж ты пыхтишь еще, сволочь? Для кого? Зачем? Кому ты нужен? Сыну? Вот уж нет. Жене? Тем более! Вадим ни за что не поверил бы, что мама дорожит отцом. Она ненавидит мужа точно так же, как его ненавидит сын.

Но отец упорно цеплялся за жизнь.

Конец мучениям настал лишь спустя три бесконечных, трудных года.

Отец не умер, нет. Напротив: вычихался. Чуть волочил ногу, рука

висела плетью. Характер стал еще более сволочным, если только это возможно. Днем и ночью орал на маму. Если приходил Вадим — в его сторону неслись откровенные маты.

Удивительное дело — мама после болезни отца стала еще краше, еще свежее. Или Вадиму это лишь казалось? Потому что видел ее редко, скучал до боли. И по Паулине истосковался. Как ему не хватало ее диких выходов!

И вдруг, когда уже совсем отчаялся, жизнь изменилась к лучшему. Не так, как бы ему хотелось, но фортуна повернулась к Вадиму вполне приемлемой стороной.

Вместе с новой работой нашел и новую радость в жизни. Трудно поверить, что чужие друг другу люди могут быть до такой степени похожи. Правда, мамина копия была чуть моложе и бледнее оригинала, но это была качественная копия, о чем немедленно просемафорил 'краник'. Это был выход.

— Для меня он был суррогатом: коль уж не осталось надежды на счастье, пусть рядом будет хотя бы его подобие. И не подозревала, что сама стала для него таки же суррогатом! Копией. Приемлемым компромиссом. А я-то, дура, уши развесила. Вот почему он всегда утверждал, что только рад был бы еще большей разнице в возрасте. Чтобы я еще больше была похожа на оригинал, на его драгоценную мамочку-нимфоманку!

Самолет дрогнул многотонным телом, выпуская шасси. Скоро посадка, а Ирина еще не успела рассказать самое главное, самое страшное. Неужели оно так и останется в ней, невысказанное, разрывающее душу?

Заторопилась, заговорила, глотая окончания, захлебываясь недавним ужасом, выплевывая горькую правду.

Военное ведомство заботится о своих кадрах. Даже если кадры эти давно вышли в отставку по причине немощи.

Николай периодически подлечивался в госпитале. Как порядочная супруга, Паулина ежедневно навещала его, балуя домашней едой.

В один из вечеров, возвращаясь из клиники, решила устроить сюрприз сыну с невесткой — незапланированный визит. Нужно поддерживать родственные отношения, чтобы Ирина не чувствовала себя отвергнутой родителями мужа.

Ирину она воспринимала двояко. С одной стороны — кому понравится невестка, годящаяся тебе в младшие сестры?

С другой... Черт его знает, как объяснить то, что объяснению не поддается? То, в чем Паулина сама не могла разобраться. Возраст Ирины как бы стирал несколько лет разницы между матерью и сыном: Паулине болезненно хотелось быть ближе к нему, хотя бы таким замысловатым образом.

А главное — Ирина поразительно была похожа на Паулину, и это не могло не льстить. Выходит, для Вадика существует лишь одна женщина — мать.

Что говорить — она ревновала. Ее мальчик, ее сынок нынче принадлежит другой женщине. Пусть похожей на Паулину, но другой. Ее кровиночка, любовь всей ее жизни — больше вроде как уже не ее.

Кто бы знал, как все эти годы Паулина скучала по сыну! Даже когда он был рядом — все равно скучала. Потому что особенные их отношения остались в прошлом. Невероятная близость, доверие, и — да, она — любовь. Когда он был маленьким, Паулина была уверена, что любит его именно как сына. Но когда Вадик вырос, стала ловить себя на измененных чувствах.

Это было ужасно! Как случилось, что не нашлось в ее жизни человека ближе, чем сын? Как произошло, что не было в ее жизни мужчины дороже, чем Вадим?! В далекой юности у Паулины имелось немало поклонников. Она много познала, много попробовала. А потом жизнь круто изменилась, и рядом остался грубый солдафон, к которому можно испытывать лишь отвращение.

В этой пустоте не оказалось никого, кому бы она могла подарить свою душу. Совершенно естественным образом всю ее до отказа заполнил единственный сын. А когда он вырос, Паулина стала ловить себя на том, что воспринимает его не столько как сына, сколько как мужчину.

Жаль, что она поняла это слишком поздно. Пойми она раньше — наверное, это чувство можно было бы подкорректировать. Но до поры до времени ей казалось это игрой. Волнительной, возбуждающей, но лишь игрой.

Она долго не пускала в себя правду. Замечала, что Вадик взрослеет. Но лгала самой себе: ничего, он еще не настолько повзрослел, чтобы понять смысл происходящего. Скоро нужно будет отказаться от этой радости, но пока еще она может позволить себе ее. Чуть-чуть. Еще немножко.

Вадик взрослел, и она трепетала от его взросления. Трепетали вместе: его 'краник' в ее ладонях, она сама... Она должна была прекратить это, как бы сладко это ни было. Но обманывать себя легче, чем отказаться от единственной радости в жизни. Еще чуть-чуть, еще немножко...

А потом случилось страшное. Только тогда она поняла, что мальчик вырос окончательно. Хуже того — поняла, что и он давно это понял. И, похоже, для Вадика это была не просто игра. Она прочитала это в его глазах, когда тот едва не заплакал от позора.

Его ужас вознес Паулину на небеса: мальчик так же влюблен в нее, как она сама! И в то же время принес стыд. Она не должна была доводить до этого. Она мать. И должна любить сына материнской любовью. И только материнской!

Это было ужасное чувство. Что может быть страшнее, чем влечение к собственному сыну?! Она стала давить в себе это влечение. Сознательно отстранялась от Вадика — чтобы он не чувствовал то же самое к ней. Даже целовать его перестала, от чего больше всего страдала сама. Жила надеждой, что не слишком опоздала, что не натворила беды непоправимой. У молодости короткая память. Наверное, Вадик уже и не помнит ничего. И слава Богу! Но жаль, как жаль!..

А теперь в их с сыном отношения вклинилась невестка. К счастью ли, к сожалению?

Паулина уверяла себя: к счастью. По крайней мере, прилагала все силы для того, чтобы если не полюбить Ирину, то привыкнуть к ней, впустить ее в свою жизнь.

Дома оказалась только Ирина. Вадим задерживался на семинаре — раз в месяц посещал бизнес-тренинги. Старался использовать любую возможность для повышения профессионального уровня.

Внезапное появление свекрови Иру в восторг не привело. Но куда деваться? Не выставишь же вон. Вышла замуж — приспособляйся не только к мужу, но и к его родственникам.

Пришлось изображать на лице искреннюю радость, и суетиться, проявляя чудеса гостеприимства.

Стол был накрыт в одно мгновение, благо на продуктах Ира никогда не экономила. Ничего не жалея, выставила на стол лучшее, что было в доме: коньячок, шампанское, конфеты 'Метеорит', которые всю жизнь любила до умопомрачения. К коньяку подала канапе с карбонатом, сыром, ветчиной и непременною оливкой на шпажке: красиво, а главное, удобно — сунул в рот целиком, и никаких крошек. Пригодилась и купленная накануне банка острых шампиньонов.

От коньяка гостья отказалась наотрез:

— Что вы, Ирочка, коньяк пьют только мужчины! Дамы должны пить шампанское. Мы ведь с вами интеллигентные люди. Вадик знает — я очень

люблю шампанское. Балует меня время от времени.

Ирина налила ей шампанского. Себе плеснула полрюмки коньяку. Вообще-то она тоже отдавала предпочтение шампанскому. Но разыграл гонор. Не хватало еще, чтобы свекровь ее уму-разуму учила. Намек-то какой: 'Мы ведь интеллигентные люди!' Между прочим, интеллигентные и пьют коньяк — быдлу он не по карману, быдло хлещет стеклоочиститель.

Невзирая на духоту — жара под тридцать — исключительно в пику свекрови выпила коньяк.

Паулина залпом осушила фужер, улыбнулась, не скрывая удовольствия. Закусывать не стала: кто закусывает шампанское?

— А когда, говоришь, Вадик придет? — неожиданно перешла на 'ты'.

Ирина взглянула на часы: четверть восьмого.

— Да вот-вот. Обычно всегда в это время возвращается. Я и сама только что с работы пришла, едва переодеться успела, даже не поужинала. Так что вы вовремя.

Насчет 'вовремя', конечно, приврала: совсем даже наоборот. За день умоталась, наобщалась — сейчас бы помолчать под бормотание телевизора, вытянуться на диване, давая отдых уставшим от каблучков ногам.

— Как поживаете? Как Вадюша, здоров?

Что с ним станется, с твоим Вадюшей? В его ли возрасте о здоровье волноваться?

Однако высказывать это вслух не стала. Улыбнулась, кивнула: дескать, все нормально.

— Чем ты его кормишь? — не унималась свекровь. — Бутербродами, небось? Один геморрой от ваших бутербродов, никакой пользы. Геморрой и язва.

Странные, однако, речи для застолья. Вот тебе и интеллигентка! С виду вполне благовоспитанная женщина, а рот откроет — рыночная торговка. Раньше Ира не замечала за свекровью такого. При нечастых встречах та всегда вела себя безупречно: ни дать, ни взять — леди. Наверное, нужно понимать это так: Иру приняли в семью, перестали прятать истинные лица за масками.

— В твоем возрасте надо каши кушать, на овсянку налегать. На меня посмотри — в пятьдесят лет моложе тебя выгляжу!

Та-аак. Вот и до возраста добрались. Наконец-то! Что дальше?

Чтобы не ответить дерзостью, Ира потянулась к бутылке:

— Еще шампанского?

— Сама коньяк хлещет, а мне шампанского, — недовольно проворчала

Паулина. — Ты мне еще лимонаду предложи. Коньяк лей!

Коньяк так коньяк, Ире не жалко. Черт ее поймет, эту стерву. То она только шампанское пьет, то оскорбляется. Хоть бы Вадим скорее пришел, что ли, взял бы на себя беседу с любимой мамочкой. Эх, нужно было выходить замуж за сироту — насколько было бы проще.

Налила, как и себе, полрюмочки, протянула гостье. Та оскорбилась:

— Что, полную пожалела? Для матери мужа жалко, да? Лей, не жалея! Да пожалуйста! Пей на здоровье.

Ира плеснула слишком щедро — на льняной салфетке расплылось янтарное пятно. Нужно будет сразу замочить, иначе потом не отстираешь. Едва поставила рюмку с коньяком на стол, как Паулина резво схватила ее, огласила:

— Будь здорова! — и махом опрокинула в себя коньяк.

Зашлась, хватая воздух ртом. Щедро плеснула в фужер шампанского из стоящей рядом бутылки, запила большими глотками, и лишь тогда перевела дыхание:

— Фу, говно какое! Я же говорила: коньяк — для мужиков! Только козлы такую дрянь пить могут. Приличные женщины должны пить шампанское! И любить мужчин. А ты кого любишь? Пьешь коньяк — значит, лесбиянка. Развелось хрени нетрадиционной. У меня глаз наметанный. Я вас насквозь вижу. А я — натуралка, я мужиков люблю. И горжусь этим. Где они?

Огляделась вмиг осолопевшим взглядом, глянула презрительно на Ирину:

— Где, я тебя спрашиваю?

— Кто? — недоуменно спросила Ирина. Ситуация выходила из-под контроля — со свекрухой явно творилось что-то непонятное. У нее что, от жары мозги расплавились? Слишком быстро ее развезло — рановато для опьянения.

— Кто-кто — раскудахталась, твою мать! Мужики, спрашиваю, где? Я ж тебе сказала — бабами не интересуюсь!

У-ууууу... Хочешь познать истинное лицо свекрови — угости ее коньячком в жару. Как все запущенно. Не передались ли Вадиму дурные гены? Пока что Ира ничего настораживающего не замечала. Но впредь со спиртным нужно быть поаккуратнее.

А свекровь распалась пуще прежнего:

— Ты на меня не глазей — не про твою честь Паулина Видовская! Облизывайся, сколько хочешь, но меня ты, гнида лесбийская, лизать не будешь!

Ого! Да она впрямь тронулась. И что делать? Санитаров вызывать? Скорей бы Вадим пришел — пусть сам разбирается.

В памяти что-то шевельнулось. Видовская... Паулина Видовская... Когда-то давно она слышала это имя. Кажется, была такая актриса. Или певица, что ли? С ней еще был связан какой-то скандал. Но Ира тогда была еще подростком, подробностей не помнит. Но причем тут Видовская? Или это та же самая Паулина? Ничего себе!

Распоясавшаяся гостья потянулась к бутылке, налила шампанского. Без всяких тостов влила в себя, отрыгнула пузырьки. Ирина только ужаснулась: ну и воспитание!

Именно в эту минуту пришел Вадим. Ира кинулась к нему, как к спасителю:

— Наконец-то! Я тут без тебя не справлюсь.

— О, вот и мальчики! А остальные где? — пьяно лепетала Паулина.

Увидев мать, Вадим изменился в лице. Спросил торопливо:

— Сколько она выпила?

— Я что, считала? Немного. Но намешала: шампанское, коньяк. Плюс жара.

— Чаю, живо! Много и очень крепкого!

А Паулина ухмылялась:

— Ух ты, красавчик какой! Где-то я тебя уже видела...

От отвращения Иру передернуло, и она с облегчением ушла на кухню. Поставила на огонь чайник. Помыла заварник, насухо вытерла. Засыпала крупнолистовой чай.

Паулина Видовская...

Память медленно вытаскивала ассоциации. Что-то связанное с коллективными попойками. Алкоголичка? То-то на нее так подействовало. После первого же фужера шампанского стала вести себя странно. Раньше ведь даже на 'ты' Иру не называла.

Чайник нагревался медленно — слишком много налила воды, отметила про себя Ирина. Ждать придется долго. Но лучше она подождет здесь: глядишь, к тому времени Вадим приведет мамашу-алкоголичку в чувство.

Достала непочатую пачку печенья.

Из гостиной донесся напряженный голос мужа:

— Ира, ты скоро?

Она ответила, не выходя из кухни. Только оглянулась, чтобы лучше было слышно:

— Минут пять еще — вода не закипела.

Нагревшись, чайник начал уютно шуметь. Ира разорвала упаковку с печенья — целлофан громко зашуршал, заглушив голос Вадима:

— Не заходи сюда!

Неспешно приготовила чашки, поставила на поднос сахарницу, печенье, и понесла в комнату.

Хм, свекровь-алкоголичка. Надо же. А с виду и не скажешь. Алкоголизм может передаваться с генами. Придется вести трезвый образ жизни — чтоб Вадиму было меньше соблазнов.

Алкоголичка... Нет, кажется, не в этом была соль скандала. С пьянством тесно связано, но другое. Помнится, в школе только об этом и говорили. Пьянство бы их так не взбудоражило. Что больше всего могло взволновать неокрепшие души подростков? Секс.

Уже входя в комнату, она вспомнила. Секс, вот что. Групповые оргии. Как она могла забыть такое?

Вадим сидел в кресле, боком к кухне. Глаза сладострастно прикрыты, на лице явственно читалось блаженство. Между его ног на коленях стояла Паулина.

Поднос накренился, чашки вместе с сахарницей и печеньем полетели вниз. Сыпалось все это ассорти так долго и с таким шумом, как бывает только в кино при замедленных съемках.

Услышав грохот, Вадим открыл глаза. Скривился, как от боли:

— Уйди! Уйди отсюда, прошу тебя...

Ирина замолчала, вновь переживая кошмар.

Земля в иллюминаторе неумолимо приближалась. Вот уже завиднелась посадочная полоса.

— Он мне все рассказал. Я не хотела слушать — было противно. Но он никак не уходил. Терзал на коленях чемодан с вещами, и никак не хотел замолчать. Меня тошнило от подробностей, а он все говорил и говорил. Мне кажется, он рад был возможности наконец-то рассказать кому-то об этом. Объяснял, как он любит мать. И в сыновнем, и в мужском смысле. Оправдывал ее, говорил, что она даже не догадывается ни о чем. Доказывал, что его мать — святая, но страдает алкогольной амнезией. Не ее, мол, вина, что она такая.

— Не знаю, бывает ли такое на самом деле, — продолжала она, торопясь успеть до того, как лайнер коснется земли. — Но даже если это правда, даже если мать ничего не знает, это ведь не оправдывает его. Он же самым подлым образом насилует собственную мать! Это, наверное, еще

хуже, чем если бы она все это знала. Представляете, что стало бы с Паулиной, узнай она правду? Мало того, что муж измывался над ней столько лет, так еще и сын пользуется ее болезнью. А это болезнь — я видела, во что она превратилась после первого же глотка шампанского.

На мгновение замолчала, переводя дух.

— Или это ей кара за ее дурость, за то, что втянула ребенка в ужасные игры, оправдывая их заботой о красоте? Неужели не догадывалась, какие чувства разрывали его, когда она терлась о него голой грудью?! Вы только представьте — мать заставляет сына мыть себя, совершенно обнаженную. Сметана — не одежда! Голыми руками ребенок елозил по ее голой груди, по ее голому задку! Чего она ждала от такого воспитания?

От негодования Ирина хватала воздух раскрытым ртом, не находя подходящих слов. Заметив, что кустики по бокам посадочной полосы превратились в настоящие деревья, спохватилась:

— И все же мне ее безумно жалко. Такого не заслуживает никто. Парадокс — сын на полном серьезе называет это любовью! В высоком моральном смысле. Мораль! Насиловать несколько лет фактически бессознательную мать и кричать о морали, о высокой сыновней любви.

— Вы не рассказали ей о том, что произошло? — поинтересовалась попутчица.

— Как я могла? Как рассказать такое? Прийти к ней в дом, и заявить, что сынок имеет ее во всех позах, прикрываясь любовью? Даже если бы она поверила — это убило бы ее. Я не испытываю к ней ни малейших теплых чувств, но быть вестником, приносящим жуткие вести, хочу. Не могу. Вот скажите — вы бы сказали?

— Не знаю... С одной стороны, надо сказать: нужно же прекратить этот кошмар. С другой — я очень хорошо вас понимаю. Действительно, как ей такое скажешь?

Лайнер тяжело коснулся земли, подпрыгнул пару раз и уверенно покатился по бетонке, едва ощутимо подсакивая на стыках плит. Ирина вздохнула:

— Вы уж простите, что вылила на вас столько грязи. Мне ведь, как оказалось, даже не с кем поделиться своей болью. Ни друзей, ни родных. Да и разве такое близким расскажешь? Чревато осложнениями: могут и напомнить некстати. Впрочем, напоминать некому — одна я осталась, никто не знает этой грязи. Разве только вы. Но вы меня не знаете, я вас тоже не знаю.

Выдохнула решительно:

— Да и недолго мне осталось. Я же не просто так лечу. Я все для себя

решила. Хочу увидеть любимых в последний раз. Они сейчас наверняка в Ялте. Как обычно, всей семьей. Но вместо меня теперь другая. Я не буду им мешать, только посмотрю напоследок. А потом, когда они уедут, я останусь. Вернее, уйду. Навсегда...

— Ну зачем же так сразу 'навсегда', - вскинулась попутчица. — Еще не все потеряно. Расскажите эту историю Сергею. Если он вас любит — все поймет и простит.

Ира усмехнулась:

— Правильнее в прошедшем времени: любил. Он меня действительно любил. Но я все испортила. И Лариска по большому счету не при чем — я сама виновата. В конце концов, она меня всего-навсего провоцировала, а принимала решения и совершала отвратительные поступки я сама.

Лайнер тем временем почти остановился — неспешно подруливал к стоянке. Защелкали пристежные ремни. Самые нетерпеливые пассажиры уже встали с мест. Стюардесса вежливо, но настойчиво попросила их вернуться в кресла до полной остановки самолета.

— Да и не смогу я ему это сказать, — для пущей убедительности Ирина покачала головой. — И никому другому не смогла бы. Ни единому человеку, кто знает меня. Как же — Ирина Русакова, вся такая положительная, уверенная в себе, правильная, и вдруг собственными руками пустила жизнь под откос? Нет уж. Легче умереть, чем предстать перед ним такой глупой и беспомощной. Так что все решено. Спасибо вам за попытку спасти меня от последнего необдуманного шага. Я и так задержалась на этом свете. Я ведь должна была умереть восемнадцатого апреля прошлого года — так что уже почти полтора года живу на этом свете обманом, по поддельным документам. Искренне спасибо, что выслушали: мне хоть чуточку стало легче. Теперь я без проблем продержусь недельку на плаву. А потом у них закончится отпуск и... закончусь я.

Она сумела улыбнуться, несмотря на то, что хотелось выть в голос. Начала собираться. Взяла книгу, всю дорогу так и пролежавшую на коленях. Хотела было уложить ее в дорожный саквояж. Но попутчица вдруг ловко выхватила книгу из Ириных рук:

— Не закончится! Жизнь возьмет свое!

Блеснула металлическим корпусом ручка. Раскрыв книгу на титульном листе, дама что-то размашисто написала, и с обаятельной улыбкой протянула книгу Ирине.

Та наблюдала с недоумением и некоторым осуждением: зачем пачкать книгу? Могла бы попросить блокнот. Иру с детства приучили: в книгах

писать нельзя, их нужно беречь.

Вопросительно посмотрела в улыбающиеся глаза попутчицы. Раскрыла книгу, прочла:

'Благодарю за интересную и поучительную историю. Следите за новинками: Ваша история будет называться 'Побочный эффект, или умей сказать 'Нет!''.

Никогда не говорите 'никогда' — все еще будет хорошо!

С искренним уважением и пожеланием счастья,

Тамара Никольская'

— Вы?.. Так вот почему мне все время казалось, что я вас знаю! — перевернула книгу — так и есть, на обратной стороне красовалось фото попутчицы. Сколько раз вглядывалась Ира в это лицо, сколько раз мысленно обращалась к любимой писательнице за советом. Знакомого человека легко узнать на фотографии. Незнакомого же по фото — совсем непросто.

Никольская мило улыбнулась:

— Удачи вам, дорогая! Если угодно, примите совет: поговорите с мужем.

— В этом уже нет необходимости, — раздался голос с переднего сиденья.

У Ирины внутри все застыло: не может быть, этого не может быть. Он же...

— Ты же давно...

Голос предательски запнулся, не сумев преодолеть комок в горле. Она чуть откашлялась и повторила попытку:

— ... должен быть в Ялте...

Лишь теперь поняла, в какое жуткое положение попала. Руки задрожали. Он же всё слышал! Господи, зачем же она так разоткровенничалась?! Или не всё? В самолете довольно шумно. Может, все-таки нет? Или из-за шума моторов она говорила слишком громко, надеясь быть услышанной попутчицей? А заодно услышали и ближайшие соседи по салону. Кошмар.

Откуда он тут взялся? Это не может быть правдой. Так бывает только в кино. Или в плохих романах. Для таких неоправданных поворотов даже придумали название: 'Рояль в кустах'. Таких совпадений не бывает. Значит, он знал, что она летит этим рейсом?

Он не мог знать.

Но он все же оказался здесь. И всё слышал. Боже!!!

— Ты всё слышал?

Сергей уже стоял рядом с ее креслом и тянул из рук Ирины саквояж:
— Я не подслушивал. Но кое-что уловил, извини.

Уловил...

Он слышал...

Он слышал, что она стеснялась его рук, его профессии...

В это мгновение ее волновало только это. Уже неважной казалась история Черкасова и его сумасшедшей матери. Сергей знает, что Ира стыдилась его все эти годы — разве есть что-то страшнее этого?!

А Никольская не скрывала удовольствия от разыгрывающейся сцены. Как будто это она придумала отличный финал для своего сюжета:

— Я же говорила: все будет хорошо!

С ужасом Ира пыталась разглядеть второго пассажира переднего ряда: неужели ее исповедь слышала и дочь?

Сергей понял ее с полувзгляда, успокоил:

— Не бойся, Маришки здесь нет. Она уже неделю отдыхает тут с бойфрендом. Вырос ребенок, мы ей теперь не нужны. Но я не выдержал и решил нагрязнуть. Нагрязнем вместе — то-то ей сюрприз будет!

— Она не поймет, — прошептала Ира сквозь слезы. — Она никогда меня не простит...

— Поймет. Она теперь взрослая.

Ира боялась задать самый последний, самый важный вопрос. Набрала побольше воздуха, выдохнула:

— А Женя?

— В прошлом. Я обнаружил у нее серьезный недостаток: она не может быть тобой.

— Вы развелись, — с надеждой вздохнула Ирина.

— Да мы и не женились. Давай оставим эту тему. Твое прошлое, мое прошлое. Оба виноваты. Я, дурак, поверил Лариске. Ведь знал, что верить ей нельзя! Нужно было верить тебе. Нужно было хотя бы выслушать. Но умные мы задним числом. Простишь? И сняли тему, хватит. Идем скорее, Маринка ждет.

Довольная финалом Никольская осталась сидеть в кресле, прикрыв глаза и мечтательно улыбаясь.

Послесловие

На следующий после известных событий день Вадим уволился.

Прежде чем расстаться навсегда, Ирине пришлось встретиться с ним несколько раз для решения официальных вопросов, связанных с разводом.

Черкасов проявил благородство: ничего не требовал, ни на чем не настаивал, все подписал без проволочек.

Последний раз они встретились в том же районном загсе, где и зарегистрировали не так давно отношения. Больше в Ириной жизни он не появлялся.

Один раз позвонила Паулина. Интересовалась причиной развода. Уговаривала одуматься: мол, Вадик очень переживает разрыв, даже пристрастился к бутылке: выпивает чуть не каждый вечер, но понемногу. Чтобы сын не чувствовал себя пьяницей-одиночкой, мать поддерживает ему компанию. Отец из госпиталя не вылезает, одной дома скучно. Вадику тем более тошно в съемной квартире. Вот они и коротают одинокие свои вечера вместе.

Ира так и не смогла рассказать ей правду.

Софья Исааковна умерла в самом конце лета. Трест выделил Ларисе Трегубович материальную помощь — в наше время похороны, увы, весьма недешевое 'удовольствие'.

Ирина выразила бывшей подруге соболезнования. Расчувствовавшись, едва не простила предательницу, но вовремя одумалась. Счастье, что удалось с минимальными потерями выбраться из ловушки, подстроенной Лариской. Но та ведь наверняка не успокоится на достигнутом.

Чтобы обезопасить себя от козней Трегубович, нужно убрать ее из треста. Если уволить без веских оснований невозможно, то наверняка должен быть другой вариант.

Должность заместителя генерального директора по экономическим вопросам была сокращена. Если нет заместителя — ему не нужен и секретарь. Вполне логично.

Трегубович стала безработной. Жестоко, наверное. Мать потеряла, а теперь и работы лишилась. Ира тяжело пришла к этому решению. Жалко было Лариску: наверняка ведь намучается, пока другую работу найдет.

Однако пора становиться взрослой. Если мама не научила Ирину говорить 'нет', этому ее научила Лариска. Хватит быть добренькой. Пора становиться стервой.

Трегубович отправилась на биржу труда, а Ира вроде как пошла на повышение. Была заместителем генерального директора — стала директором по экономике: просто, эффективно, и где-то даже изящно. Плюс материальная выгода: директорская зарплата выше, чем у заместителя.

Осталось лишь подыскать себе нового секретаря. Но Ира теперь битая,

к этому делу она отнесется с большей ответственностью, чем раньше.

Table of Contents

[Туринская Татьяна Побочный эффект](#)